

Т. ГДЛЯН
Е. ДОДОЛЕВ

Мафия

ВРЕМЁН БЕЗЗАКОНИЯ

JN
6529
С6
638
1991

**Т. ГДЛЯН
Е. ДОДОПЕВ**

Мафия

ВРЕМЁН БЕЗЗАКОНИЯ

**ЕРЕВАН
1991**

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
Начало	5
Из жизни начальника ОБХСС (восточный вариант)	9
Круговая порука мажет как копать	14
Эмир бухарский	18
Серый кардинал	40
О дочерях, квартирах и еще кое о чем	43
Отцы и дети	46
Солідные цифры	57
Второй фронт	66
Цена белого золота	71
Стражи порядка времен беззакония (Норов и Музаффаров)	80
Время назвать имена	87
Правила игры	91
Взятка как таковая	92
Суд да дело	95
Анатомия коррупции	101
Только ли волна?	104
Стражи порядка времен беззакония (Щелоков)	111
Стражи порядка времен беззакония (Чурбанов)	121
Стражи порядка времен беззакония (Бегельман)	131
Самоубийства	134
Свои люди	141
Письмо	146
Прогнозы	149
Контрмеры	153
Конец эмира	155
Эпилог	157

Вся прибыль от этой книги перечисляется в фонд прогресса, защиты прав человека и милосердия.

ОТ РЕДАКЦИИ

Гдлян... Имя уже само рождает цепь ассоциаций, имен, событий, оно давно уже обозначает не только (и не столько) человека во плоти и крови, сколько социально-психический феномен, один из ключевых для нашего сегодняшнего посттоталитарного (как сейчас принято говорить) общества. Феномен, смысло-символическое измерение которого разворачивается в устойчивые для общественного сознания структуры политического мифа, в котором сплавлены воедино и традиционная тоска по герою-одиночке, мужественно выступившего на смертный бой с армией злодеев, и наше советское страстное желание встретить не на экране, а в жизни честного следователя, ловящего всю многочисленную рать высокопоставленных партократов. Наконец, это образ народного трибуна, ворвавшегося в кремлевские покои и заставившего зажавшихся власть имущих трепетать перед словом правды.

Жизнь и сложнее, и трагичнее. Гдлян не дали поставить последнюю точку в его блестяще начатой роли. Ушли от возмездия те, кого он разоблачал и как дотошный юрист, и как взрывной оратор. Но его не смогли ни купить, ни сломить, ни заставить замолчать, и при колоссальном неравенстве сил выстояв, он остался в народном сознании — победителем. Несмотря на умело сдиржированную кампанию против него, несмотря на разваленное не по его вине дело, несмотря на одиночество (да не обидится Николай Иванов, верный рыцарь и соратник), на которое он обречен как бы по самим законам жанра драмы, Гдлян вышел победителем. Против него работала вся мощь коррумпированной и безжалостной системы, зато время было на его стороне.

Читатель отдаст должное этой книге, ибо в ней отражен самый процесс борьбы, которая продолжается...

Профессор СУРЕН ЗОЛЯН.

Часть 1

НАЧАЛО

ББК 67.99(2)8

Г 265

ГДЛЯН Т., ДОДОЛЕВ Е.

Г 265 Мафия времен беззакония. — Ер.: Изд-во АН Армении, 1991.

В книге на фактическом материале расследования преступлений мафии показано, как руководитель следственной группы Тельман Гдлян со своими коллегами через высокие обретения и трагические потери, взлеты и падения, надежды и разочарования, наконец приходит к пониманию политических основ организованной преступности в стране. И эта открывшаяся перед ним во всей своей страшной наготе истина заставляет следователя-профессионала стать политиком и общественным деятелем: народным депутатом СССР и Республики Армения, председателем Народной партии России.

Книга печатается по заказу фонда прогресса защиты прав человека и милосердия.

Г $\frac{703(02)1991}{1203020110}$ без объявл.

ББК 67.99(2)8

Редактор А. Оганесян
Автор фото В. Бондаренко

© Издательство АН Армении.

ISBN — 5—8079—0222—X

Составление, вступительная статья, иллюстрация.
Художественное оформление, 1991.

Поскольку было точно известно, что Ахат вооружен, то задерживать его «Волгу» на многолюдных в этот час улицах весенней Бухары опытные оперативники не решились. С другой стороны, брать его надо именно сейчас, пока он не перепрятал только что полученные деньги из глубокого кармана ладноскроенного своего сюртука в какой-нибудь, ему одному известный тайничок. Оперативные машины металась по цветущим бухарским улочкам, параллельным неведомому маршруту Ахатовой «волжанки», пока не стало, наконец, ясно, что курс она держит домой, в крохотный райцентр Ромитан, что приткнулся на плоском берегу мутного канала к северу от красавицы Бухары. Чекисты, просчитав намерения Ахата, решили рискнуть: одна из машин, рывком кинувшись вперед, уверенно отправилась по битой дороге Бухара—Газли, чтобы в уютном местечке устроить засаду.

Выбрали подходящий—достаточно узкий—участок шоссе, смахивающего более на заброшенную проселочную дорогу. Тихо. Справа и слева—глубокие желтоватые арыки. Разгоряченную оперативную «Волгу» резко остановили, чуть развернув вправо, прямо посреди изъезженной усталыми тракторами трассы. Демонстративно распахнули все четыре тяжелые дверцы, открыли запыленную пасть широкого капота. Перекур. Вкусный сигаретный дымок томно растворялся в плотном, как расшитая персидская парча, кызылкумском воздухе, и ненадежная, словно плетеный мосток над арыком, апрельская свежесть угадывалась скорее в игровом дизайне растрепанных облаков, нежели в тяжелых и редких вдохах уже основательно прогретого среднеазиатской весной воздуха близкой нефтеносной пустыни. Наконец, вдали показалась долгожданная машина. Потушив сигареты, крепкие энергичные мужчины деловито принялись имитировать ленивое копание в супернадёжном моторе.

Говорят, что по поведению пса легко вычисляется характер хозяина. Может быть. Но уж во всяком случае, на примере водителя этой, не привыкшей тормозить «Волги», видно: возведенное в служебную добродетель вельможное хамство напористого хозяина стало благоприобретенной чертой его личного шофера. А от последнего каким-то сказочным манером передалось и «металлическому, средству передвижения», которое в

данном случае больше все-таки смахивало на «предмет роскоши», что бы там ни изрекал бессмертный Остап Бендер. И тем не менее, раздраженно взвизгнув новенькими тормозами, строптивая «Волга» остановилась. Сидевший за рулем Садулло, копируя брезгливо-недовольное выражение лица своего капризного сюзерена, полуучастливо-полураздраженно поинтересовался, в чем, мол, дело?

Комитетчики, по всем правилам гибкого актерского мастерства, изобразили жалкое неумение сладить с загадочной неполадкой мощного двигателя. Вопросительно покосившись на вальяжно раскинувшегося Ахата, исполнительный Садулло поспешно вылез-таки из-за руля. И всем своим неисполнским видом являя победно-ликующее презрение к бестолковым обладателям «сломавшегося» автомобиля, озабоченно прошествовал к жадно распахнутой ловушке исцарапанного капота. Однако хитрый и— главное!— вооруженный Ахат остался в кресле, и приблизиться к нему, не вызвав никаких подозрений, пожалуй, нельзя было, даже мобилизовав для правдоподобия все тонкости системы Станиславского. Ждать, пока коварный обладатель казенного пистолета выйдет поразмять ноги или освежить кисти рук в журчащем арыке, не приходилось, поэтому его решили робко позвать «для консультации». Если гора не идет к Магомету... Но тут Ахат сам не вытерпел и, что-то бормоча, беспечно раскрыв правую дверцу служебного автомобиля. Подошел. Поприетствовал незнакомцев.

И вот когда этот милиционер-миллионер*, добродушно усмехаясь, склонился над поблескивающим нутром «Волги», оперативники резко навалились на расслабившегося Ахата с двух сторон. Садулло растерялся лишь на миг, а затем, вполне профессионально выстреливая отборными проклятиями, кинулся на вырубку вечного своего благодетеля с полномочиями кади. Впрочем, до шумной свалки не дошло. Через пару минут, стряхиваясь и деликатно рассовывая личное оружие по карманам и потайным кобурам, сотрудники КГБ развели неразлучную парочку по разным машинам и отправились обратно в Бухару.

Этим же вечером испуганный Ахат стал виновником необычного новоселья. Он — первый, пусть и невольный, посетитель нового здания областного управления КГБ. Дело в том, что прежняя резиденция комитета находилась в том же здании, что и местное УВД. То есть Ахата пришлось бы возвращать едва ли не на его рабочее место. А это было чревато чем угодно, вплоть до попытки силой отбить арестованного.

Увидев, какой крутой оборот принимает дело, начальник об-

---

* О второй составляющей этого определения работники КГБ тогда в точности не знали, хотя догадываться основания были...

ластного ОБХСС Ахат Музаффаров слегка скис. Начальнику сделалось дурно. Хотя он отчаянно пытался храбриться, но лицом основательно побледнел. Вот такого, белого лицом, его и вывезли (уже без его преданного оруженосца Садулло) под покровом ночи по самаркандскому шоссе на северо-восток, в Ташкент. Когда Ахата привезли в изолятор республиканского КГБ и сняли с запястий крепкие веревки*, он в полный голос жалобно взмолился:

— Пожалуйста, не губите!

На что ему жестко и резонно ответили, что отвечать придется по всей строгости закона. И помимо этого плакатно-стандартного пассажи, прозвучало напоминание Музаффарову, что он-то к своим жертвам жалости не знал.

...Случилось это в апреле 1983 года. Бывший председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов, став Генеральным секретарем партии, санкционировал повсеместное усиление борьбы с коррупцией. Арест Музаффарова стал отправной точкой грандиозного расследования, позднее, с легкой руки журналистов, неверно окрещенного только «узбекским делом». Но тогда о масштабах грядущего следствия никто не знал.

При обыске у Музаффарова обнаружили более миллиона рублей. Вслед за начальником ОБХСС арестовали еще несколько «больших людей» Бухары. Пошли гулять слухи, что не сегодня-завтра подойдет очередь первого коммуниста области Абдувахида Каримова. Однако Бухару посетило очень высокопоставленное лицо и «пресекло домыслы», уверив «партактив и народ», что Каримов вне подозрений.

Указанием сверху «вне подозрений», подобно божественной супруге Юпитера, поставлен был тот, кого чуть ли не вся область давно уже величала (за глаза, конечно), новым эмиром, новым ханом старой Бухарой**.

Глава 1   ИЗ ЖИЗНИ НАЧАЛЬНИКА ОБХСС (ВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ)

Ахат Музаффаров слыл в древней Бухаре алчным визирем средневековой свирепости, феодального вероломства и вполне современной нахрапистости.

* По сию пору никто толком так и не вспомнил, то ли не нашлось стандартных наручников итальянского производства, то ли веревки использовали в спешке.

** С XVI века Бухара была столицей ханства, позднее переименованного в Бухарский эмират; с 1920 по 1924 гг. — административным центром Бухарской народной советской республики.

Работая начальником отдела БХСС Управления внутренних дел Бухарского облисполкома, Ахат регулярно «доил» всех, кого можно, получая взятки, в том числе (цитируем обвинительное заключение) — «совместно с другими должностными лицами и путем вымогательства от подчиненных ему по службе и зависимых лиц за покровительство и поддержку по работе». Разумеется, чтобы усидеть в сытном кресле, Музаффаров и сам столь же регулярно «давал» вышестоящим лицам... и занимался спекуляцией в крупных размерах. То есть «работал» вполне по профилю своего ведомства. В обществе, где все было поставлено с ног на голову, — картина обычная. Было бы ханжеством этому удивляться, коль скоро по всей стране общение сводилось к застолью, а высшей добродетелью считалось значиться в номенклатурных списках; умение «доставать» ценилось более, нежели искусство «создавать», а законность была уже не двойной даже, а тройной, словно дешевый одеколон. Механизм коррупции отчетливо просматривается в показаниях свидетелей. Слово Э. Саидову:

— Весной 1981 года решался вопрос об образовании Файзулло-Ходжаевского РОВД, и как-то в разговоре Музаффаров намекнул, что меня, возможно, назначат на должность начальника отделения БХСС этого райотдела. Затем я был на беседе в горкоме партии. Примерно через неделю меня вызвал Музаффаров и сказал, что если, мол, я хочу работать в должности начальника, то должен дать ему взятку, назвал и сумму — 6000 рублей. Я знал Музаффарова как человека, имеющего большие связи и влияние в Бухаре, и по его разговору понял, что если не дам взятку, то он примет меры к тому, чтобы мне не работать в этой должности, перекрыет, как говорится, кислород. Примерно в двадцатых числах мая я пришел к нему в кабинет и отдал деньги. После этого был назначен на должность.

Если верить Саидову, деньги на взятку он взял из семейных сбережений, о чем была осведомлена его жена (безропотно подтвердившая слова супруга).

Впрочем, ревностный блюститель правопорядка Ахат Музаффаров брал мзду не только купюрами. И не обязательно измеряемую пятизначным числом. Только упоминания о борзых щенках не хватает в деле. Истину о том, что великое из малого складывается, Ахат усвоил куда вернее, чем положения Уголовного кодекса. А потому не брезговал «часами японского производства марки «Ориент» стоимостью 320 рублей», отечественными, — зато какими! — «мужскими золотыми часами марки

«Полет» стоимостью 775 рублей и даже такой мелочовкой, как

Взятки от ретивых подчиненных бесхитростно камуфлировались, как правило, под «скромные», зато «от всей души» подарки к столь знаменательной дате как день рождения взяточника. Хотя и другие, менее знаменательные для Музаффарова календарные праздники не были в этом смысле холостыми для хваткого предводителя ОБХСС.

Хронологию красных дат календаря можно отслеживать по обвинительному заключению: «От начальника отделения, а затем заместителя начальника ОБХСС Бухарского облисполкома Б. Гафарова получил 8 марта 1980 года — 4 отреза ткани, двое детских джинсовых брюк, 23 февраля 1981 года — наручные часы «Ориент», в мае 1981 года — 2000 руб., 4 апреля 1982 года (день рождения Музаффарова. — Т. Г. Е. Д) — мужские золотые часы марки «Полет», в мае 1982 года — два женских велюровых плаща, 7 ноября 1982 года 3000 руб., в декабре (в канун Нового года) — 8000 руб., 8 марта 1988 года — женские золотые часы марки «Чайка» и две спортивные куртки...».

Нельзя обвинить коллекционера золотых часов Ахата, что он груды этих самых часов и пачки банкнот стыдливо занюхивал под паркет то, что предназначалось «датчиками» для домохозяев, он дарил им. Например, дочери — от своего, заметим, имени — гиперпрезентовал полученную взятку. Из показаний дочери: «Примерно в октябре-ноябре 1982 года родители дали мне новый велюровый плащ 44 размера, кажется, австрийского производства».

Итак победно продемонстрировало новое назначение Гафарова, овчинка выделки стоила. Словно замысловатая арабская вязь, выплеталось непререкаемое правило: за повышение по службе надо платить (сам Музаффаров, во всяком случае, как мы увидим, платил). Хорошо, когда всего лишь детскими джинсами... Некоторые подходили к делу основательнее.

Например, от старшего инспектора линейно-отраслевого отделения ОБХСС УВД Бухарского облисполкома Р. Рахманова Музаффаров получил весной, летом и осенью 1981 года по 20000 руб.

Это уже серьезнее. Строгая, как в солидной фирме, такса. Тем более, если подсчитать, сколько на эти систематические «двадцатитысячные взносы» можно прикупить велюровых плащей и плюшевых медвежат для несмышленных пока наследников. Каким образом набирал миллионер каждый столь основательные суммы, уже не узнать — в канун ноябрьских праздников 1981 года (успев передать очередную дань Ахату) старший инспектор скоростно скончался. Но изымел уж, навер-

ное, не как Саидов — «из семейного бюджета», хотя, быть может, и, подобно ему, «с ведома жены». Как бы то ни было, установлено, что летом 1981 года Рахманов получил взятку в 15000 руб. от заведующего магазином № 24 Бухарского горпроторга за непринятие мер по выявленным фактам нарушения правил торговли. Кроме того, в мае 1980 года Рахманов принял участие в передаче взятки начальнику отдела ГАИ от М. Азимова за содействие в устройстве последнего водителем в Бухарский таксопарк.

Но взятки от своих коллег в мундирах — это цветочки. Ягодки росли на обширной ниве торговли. Музаффаров, по его словам, люто ненавидел зажавшихся торгашей. И свой классовый гнев реализовывал в весьма своеобразной форме — экспроприаций в карман служебного кителя. Исполнительные функции этой праведной мести Ахат частенько перекладывал на своего оруженосца Садулло.

Музаффаров систематически получал мзду от работников госторговли, снабжения, потребкооперации и общественного питания. Эти люди, само собой, зависели от «начальника», поскольку тот обладал беспрекословным правом контроля их деятельности, в том числе и теневой, поэтому они рассчитывали на его поддержку в случае — не приведи Аллах! — изобличения в каких-либо правонарушениях. «Весной 1982 года при посредничестве водителя своей служебной машины С. Буранова Музаффаров получил от Б. Рустамова, директора лесоторговой базы, и заведующего складом № 5 Бухарского областного управления материально-технического снабжения Госснаба УзССР Х. Мажидова по 15000 руб. с каждого для покупки у жителя Бухары В. Азаряна лотерейного билета, на который выпал выигрыш автомобиля марки «Волга ГАЗ-24». Купленный за 30000 руб. лотерейный билет Буранов вручил Музаффарову».

Вот такое везение. И не только в лотерею.

Говорят, рыбак рыбака видит издалека. Во всяком случае, сноровистый «обэхэсэсник» сходил с нужными ему «деловыми людьми» стремительнее, чем резвые представители кошачьего племени во время своих весенних игр. Из показаний Музаффарова, данных два года спустя с того рокового апрельского дня, когда его «спеленали» веревками:

«О Рустамове Бараке я услышал от своих подчиненных, которые сообщили, что он работает на лесоскладе. В один из вечеров он приехал ко мне домой, представился, и таким образом мы познакомились. К тому же я вспомнил, что мне о нем говорили. После этого, в начале 1980 года, в рабочее время Рустамов пришел ко мне в служебный кабинет, поздоровался, спросил о здоровье. Мы поговорили на общие темы, а затем он сказал, что

принес мне деньги «на расходы», и передал пачку, в которой оказалось 3000 руб. Летом 1981 года Рустамов принес ко мне в кабинет большую коробку, и на мой вопрос, что в ней, ответил, что «сделал мне сюрприз» — принес магнитофон. После ухода Рустамова я вскрыл коробку, в ней был магнитофон «Шарп-777»... В это же время, летом 1981 года, мне понадобился лесоматериал для строящегося в Шахрисабзе дома. Я обратился к Рустамову, который выполнил мою просьбу, дал три кубометра досок и брусьев... Таким же образом в середине 1982 года Рустамов дал котел, батареи, трубы для отопительной системы...».

Когда Музаффаров обо всем этом рассказывал, создавалось впечатление, что угодливый Рустамов только тем и озабочен был, как бы «сделать» очередной сюрприз своему покровителю. Если бы этот опекун был не в погонах, а в юбке, можно было бы предположить, что директор базы ухаживает за предметом своей тайной страсти. Впрочем, «сердечный друг» имеет свою точку зрения на сложившееся сомнительное взаимопонимание между ним и охранником порядка — одновременно расхитителем народного добра: «Я вынужден был давать взятки начальнику ОБХСС. В противном случае он обещал мне большие неприятности. Музаффаров в любой момент мог организовать в отношении меня какую-нибудь провокацию и посадить... Летом 1981 года в Москве я купил магнитофон марки «Шарп» за 2200 рублей. После моего возвращения в Бухару позвонил Музаффаров и сказал, что ему нужен именно этот магнитофон и потребовал немедленно привезти. Я не посмел противиться».

Рустамов с гневом (разыгрываемым?) вспоминает, как весной 1982 года ему позвонил плотно поднасевший на него Музаффаров и открытым текстом сообщил, что, мол, у одного человека есть лотерейный билет, и он, Рустамов, должен купить этот билет. Когда директор робко ответил своему «дружку», что такой суммы денег у него, дескать, нет, Музаффаров прямо-таки взорвался от такой строптивости и запальчиво заинтересовался:

— Ты знаешь, с кем разговариваешь? — и, чтобы сомнений у Барака не оставалось, обрисовал перспективу, — если хочешь жить и работать — купишь!

Примечательно, что падкий до японской аппаратуры и отечественных авто начальник предпочитал не марать руки сам по мелочам (а может, просто не успевал собирать всю ему причитающуюся — как он полагал — дань с бывшей столицы старинного ханства?). И, повторим, личного шофера (да и не только его) рассматривал как исполнительного, бессловесного опричника, на которого безбоязненно можно возложить малоприятную процедуру мелких поборов. С территории винзавода Садулло бывозил коньяк и водку ящиками, со склада тканей — отрезы.

Ну и так далее. Помимо этого, Санчо от ОБХСС обделывал и другие дела. Из показаний свидетеля: «Буранов Садулло является мужем моей родной сестры Ольги. В мае 1982 года Садулло дал мне лотерейный билет и сказал, что его начальник требует оформить машину на мое имя. Садулло сказал мне, что если я этого не сделаю, то у меня могут быть неприятности на работе».

КРУГОВАЯ ПОРУКА МАЖЕТ, КАК КОПОТЬ

Не надо думать, что именно начальник ОБХСС с его янычарскими представителями завел моду вымогать. Брали и до него. И если внимательно проследить долгий путь цветастых ассигнаций, свирепо выколачиваемых экс-начальником, то выяснится, что некоторые из этих легких бумажек, пройдя по сложной и хитрой цепочке, оседали далеко от областного центра, в Москве.

Ключевым звеном этой цепочки в данной ситуации являлся, как выяснилось, полновластный хозяин Бухары (не только города, но и области) Абдувахид Каримов.

Именно он, первый секретарь обкома партии, вельможно покрывал Музаффарова. И поощрял фактический его разбой. Тому было множество причин, среди которых и инспирированная Ахатом «забота о безопасности Каримова». Но об этом позже. Итак, брали, как заведомо, так и после разгула дружного дуэта. Музаффаров не был, повторяем, первооткрывателем взяточной целины. Однако, по выражению бывшего его коллеги, именно он «обнаглел окончательно».

С другой стороны, никто не мог предвидеть, во что выльется незаметный на криминальной карте страны арест милицейского офицера, пусть и известного в области, но, еще раз подчеркнем, на всесоюзной, так сказать, арене фигуры неприметной и мало значащей. Человек, как известно, предполагает. Располагают иные силы. В данном случае этой высшей распорядительной инстанцией стала на беду масштабной мафии Прокуратура СССР, которая весной 1983 года направила в Бухару для раскрытия «музаффаровского» дела бригаду из трех следователей. Но именно вмешательство со стороны смогло вывести на чистую воду Музаффарова и его пособников. Если бы делом занялись вышестоящие коллеги начальника ОБХСС, оно, пожалуй, могло бы закончиться худо...для его «обидчиков». Здесь, в известной мере, все решал случай, который, так же, как и бесстрастная Фемида, носит на глазах повязку, но выделяет при

этом разные хитрые коленца. Действительно, неизвестно, как сложилась бы судьба Ахата, займись его делом его же шефы.

Органами внутренних дел в области руководил Абдурашит Дустов. У него был свой, не оригинальный, увы, а, напротив, весьма стандартный стиль работы.

Начальник Вабкентского РОВД на следствии вспоминал: тов. обругал нецензурными словами. После этого при каждом удобном случае, на собраниях и оперативных совещаниях Дустов стал критиковать работу РОВД, оскорблять в присутствии других работников, угрожать увольнением из органов. Видя, что отношение начальника ко мне изменилось и с каждым днем становилось все хуже несмотря на то, что я старался поднять уровень работы отдела, перед ноябрьскими праздниками 1982 года я купил в гастрономе Шафрикана 20 бутылок коньяка, а на колхозном рынке в Бухаре — тушу барана и все это передал своему водителю, чтобы он отвез и передал членам семьи Дустова.

Так сложился определенный расклад: шоферы оказывались в курсе хозяйских взаимоотношений и так же, как бедолага Садулло, участвовали в коррупционном деньговороте. Все, так или иначе, становились сопричастны. Или уж во всяком случае к этому шло.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ: «Во время подписной кампании на газеты и журналы на 1983 год Дустов получил в своем служебном кабинете от инструктора по политико-воспитательной работе, который занимался подпиской, взятку на сумму не менее 78 рублей как оплату за выписанные газеты и журналы.

В своем служебном кабинете Дустов от начальника медслужбы УВД получил в качестве взятки две путевки в санаторий «Железноводск».

Были дежурные взятки, были взятки по поводу тех или иных праздников, даже нелады в работе и несчастные случаи использовались в качестве подходящих предлогов для вытягивания денег у подчиненных. Начальник одного из ГОВД рассказывал:

«7 февраля 1983 года у нас в Каракульском районе произошло ЧП. Один из жителей района, находясь в нетрезвом состоянии, на охоте застрелил по неосторожности своего товарища. На следующий день или через день после этого случая меня, участкового инспектора Худайбердиева и старшего инспектора Хасанова пригласил к себе в кабинет Дустов. Там он нас стал ругать за то, что мы допустили такой случай, всячески оскорбляя нас, выражался нецензурной бранью в наш адрес, грозил, что увольняет всех с работы. Этот разбор длился в течение двух с

половиной часов. После разноса Дустов отпустил из кабинета инспекторов, а мне сказал, что если я хочу работать в должности начальника милиции, то должен принести ему деньги».

Ну, а список разнообразных «передач» Дустову смекалистым Музаффаровым состоит почти из тридцати пунктов, среди них и «10 пар импортных носков на сумму 14 рублей», и «10 чопанов (национальных халатов) общей стоимостью 2500 руб.». А всего на многие десятки тысяч.

Были, конечно, у Музаффарова начальники и повыше рангом. Например, высокопоставленные работники МВД. Этим заветные конверты доставлялись в столицу республики.

Из показаний Музаффарова: «В Ташкенте я устроился в гостинице. Утром следующего дня зашел в служебный кабинет к (...) и положил ему на стол сверток с деньгами».

В этих же показаниях упоминается первый заместитель министра внутренних дел республики Г. Давыдов: «Давыдов остановился на даче облисполкома. На второй день, во время обеда Давыдова и Дустова в столовой, я поднялся в номер Давыдова..., увидел там портфель, принадлежащий Давыдову, открыл его и положил 1000 руб. 25-рублевыми купюрами. В этот вечер Давыдов уезжал, и я помогал ему выносить вещи в автомашину, нес портфель. При этом я сказал Давыдову, что положил ему в портфель деньги «на расходы».

СПРАВКА: в ходе следствия были установлены факты получения Давыдовым в 1980—1983 гг. взяток и от других подчиненных ему по службе лиц. О корыстных злоупотреблениях Давыдова было информировано руководство МВД СССР, в связи с чем 15 апреля 1985 года он подал рапорт об увольнении. 24 апреля 1985 года он был помещен в госпиталь МВД УзССР в Ташкенте для обследования состояния его здоровья. 11 мая 1985 года приказом МВД СССР № 152 л/с Давыдов был уволен из органов внутренних дел. 17 мая 1985 года в ночное время в палате № 80 госпиталя Давыдов покончил жизнь самоубийством, произведя три (!!!) выстрела в голову из пистолета. На решимость Давыдова покончить жизнь самоубийством, очевидно, повлияла и целая серия самоубийств избалованных во взяточничестве должностных лиц республики, и одобрительная реакция на это других руководящих работников, поскольку эти трагические кончины обрывали ниточки, ведущие наверх.

Ну и, наконец, не был обойден вниманием главный республиканский страж порядка Кудрат Эргашев, который расстался с жизнью так же, как и его заместитель — при помощи казенного пистолета. Министр был, судя по музаффаровским словам, строг и придирчив:

«Эргашев выразил недовольство работой руководимого

мной отдела БХСС по итогам работы за первое полугодие 1982 года. Я узнал об этом от Дустова, который сказал, что министр очень недоволен, резко отзывается обо мне. Я считал, что у меня показатели не хуже, чем в других областях, но понимал, что с министром шутки плохи. Знал, что Дустов дает взятки министру, и решил через него дать взятку Эргашеву. Я вручил Дустову 10000 руб. и попросил передать их министру. Я сказал, что хотел бы наладить отношения с Эргашевым, и чтобы он перестал ко мне придираться. Приняв у меня деньги, Дустов согласился отвезти их в Ташкент, но в то же время заметил, что передавать Эргашеву сразу 10000 руб. не следует, для него это слишком большая сумма (не правда ли, любопытно? — Т.Г.Е.Д.). Поэтому я сказал, чтобы он от меня передал Эргашеву столько денег, сколько сочтет нужным, а остальное взял бы себе...».

Грозный министр нагнал на начальника областной конторы БХСС такого страха, что тот с завидным рвением начал пытливо искать и другие выходы на сердитое (но «справедливое» — много можно не давать) высшее руководство: «В начале 1981 года (...) познакомил меня с зятем Эргашева. Тот несколько раз приезжал в Бухару. Я знал от него, что он продает старую автомашину «ГАЗ-24» и собирается покупать новую. Я пообещал помочь деньгами, если он сообщит об этом Эргашеву. Летом 1981 года зять Эргашева приехал в Бухару и попросил найти ему новую автомашину «ГАЗ-24». При этом дал мне 26000 руб., сказав, что две тысячи из этой суммы ему дал другой человек. Я не смог купить машину, а вскоре он сам мне позвонил из Ташкента и сказал, что нашел машину за 45 тысяч рублей, и придет за деньгами. Я понял, что должен ему вернуть 45000 руб., то есть добавить свои 19000 руб. Через день-два он прибыл в Бухару, и в гостинице «Заревшан» я вручил ему 45000 руб. ...».

И все же, при всем при том, невзирая на «замазки» родичам всесильного министра, козырным тузом Музаффарова оставался «новый эмир». Именно он должен был прикрыть — и благополучно прикрывал! — бухарского офицера с повадками чикагского гангстера. Тому, напомним, были свои причины. Своя цена.

Ахат довольно-таки долго был знаком с Каримовым и, после его назначения в 1977 году на пост первого секретаря Бухарского обкома КП Узбекистана, обратился к новоиспеченному «эмиру» за помощью: посодействовать в переводе на работу в органы внутренних дел именно этой области. Он прикинул, что здесь-то есть возможность развернуться. В марте 1978 года Ахата назначили начальником Ромитанского РОВД. По совету отца он решил заручиться поддержкой и покровительством Абдувахиды Каримова и в этих целях (само собой!) дать ему солид-

ную взятку. Для этого родитель дал Ахату ни много ни мало — 50000 руб.

Потом были другие подношения. Порой ровно в десять раз меньше того, фундаментального, которое сплотило двух разнокалиберных борцов за собственное благополучие, хотя оба и декларировали, что пекутся лишь о достоянии народа (что, впрочем, не ново).

— Для дачи очередной взятки я решил воспользоваться приближающимися ноябрьскими праздниками. В начале ноября 1980 года пришел в обком партии. Каримов принял меня, я поздравил его с наступающими праздниками и передал конверт с пятью тысячами рублей, — вспоминает Ахат, для которого, как мы помним, праздники всегда были сопряжены с «сюрпризами».

СПРАВКА: в процессе проведения следственных действий изъяты принадлежащие Музаффарову ценности на общую сумму 1 627 542 руб., в том числе деньги на 1 131 183 руб., ювелирные изделия и золотые монеты на четверть миллиона рублей.

Всего-то пары крупных купюр не хватило, дабы округлить до 80 тысяч весь музаффаровский взнос в личный бюджет партийного руководителя. Можно соотнести это с окладом Ахата и сделать разброс по его стажу. Но... Естественно, не последнее начальник отдавал. Ведь как-никак, помимо разномастных взяток, он бесстыдно грел руки и на примитивной спекуляции. Причем по-крупному. Если уж перепродавать, так «Волгу». Чего мелочиться-то, один раз живем. И жил не тужил, имея такого отзывчивого покровителя, как Абдувахид Каримович, любящий повторять: «Мой стиль работы отличается от других».

ЭМИР БУХАРСКИЙ

...Работать, и работать по-настоящему, много и тяжело, он начал, как принято в кишлаках, рано. С десятилетнего возраста. Надо полагать, что тогда «стиль работы» невысокого паренька из села Севаз Китабского района не отличался от обычного изнурительного труда других таких же сельских мальчишек. Неизбежный подъем в пять утра. Потом — на колхозное поле. И потная карусель: хлеб, рис, хлопок, бахчевые... С младых, как говорится, ногтей узнал будущий первый секретарь обкома бессонную цену урожая.

Старший брат летом сорк первого со дня на день ждал приказа о демобилизации. Но домой вернулся лишь в сорок шестом. Девятьсот долгих дней в блокадном Ленинграде. Потом

недолгие, но жаркие бои в далекой Маньчжурии. И, уже после Победы, почти год службы на пограничной Чукотке.

Война. Городские подростки, рассказывают, стояли во время работы на порожних снаряжных ящиках, чтобы дотянуться изодранными пальцами до станков. А маленькому Абдувахиду отец смастерил специальную сажень — ровно вдвое короче стандартной — дабы двенадцатилетний табельщик справлялся со взрослой работой, которая требовала от него двойного напряжения. Как и большинство дехан, Каримовы голодали...

Ступени (1977—1978)

Каждое утро, чуть свет, первому секретарю Бухарского обкома привозили, вернее так — доставляли — на дом продукты. Председатель правления Бухарского облпотребсоюза Гани Мирзабаев (посетовавший как-то одному из журналистов, что Каримов превратил его в «своего личного завхоза», ежеутренне покупал в соседней пекарне дюжину горячих лепешек, а его шофер немедленно привозил быстроостывающее подношение вельможному сановнику. Мелочь, конечно. Хлеб наш насыщенный. Однако... Только лепешек более чем на 1000 руб. за эти годы.

Жена Мирзабаева со слезами вспоминает, что Каримов частенько звонил мужу прямо домой и просил разную разность, но что именно и в каком количестве, Гани ей никогда не говорил: не женское это дело — в мужских разборах участвовать. После этих командных звонков брат мужа, Рахмат, привозил к Мирзабаевым коробки, которые затем увозились в неведомом направлении водителями служебных машин, закрепленных за Гани. Она, конечно, догадывалась, что все это регулярно отвозилось Каримову — будь он неладен! Потом об этом ей сказал и сам муж. После того как первым секретарем обкома партии был избран Абдувахид, ее муж как-то надломился, стал нервным, говорит она, опуская заплаканные глаза. Однажды он ей сказал, что хочет уволиться, так как надоели поручения, и при этом с чувством бросил:

— Сколько ни давай, ему все мало.

Ежемесячно к ним домой доставлялась целая груда ящиков с восточными сладостями и различными продуктами, которые затем исправно отвозились «новому эмиру».

Кстати, муки самого Мирзабаева по поводу регулярных поборов как-то прокомментировал зампред облпотребсоюза:

— Помню, Мирзабаев очень долго писал список, что диктовал ему по телефону Каримов. Окончив разговор, Мирзабаев

бросил со злостью ручку, махнул рукой и сказал: «Надоел со своими заказами, когда только наестся, все ему мало, я тоже не в состоянии обеспечить всех его родственников и семью». И добавил, что с первых дней работы Каримов как ярмо на его шее. Я по возможности пытался успокоить Мирзабаева и сказал ему: «Не нужно расстраиваться, Гани Мирзабаевич, он поймет и перестанет». В ответ на это Мирзабаев мне мрачно заметил: «Он поймет, когда мы все будем в тюрьме».

Как в воду смотрел глава облпотребсоюза: во второй половине 1988 года они оказались на одном этаже Московского следственного изолятора, известного под названием «Матросская тишина».

Во время следствия зампред облпотребсоюза вспомнил, что со слов своего босса ему известно, что каждую свадьбу своих детей Каримов обязывал Мирзабаева обеспечивать всеми необходимыми товарами, причем по высшему разряду. Не ударять же в грязь лицом.

Здесь всем пример подала Я. С. Насриддинова, которая, будучи Председателем Президиума Верховного Совета Узбекистана, закатила для своего сына такую свадьбу, что слава об этом двухнедельном гульбище, которое обслуживали полсотни официантов и двести шоферов, докатилась до самого Брежнева. И генсек, по свидетельству очевидцев, пожурил Ядгар Садыковну... Но... По всему, такой размах пришелся Леониду Ильичу по душе, что бы он там на людях ни выговаривал Насриддиновой. Во всяком случае, он и Подгорный прикрывали ее потом, когда бывшую руководительницу республики хотели исключить из партии за корыстные злоупотребления... Но вернемся к нашим баранам, сколь ни двусмысленно звучит эта французская притча в данной ситуации.

Работавший водителем служебной автомашины Мирзабаева свидетель рассказал:

«По указанию Мирзабаева... со двора его дома я систематически возил домой Каримову различные картонные коробки. Обычно возил по 2—3 коробки, которые во всех случаях были плотно упакованы и перевязаны шпагатом... Очень много различных картонных коробок доставлялись мной домой Каримову перед свадьбами его детей».

В обеспечении «нового хана» всякой вкуснятиной и дефицитными вещичками принимали вынужденное участие не только «шоферы—бедолаги» Мирзабаева, но и водители других черных «Волг» и синих «РАФов». Бывший шофер Бухарского обкома партии вспоминает:

«Каримов поручил мне поехать на базу и получить продук-

ты, послал он меня на автомашине «РАФ». В автомобиль кладовщики погрузили коньяк, столичную водку, чай, конфеты и овощные консервы... Все эти продукты я отвез Каримову. Через несколько дней я снова поехал на базу и получил несколько коробок конфет. Кулиев передал мне банку с икрой. В жестяной банке было примерно 3 кг. Кулиев мне напомнил, чтобы я сказал Каримову, что он лично достал ему икру».

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ДИРЕКТОРА СОВХОДА У. МАНАТОВА: «В Канимехе Каримов проводил очередное совещание. В своем выступлении он начал критиковать мою работу, не зная фактического положения дел в совхозе. Я понял, что Каримов критикует меня не за работу, а за то, что я не принес ему денег. После совещания я получил подтверждение этому. Увидев меня, Каримов подошел ко мне и спросил, почему я не выполняю его требований. Для окружающих это был обычный вопрос руководителя, но я понимал, что он меня спрашивает в отношении денег... Через несколько дней после совещания я зашел на прием к Каримову. Я затронул какой-то производственный вопрос, после решения которого Каримов спросил меня, привез ли я деньги. Я ответил, что принес, вынул сверток с деньгами и отдал их прямо в руки Каримову. Вот так я вручил Каримову первую взятку в размере 2000 руб.».

Аппетит приходит во время еды. Получение второй взятки от Манатова совпало со столь торжественным событием, как завершение телефонизации совхоза. Каримов позвонил директору на работу и сообщил, что через несколько дней посетит совхоз. Чтобы несмышленный подопечный не заблуждался насчет глубинных мотивов этого визита, «новый бухарский эмир» метафорически, словно в багдадских притчах, расшифровал подоплеку их грядущего свидания. Во всяком случае, директор его понял так, как надо.

— Далее, — грустно поясняет Манатов, — он мне открыто сказал: «Ты смотри мне, не шути, в прошлый раз ты меня сильно подвел. Чтобы в этот мой приезд было все хорошо». Чего там, мне было понятно, что две тысячи ему мало и что в этот раз ему придется дать сумму большую...

Потом, продолжая свои показания, Манатов уточнил, что к приезду «эмира» он приготовил 5000 руб. и заодно написал отчаянное заявление об увольнении. Абдувахид Каримович приехал к нему в совхоз вместе с первым секретарем Канимехского райкома партии Петросянцем. Притомившийся с дороги Каримов осмотром хозяйства утруждать себя не стал. В одном из уютненьких помещений центральной усадьбы совхоза они выпили зеленого чая, а когда Петросянец куда-то вышел, готовый ко всему директор передал «эмиру» пачку банкнот и, конечно,

свое заявление об увольнении. Каримов благожелательно взял деньги, аккуратно положил их в карман своего нарядного кожаного пальто, а жалостливое заявление... порвал. Уверенно и привычно.

Тем самым он ставил директора на место. Манатов нужен ему на этом посту. Поскольку они уже «сработались». А то придет новичок, не знающий мудреных правил игры, и придется тратить драгоценное секретарское время на «работу с кадрами». Так, наверное, рассуждал Абдувахид Каримович.

Работа с кадрами (I)

Манатов пошел в гору. Его назначили директором областного треста каракулеводческих совхозов. Меха, это вам не фунт изюма...

Как-то его вызвал «эмир», сказал, что он, Каримов, едет в отпуск и ему, ясное дело, нужны деньги. Для представительства. Когда же Манатов, потупя взор, неуверенно начал сопротивляться, говоря, что у него нет денег, Каримов заявил, что, в таком случае, «незачем работать в тресте». И довольно прямолинейно намекнул, что может сделать так, чтобы новоиспеченного директора треста сняли с работы и убрали без лишнего шума Манатов, крепя сердце, решил «дать»:

--- Через пару дней после того нашего разговора с Каримовым я в вечернее время позвонил ему на работу и сказал, что, мол, выполнил его требование. Было поздно, поэтому Абдувахид Каримович сказал мне, чтобы я захватил деньги и шел напрямиком к зданию обкома партии, а он выйдет мне навстречу. Я взял деньги и пошел к зданию обкома. На бульваре мы встретились...

Немного истории (середина 1956)

Во время губительного паводка недавний выпускник Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства Каримов с энтузиазмом руководил строительством немудреных противопаводковых «треугольников» из камней и хвороста, которые и уберегли вверенный ему колхоз от мутной стихии.

Работа шла всю ночь, под густым дождем. И всю ночь с другой стороны реки справно помогала неровным светом подслеповатых фар какая-то машина. Поутру выяснилось, что это «газик» тогдашнего зампредисполкома, оказавшегося таким обра-

зом свидетелем ударной работы Каримова. Он и рассказал в об-
коме об этой ночной вахте отважного инженера.

И вскоре Каримов возглавил строительство Большого Иски-Ангорского канала, длиной 184 км, на котором работало более сорока тысяч человек.

«Качество, стиль и методы моего руководства были замечены в ЦК Компартии республики», — пишет, не вкаяясь в подробности происшедшего, экс-секретарь в голубой ученической тетрадке, которая лаконично озаглавлена «Биография».

Был в его биографии и еще один похожий и столь же важный поступок, о котором так же, как и о сражении с паводком, в голубой тетрадке не упомянуто. Однажды Каримов вместе с председателем райисполкома и двумя шоферами несколько часов подряд боролся с непокорной водой. Едва ли не своими усталыми телами дружно закрывали яростный прорыв одного из мелких здешних каналов, края которого коварно подмыл излишне ретивый поток: стоя по колено в желтой грязи, люди набивали сдвинутыми друг за другом пустые мешки, припасенные в багажнике, тяжелым песком, сооружая в месте нехранимого прорыва, котрый грозил обезводить всю округу, пузатую баррикаду, похожую на те, что украшают столицы латиноамериканских республик в горячие недели военных переворотов — мешок на мешке, как булыжники в кладке. Локоть к локтю...

Потом поехали отогреться в соседний колхоз «Большевик».

Дальше все как в сказке.

— Что нужно? — поинтересовалось областное начальство.

— Мне? Да, ничего, спасибо. Вот видел как-то фильм про Париж. Посылайте меня туда, — отшутился инженер Каримов.

А через неделю... путевка. Брюссель — Париж — Марсель — Тунис — Алжир. Вернулся, а в Москве его друзья, лукаво улыбаясь, встретили со словами: «Ну-ка брат, раздевайся». Есть такой старинный обычай: когда в семье рождается малыш, отец устраивает праздник (ныне — банкет) или же всю одежду — долой. Так что «рождение сына» будущий секретарь обкома отпраздновал в Москве. И скорей домой, к верной своей Мехринисо.

После приговора

Забегая вперед, процитируем приговор: «...Подвергнуть наказанию: смертной казни с конфискацией имущества... Приговор окончательный, обжалованию и опротестованию не подлежит...».

Но вот что характерно: многие встречавшиеся с Каримовым после суда обращали внимание на одну деталь. Чем больше бе-

зедуешь с этим человеком, тем чаще ловишь себя на мысли, что ни его облик, ни поведение не соответствуют стандартному представлению о том, кто («по совокупности совершенных преступлений») окрещен коротким и безысходным словом — «смертник». Нет, конечно, исчезла та вельможная осанка, которую когда-то запечатлевали многочисленные фото- и кинокамеры. Но осознание своей исключительности, своих способностей, в том числе и способности руководителя, по-прежнему читается во всем. И в мягкой улыбке. И в главном жесте, которым Абдузахид Каримович снимает толстые очки на резинке, чтобы взглянуть на собеседников открытым взглядом вызывающих доверие «круглых глаз».

Интерьер следственного изолятора резко контрастирует с ковро-кожаной роскошью былых апартаментов первого лица одной из богатейших областей страны. Однако в умении держать себя Каримову отказать невозможно. И даже лыжная шапочка с бравой надписью «Спорт» не выглядит на этом немолодом смуглом мужчине нелепо, а лишь напоминает давнишние строчки популярного поэта — про то, что «часто паденьем становится взлет». Пожалуй, бард не ошибся: «Каждый правый имеет право — на то, что слева, и то, что справа, на черное поле, на белое поле, на вольную волю и на неволю».

Двадцать лет неволи особого режима. Вместо смертной казни. Так был изменен приговор Верховного Суда СССР специальным постановлением Президиума Верховного Совета страны.

Но до этого решения Каримов провел десять месяцев в «одиночке» — камере смертников. Свиданий не положено. Два шага вперед. Два назад. Ждать. Вспоминать. Надеяться... Кажется, свинцовое ожидание вытравливает из приговоренного все обычные человеческие желания и прежние величественные амбиции, старые обиды разного калибра и томную тягу к сладкому реваншу. Все. За исключением острой до болезненности надежды. Возможно, так оно и есть. Но те, кто видел бывшего «эмира» во время так называемого «чурбановского процесса» осенью 1988 года, отмечали: помилованный, похоже, уже свыкся с мыслью, что жить будет. А нам-временами еще и казалось, что свыкся он и с другой мыслью: будет — а почему бы и нет? — так или иначе работать, ведь до пенсионного возраста ему еще четыре года. Каково?! Да, Каримов — такой человек. Он верит в Систему.

То, что он по сию пору не считает себя виновным, мы утверждать не возьмемся, коль скоро бывший секретарь неоднократно признавал свою вину в суде вполне торжественно и официально. Однако старший следователь следственной части Прокуратуры СССР Людмила Леонидовна Пантелеева вспоминает,

как, ознакомившись со следственным «раскладом» и внимательно изучив соответствующий раздел Уголовного кодекса, Каримов с тяжким вздохом объявил, что теперь-де придется ему (которому однозначно вырисовывалось суровое наказание) брать за... руководство небольшой организацией. Хотя у него масштаб (как он любил, напомним, повторять) -- область.

Подобный социальный типаж, как нам представляется, не мог не появиться в обществе, где на протяжении фанфарных десятилетий кровавое насилие на грани геноцида оправдывалось отдаленной возвышенностью целей, а затем — опять же десятилетиями! — хмельная аморальность парадно возводилась в добродетель. Удивительная способность прикрываться именами учителей, чьи уроки не были забыты даже, а попросту никогда не изучались! Ведь еще Энгельс писал: «Необходимо... чтобы люди перестали, наконец, обращаться с партийными чиновниками — своими собственными слугами — с постоянной чрезмерной деликатностью и вместо критики их покорнейше повиноваться им как непогрешимым бюрократам». Ну а современных поэтов они, эти псевдоученики мудрых наставников, очевидно, попросту презирают. Хотя (или, вернее — ведь) те точно лепят с этих чинуш едкий образ:

Я тебе разрешаю все.
Делай, что хочешь, только — хорошо!
Твои права, мой закон.
Я твой слуга, ты — мой гегемон.
Мы с тобой будем дружно жить:
Ты — работать, я — руководить.

Не стоит закрывать глаза на то, что престижу партии нанесли основательный ущерб те, «кто чувствовал себя генералами, когда жизнь проходила мимо парадным шагом». И в Прокуратуру СССР, и в редакции изданий, писавших о коррупции, приходят сердитые письма. Прочитируем одно из типичных, пришедшее из Сыктывкара: «В последнее время многое стало известно о расхитителях и взяточниках, о должностных преступлениях. А откуда все это? Сверху! Все воры-миллионеры, взяточники и бюрократы — коммунисты. Партия скомпрометировала себя снизу доверху. Она является даже не лазейкой, а парадным входом для карьеристов и жаждущих власти и наживы. Настоящие коммунисты уничтожены во время сталинщины. Остались чинопочитатели и лицемеры. Они, как чеховский хамелеон; приспосабливаются к любому «климату» истории. Захлебываясь от восторга и единогласно голосуя за все предложения «нашего единственного и всеми горячо любимого», они так-

же единогласно признают его сейчас Великим Застойщиком и также единогласно воспевают хвалу новому... Уже по радио и телевидению можно слышать то же самое, что и прежде: «с глубокой радостью...». Это брежневцы опять набирают силу, хотя, впрочем, они ее и не теряли. Они являются настоящими приспособленцами».

По всей своей, возможно чрезмерной категоричности подобные настроения легко объяснимы. Уже с конца шестидесятых авторитет высшего руководства становится столь же липовым, сколь и трескучие декларации о бумажных достижениях и, тем паче, о грядущих успехах. Нам ведь обещали: к восьмидесятым построим коммунизм. На протяжении десятилетий принимались различные, порой противоречащие друг другу, решения. И они, эти решения, словно раскручиваясь гигантски бюрократической спиралью, дублировались время от времени. Например, майскому постановлению 1985 года, действительно давшему импульс мощному маховику крутых антиалкогольных мер, предшествовало ныне всеми, к счастью, забытое постановление 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», обернувшееся лишь очередной шумной кампанией, хотя могло бы при должном усердии привести как к положительным результатам, так и к километровым очередям и самогонному буму. Именно кампанейщина душила одну реформу за другой. И именно 18-миллионный чиновничий аппарат пестовал эту кампанейщину,

Чиновники стали актерами и сорежиссерами всесоюзного обмана. С одной стороны, заботливо делался вид, что неприкосновенный престиж центра железобетонно незыблем и «многострадальная» партия в глазах еще более многострадального народа по-прежнему являет собой «ум, честь и совесть нашей эпохи». С другой стороны, по соответствующим каналам наверх шла бессовестная карамельная дезинформация (охватывающая все аспекты жизни — от чисто хозяйственных до безусловно идеологических), то есть пресловутый аппарат методично занимался грандиозным самообманом. Поэтому, мы считаем, что «застой» — не самое удачное название для печального периода, во время которого самоубийство становилось честным выходом из ситуации, а общество с исторически максимально допустимой скоростью скатывалось по наклонной и экстремальной точке всеобщей безответственности и полного развала, когда «слово «вера» становилось похожем на нож». А в обвинительном заключении — описание хитроумных труб, нашпигованных золотыми империями (об этом позже), аккуратно заполненные бланки тщательно взвешенных допросов и... барабанные характеристики, подписанные авторитетными людьми, в чьей непод-

купности раньше не положено было сомневаться, ибо по своей должности они олицетворяли собой ни много ни мало, а «авангард прогресса».

Как могло случиться, что в безукоризненной честности Каримова были как бы уверены те, кто его назначал, стоял над ним и должен был контролировать его деятельность, в то время как чуть ли не вся Бухара пошептывалась о неумолимой алчности «нового хана»! Разве упорные слухи и вполне зримая, осязаемая роскошь «ханского» быта не давали оснований хотя бы (хотя бы!) для пристального внимания. Конечно, давали. Да и не было, честно говоря, никаких секретов. Просто сложилась такая обстановка, когда порядочный человек и не могу рассчитывать на «доходное место» (Островский, право, поторопился — в прошлом-то веке! — предрекать скорое наступление эры «общественного мнения»). Первое лицо Узбекистана величало Каримова не иначе как «золотым фондом республики». Ясно, что при этом имеется в виду не содержимое жадно припрятанных в раскидистом саду скромных шкатулок и стеклянных банок, а номенклатурная независимость и верный талант видного руководителя. Областного, — а там — как знать! — масштаба.

Ступени (начало 1984)

Уйдя с поста первого секретаря обкома партии, Каримов, тем не менее, не потерял, пожалуй, хрупкий статус «крестного отца» местного филиала всеохватывающей мафии и в своей неприкосновенности не сомневался (как определил когда-то «диалектику по-русски» писатель Владимир Гусев: все течет, но ничего не меняется). Каримов был уверен: покушение работников Прокуратуры СССР на его миллионы для опекающих его высокопоставленных лиц тождественно попытке отстранить от политической власти привилегированную касту. Фактически несменяемую, хотя и охотно подхватывающую время от времени новые лозунги. Ведь и Каримов, и многие другие арестованные вельможи вполне серьезно твердят на допросах и очных ставках «о необходимости перестроиться» и жонглируют свежими словечками с давно выработанным умением.

Они в своей колее и трудно, наверное, вырваться из нее, сложно признать ошибкой многолетний бой за кожаное кресло.

«Верх позора и безобразия: партия у власти защищает «своих» мерзавцев?!». Увы, эти ленинские слова, похоже, забыты «номенклатурой». Во всяком случае, заключение под стражу любого (в т. ч. и бывшего) партийного или советского руководи-

теля почти всегда сопряжено с упругим преодолением негласного сопротивления со стороны не только его высокопоставленных друзей, лиц, связанных с ними приятными воспоминаниями (об охоте, сауне) и преступными элементами, но и просто массы нежелających. Нежелających создавать еще один тревожный прецедент. Такая «активная жизненная позиция» легко становится опасным корпоративным инструментом беспечного расслоения всего общества на разнокалиберные уровни, где обычные понятия справедливости, вины и законности понимаются отнюдь не одинаково, а верхний слой вообще может считать себя свободным от досадного бремени кричащей совестливости. Теперь, возвращаясь назад из конца восьмидесятых, мы без труда можем прогнозировать, чем это могло бы закончиться, но не ведаем, как дальше-то будем жить. Потому что столь распространенное в лексиконе публицистов словечко «перерождение», к которому еще вернемся, имеет лишь один вектор: сверху вниз. Что-то не приходилось слышать о том, как зарвавшийся и проворовавшийся мерзавец (из тех, «своих») взял бы да и чудесно переродился в ярого поборника социальной справедливости и беспощадной гласности.

Стало быть, рановато уповать на то, что вчерашние алиевы и сусловы, каримовы и рашидовы поведут нас к победе коммунизма, которая, как это ни печально, у целых поколений ассоциируется лишь с нудными и фальшивыми газетными передовицами и выцветшим кумачом застиранных лозунгов. Под лежащий камень вода (тем более, если эта вода словесная) не течет. Надо дело делать. Но не всегда это позволяют даже тем, кто умеет.

Короче, хоть бывшее первое лицо Бухары, попав в опалу, и стало «всего лишь» заместителем министра мелиорации и водного хозяйства республики, Москва упорно не соглашалась на арест Каримова. Все уже давным-давно было готово, собраны абсолютно неопровержимые улики, подключены многие инстанции. Но Центр твердил: только не сейчас, подождите еще немного. Казалось, не будет этому конца. Наконец, сквозь зубы, выдавили высокое «добро».

В аресте члена республиканского ЦК Каримова (из состава ЦК КП Узбекистана он был выведен через два месяца после этого) принимали участие три опергруппы. Они стягивались сюда с разных сторон. Из Самарканда. Ташкента.

Основную опергруппу возглавлял следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Николай Вениаминович Иванов. Брали Каримова во время его блиц-коман-

дировки в Карши. Иванову запомнилось, что вылетел он туда спешно, в одной рубашке, и здорово продрог. С одной стороны, в августе месяце мудрено озябнуть здесь, где даже дети до осени спят без одеял. С другой — неподалеку бьется прохладная речка, и от нее тянет зябкой сыростью. А может, Иванова знобило от волнения? Ведь как-никак арест фигуры такого масштаба тогда, летом 1984 года, было делом предрезким. Или все же он продрог потому, что всю ночь пришлось ждать в засаде?

Вновь испеченный замминистра Каримов, согласно сложившейся «доброй традиции», долго и обильно отмечал свое сановное прибытие в уютном «гостевом домике» Министерства мелiorации и водного хозяйства УзССР. Такие роскошные загородные дачи (в отличие от спецдач в черте города) строились именно для гулянок. Подальше от любопытных глаз и случайных свидетелей бурного и по-средневековому пышного времяпрепровождения руководителей той самой республики, в которой на излете XX века выхватывал жизнь за жизнью брюшной тиф, в которой десятилетних уборщиков хлопка истязали мордастые надсмотрщики из числа «школьных наставников», а во многих местах умирал каждый десятый новорожденный.

В толстенных «домиках», усталых неброскими, но очень дорогими коврами ручной работы, по-байски основательно наедались пловом и шашлыком «вожди» областей и республики, где даже в наши «сытые времена» приходилось по 6—8 кг мяса в год на среднестатистическую душу населения, то есть впятеро меньше, нежели в беднейших европейских странах*.

За плотно занавешенными окнами темных и просторных спален, на изолированных мансардах развесело предавались нехорошим пьяным утехам ответственные работники края, где случаи самосожжения униженных молодых женщин стали делом обычным. Здесь, на этих же шикарных ложах, усталых расшитыми одеялами, отсыпались затем государственные мужи, в то время когда тысячи и тысячи их малолетних сограждан прогнали быстротечные — вставить-то ни свет ни заря! — ночи на курпачах, расстеленных прямо на холодных глиняных полах...

Веселились, отсыпались, наедались, истязали, строили. Стоит ли замыкаться на прошедшем времени?

Наверное, стоит, потому что «мы ждем перемен, в нашем смехе, и в наших сердцах, и в пульсации вен — перемен!». И еще потому, что нет у нас права разбрасываться подозрениями, не имея под рукой доказательств, прошедших через судебное

---

* В нашей стране в 1927 году горожанин употреблял около 70 кг мяса, не считая субпродуктов и сала, а потребление мяса на сельскую душу в тот год составило от 48 до 56 кг.

следствие— все таки презумпция невинности не должна быть просто словосочетанием... Поживем — увидим. За четыре года, с июня 1984 по сентябрь 1988, в многострадальном Узбекистане смещены 58 тысяч ответственных работников. Очень хочется верить, что пришедших на смену не подомнет под себя столь упорно понимаемая нами Система. Система, которая сложилась и утвердилась — от этого никуда не деться. На ВГИКовском фестивале 1988 года Никита Михалков рассказал своим начинающим коллегам невеселую притчу. Кажется, древнекитайскую. Провинившегося крестьянина привязали к кривому дереву на самом краю смердящего болота. Проходивший мимо сердобольный монах, увидев, что исхудалое тело несчастного жадно облеплено кровососущими тварями, проворно согнал стаю moskitов и слепней, но очнувшийся крестьянин неожиданно обрушил на него горестный поток брани и надсадных проклятий.

— Как? — изумился добрый странник подобной неблагодарности, — ты ругаешь меня за то, что я облегчил твои страдания?

— Глупец! — ответил ему наказанный, — эти-то были сытые, ты уйдешь, и прилетят новые...

Надеемся, что радикальные кадровые встрески не останутся «вещью в себе», а повлекут за собой и разлад всего оформившегося изменить и моральный климат, вернуть веру в справедливость, добро. Уроки, рашидовщины плюс брежневщины так просто не забыть, от этого «наследия» только лишь решениями пленумов, какими бы мудрыми они ни были, не отмахнешься. В конце концов, тот же Каримов — человек явно не без способностей, а главное — он по-прежнему убежден, что жил почти правильно. Ну, перегнул где-то палку. Или просто — попал под лошадь, что называется. Так, мол, сложилось, что ушлое следствие вышло именно на него.

...Хмельные и сытые гости, одарив высокого визитера «скромными подарками», разъехались поздно ночью, если не сказать — рано утром. По всем дорогам вокруг «дачи» расположились наблюдательные посты! По радию передавали друг другу информацию: уехал такой-то, прошла такая-то машина. Наконец, в доме погас свет.

Решили немного подождать. Конечно, будить важную персону неудобно, но первый рейс на Ташкент где-то в седьмом часу, и оперативники рассчитали так: взять Каримова и напрямиком в аэропорт, главное, успеть на самолет, чтобы — как знать! — не связываться с погоней.

Без четверти шесть Иванов вызвал из будки бодрствующего сторожа и, уверенно бросив какую-то дежурную фразу насчет

«личного пакета для товарища Каримова», протиснулся с двумя работниками КГБ в «домик».

Еще один оперативник зашел в будку — «развлечь» сторожа болтовней. Начал сетовать, что вот, мол, начальство из Ташкента привез с пакетом для замминистра. «Возишь их, возишь, по ночам им не спится с их пакетами». В это время Иванов постучал в дверь...

Непротрезвевшему Каримову надели наручники. Потом, правда, их пришлось снять, поскольку Абдувахиду Каримовичу надо было одеться. Не в трусах же везти в Ташкент заместителя министра.

Спустя некоторое время Иванов и двое оперативников провели Каримова к подъехавшей машине, стараясь, чтобы хитрый сторож не заметил «браслеты» на запястьях важного постояльца.

Все-таки опытный страж вельможного покоя что-то заподозрил и, не откладывая в долгий ящик, сообщил «куда надо» о похищении Каримова. Пока там «принимали меры», группа уже расположилась на первых креслах самолета. Дело обошлось без киношных погонь и потому еще, что работники КГБ, готовые к любому неожиданностям, сменили номера мешины, едва отъехав от министерской дачи.

Эта акция стала весьма неприятным сюрпризом для тогдашнего руководства республики хотя бы потому, что многим, включая секретарей республиканского ЦК, Каримов «отстеги-вал» причитающуюся дань.

Ступени (начало 1977—осень 1980)

Говоря о постоянной напряженности в отношениях с бес-
сменным первым секретарем республиканского ЦК, Каримов
порой противоречит сам себе. Ведь первым секретарем Бухар-
ского обкома партии Каримова назначил сам Рашидов.

— Вызвали меня на бюро ЦК,— вспоминает Абдувахид Каримович с мягкой ностальгической улыбкой,— Рашидов говорит: есть предложение отправить тебя первым в Бухару, ты ведь кандидат технических наук по мелиорации. Я говорю, что могу подсказать, как поднять Бухарскую землю, а сам я должен на старом месте все до конца довести. Но Рашидов говорит, с Леонидом Ильичом договорились. Ну вот, седьмого февраля приехали мы с Рашидовым в Бухару, и на пленуме меня избрали. Люди до того меня любили и помнили, что приветствовали аплодисментами на пленуме. Рашидов улетел. А я не знаю, с чего начинать, потому что везде провал. Проанализировал си-
одат Пжсякы П н «н: пвх: , р «е Пг. :з:!

гуацию. Звоню Рашидову, говорю: я наметил мероприятия. Получил шесть тысяч тонн взрывчатки от союзного министерства среднего машиностроения. Его министром был Славский. Вообще много самому приходилось делать, договариваться с министрами, особенно во время съездов — XXIV, XXV. Всем привозил подарки, чтобы что-то от них получить. Кому папаху, кому манто, кому банкет устроить. Славский помогал много. Он, точнее его строительные организации, построили мне пединститут. И каждый год 20000 т минеральных удобрений. Сверх плана, между прочим, от него получал. Хорошие у нас отношения сложились. Асфальтовую дорогу Славский построил, водопровод. Мы с ним большие друзья были. В Бухаре ведь раньше очереди за водой стояли. А при мне новые нитки водопровода построили. И теперь вода до 14 этажа доходит. Детвора с утра до вечера купается. Сплошные розы сейчас в Бухаре и северные растения — можжевельник, платан, сосна. До меня люди, честное слово, истощенными выглядели, я воду дал, у горожан даже цвет кожи изменился. Все это знают.

Вспоминает Каримов... Вспоминает, как тяжело было руководить. Планы десятки раз менялись, «кто давал, тому ресурсы давали». Отдел Госплана запросто решал судьбу целой области, равной по территории европейскому государству. Кто оказывался порезвее, попредприимчивее, тот и срывал выгодную поставку. Например, дефицитные трубы из ФРГ. И еще вспоминает экс-секретарь, как ездил он с инспекцией по далеким селениям, как демократично заходил во дворики, болезненно-белые от соли, и спрашивал людей: «почему гранат, виноград не сажаете?». И слышал ответ: воды не дают. Вспоминает, как «боролся за воду». Как пришел к выводу: «люди для хлопка, хлопок для людей». И Бухарская область выходила первой из пятилетки в пятилетку. Поэтому-то, видимо, первый секретарь Бухарского обкома партии и презентовал скромную книжонку «Экономические показатели по Узбекистану» с завидными результатами своей деятельности самому Константину Устиновичу Черненко — пусть знает руководитель, на кого можно опереться в деле строительства коммунизма. Пример? Пожалуйста. Слыхом не слыхивали в Бухаре про коневодство, а Каримов, как он говорит, построил конно-спортивный клуб. И сын у него, между прочим, мастер спорта по конному спорту.

— От одного человека все зависит. Я всем занимался. И хлопком, и коневодством, и по шелководству область второе место заняла, — подводит итог Абдувахид Каримович.

По словам Абдувахид Каримовича, отношения с Рашидовым у него всегда были натянутыми. А окончательно испортились после того, как в Бухаре побывал главный редактор одной

из центральных газет. После этого визита в авторитетном издании появилась большая статья, где, отдавая должное усилиям бухарского властителя, автор резко (по тем временам) критиковал руководство республики за неважную идеологическую работу.

В день выхода номера с этой статьей Рашидов находился в Бухаре. «Отец народа» не на шутку осерчал на Каримова и спешно отбыл в Ташкент, не поехав, как было задумано, «в районы». После этого озабоченного Каримова не раз поддразнивали: что, мол, на место «отца народа» метишь? Особенно дожимал его такого рода поддразниваниями свояк Рашидова, первое лицо Карапалпакии Калибек Камалов.

Отступление (1)

Многое, конечно, в руках человека. Особенно, если человек этот — фактически полновластный хозяин территории. С обидой вспоминает «эмир», как в 1982 году приехал Брежнев, и его обширную область располовинили, создав зачем-то новую — Навоийскую.

— Чтобы большой удар сделать мне, — сетует бывший первый секретарь, иронично называя бывшего генсека «голубем мира».

Однако, надо думать, искусственное создание новой области вовсе не задумывалось коварными недругами как закулисная подначка Каримову. Другие игры, иной масштаб. Следователь Александр Ревеко прокомментировал эту lamentацию Каримова резонными и аргументированными замечаниями насчет «удвоения аппаратного штата» и, «нового источника взяток для верхов». Это, пожалуй, более правдоподобно. Учитывая, что маршруты самых сановных руководителей пролегли только через обкомовские «домики», ранг не всегда позволял брать у работников райкомовского калибра.

Арест (2)

Многое, многое в руках человека. Но человек, у которого многое в руках, связан, как правило, с целой группой людей, с кастой. И работает, что бы он ни делал, на «своих». Каримов относительно спокойно, как показалось, воспринял свой арест, и когда «важняк», Иванов защелкнул на вытянутых смуглых руках холодные наручники, без гнева, сонно спросил:

— За что?

Едва не улыбнувшись такой «святой наивности», следователь качнул головой:

— Вы же знаете сами...

Причем укор, прозвучавший в реплике следователя, сродни тем отстраненным интонациям, с которыми классный руководитель (кстати, Николай Вениаминович и солидными очками, и академичной речью напоминает учителя) отчитывает нашкодившего хулигана, высадившего очередное стекло, — знает, что вызывай родителей, не вызывай, отбирай рогатку или нет, все одно: толку не будет, пока в семье нелады...

Каримов риторических вопросов тем августовским утром более не задавал. А все потому, наверное, что для себя бетонно решил: раз допустили арест такой важной фигуры, как он, значит, на этот счет «есть мнение». Его-де, посоветовавшись, продали «свои». Отдали, вернее. Значит, надо дисциплинированно смириться. Он не привык идти поперек «генеральной линии».

Ступени (середина 1979)

«Генеральная линия» позднего застоя — обильные пиршества с приезжими кураторами и вручение им разномастных памятных подарков в мятых газетных свертках. В свертках, поскольку никакие конверты не вмещают соль объемистые пачки сотенных купюр (вручить мзду мелкими банкнотами означало проявить неуважение к одариваемому — свой кодекс чести!).

«Светлейший зять» Юрий Чурбанов отправился с инспекционным вояжем в небольшой городок Газли, пострадавший от землетрясения. Власть предержавшие пользовались такими ударными, с их точки зрения, моментами, как масштабные стихийные бедствия, для того, чтобы погреть руки «на интернациональной помощи пострадавшим». Деньги, предназначенные государством для оставшихся без крова, нередко шли на возведение все новых и новых помпезных особняков, в сметах застенчиво именуемых «профилакториями» или «комплексами охотхозяйств в заповедной зоне». Сиятельный зам. Щелокова, сам воздвигший на даче у своей супруги Галины Лсонидовны Брежневой «вспомогательный объект» за счет МВД СССР, неплохо, надо думать, знал эту келейно-хозяйственную кухню.

...Прямо к трапу авиалайнера подкатил поблескивающий кортеж. «Персоналовы» цвета хлопковой белизны* отправились, по приказу Чурбанова, напрямиком в Газли.

Первым делом высокие гости ознакомились с ассортиментом местных магазинов. Обнаружив в одном из них полное от-

---

* Лимузины цвета вороного крыла здесь не котируются — солнцу!

существование сигарет, Чурбанов, недобро улыбаясь, с едкими интонациями заинтересовался у хозяина области Каримова — ведаешь ли, мол, тот о нуждах народных?

После чего в присутствии всей пышной свиты сердито отчитал побледневшего секретаря как проштрафившегося мальчишку.

В другом магазине разыгралась сцена еще более шумная. Красавец-генерал, гренадерский рост, парадный мундир с дубовыми листьями в петлицах и мужественный профиль которого гипнотизировал дам независимо от их возраста, социального статуса и национальности, сочувственно хмуря темные бархатные брови, очень демократично приблизился к стайке случайных покупательниц, испуганно сбившихся у кассы и с провинциальным любопытством рассматривавших торжественно-чинную «группу товарищей».

Хорошо поставленным командным голосом бывшего комсомольского функционера Юрий Михайлович заботливо осведомился у застенчивых женщин относительно снабжения. Ну, тут их просто-таки прорвало. Робея поначалу и искоса поглядывая на вытянувшихся в струнку вождей местного масштаба, они рассказывали участливо кивающему красавцу в погонах о своих житейских проблемах: долгих, как караванный путь, перебоях с мясом, о том о сем и дали основательный повод Чурбанову надменно прочитать «бухарскому хану» гневное нравоучение о том, «что такое хорошо и что такое плохо».

Надо сказать, что контрастная резкость тона и изысканная крутизна начальственных выражений произвели на присутствовавших при этой сцене соратников Каримова то самое впечатление, которое принято обозначать как неизгладимое.

Сглаживаются такие неприятные эксцессы, как известно, проявлением радушия и гостеприимства, кульминацией коих здесь считается позднее и по-восточному роскошное застолье, с обильными возлияниями и помпезным чествованием «виновника торжества».

Учитывая высокий ранг нынешних гостей, Каримов велел организовать на обкомовской «Красной даче» (которая формально числилась за облисполкомом) прием по первому разряду. Этот разряд подразумевает самую обширную палитру приятностей. Хотя, если на то пошло, Абдувахид Каримович, не без осознания своей высшей партийной чести, рассказывал, что он-де постоянно и категорически возражал против стандартного включения в обойму предоставляемых визитерам удовольствий казенных женских ласк за государственный счет.

Неизвестно, как уж там было той ночью на «Красной», но кое-что следствие установило вполне определенно. Воспользо-

вавшись деликатным моментом, когда отяжелевший зять Брежнев неровной походкой вышел из шикарного зала и отправился, что называется, освежиться, Каримов подстерег его на обратном пути.

Сладко улыбаясь и часто-часто говоря что-то о местных обычаях, он вкрадчивым и осторожным жестом переправил заранее подготовленный сверток с деньгами в карман форменного кителя «самого дорогого из гостей».

Московский гость, лукаво улыбаясь и сыто щурясь, преврал горячие словоизлияния «нового эмира» («Вы уж не обесудьте, в знак уважения, у нас так принято») дружеским похлопыванием по плечу:

— Ну ладно, секретарь, никому в Москве не расскажу.

Юрий Михайлович любил, говорят, пофильярничать да покуражиться. Правда, когда этот эпизод рассматривался на «чурбановском процессе» (в первых числах ноября 1988 года), Чурбанов, не отрицая сам факт получения 10 тысяч на «Красной даче», заявил, что не отпуская в адрес первого секретаря обкома такие снисходительные реплики. А сам Каримов, кстати, «вспомнил», что деньги решил преподнести любимцу тогдашнего генсека в основном с подачи своего шефа, Рашидова, который рекомендовал «принять гостя хорошо». Что этот оборот означал в рашидовском лексиконе, расшифровывать, полагаем, не надо.

Отступление (2)

Предвидим раздражение читателя по поводу неопределенности так называемой авторской позиции. С одной стороны, Каримов сызмальства привык к нелегкому труду, совершая отважные поступки, трудовые, как говорится подвиги, с другой — отличался свирепым феодальным нравом и был известен как циничный и алчный взяточник.

Помимо этого получается (из материалов дела, заметим), что Абдувахид Каримовича особенно прорвало именно после назначения его на пост первого секретаря Бухарского обкома партии, а до этого он если и не был невинен, словно неокрепший ягненок, но все-таки действовал более осмотрительно. Не лез на рожон. Уверены, что это не так. Просто следствие не имело возможности и цели продвигаться вниз по служебной лестнице Абдувахиды в очень отдаленное прошлое.

Возможно, даже наверняка, Каримов не кривит душой, рассказывая о том, как грудью прикрывал прорыв арыка. Но его, выражаясь красивым слогом, падение не было стихийным и резким, как всплеск воды. Когда мы упоминаем «первую взятку»,

то имеем в виду самое раннее из установленных следствием преступлений. Матерым взяточником он стал не вдруг. Исполдволь, потихоньку этот человек, по уже упомянутому модному определению наших публицистов, перерождался.

И его происхождение не являлось и не могло являться гарантом неподкупности и порядочности. Подобный стереотип — реликт сталинской эпохи, когда пролетарские или крестьянские корни служили предпосылками успешной карьеры. Большая часть разоблаченных коррупционеров — именно из среды, которую условно можно назвать бедняцкой. «Если есть миллионеры, значит, есть и бедняки». Среди осужденных высокопоставленных взяточников — бывшие батраки и батрачки, бывшие нищие сельские учителя и бывшие скромные полуграмотные агрономы.

Каримов как-то обмолвился о том, что отец поучал его: главное «выбиться в люди», прорваться. Абдувахид Каримович пытлив и умен: когда его попросили рассказать о директивных наставлениях родителя поподробнее — он мягко увел разговор в сторону любимой мелиорации... Среди его наставников особенное место занимает, помимо отца, двоюродный брат Файзулло Абдуллаев, мастер-золотые руки, умелец-гончар по прозвищу Кулол-Бобо.

Ступени (термез).

В доме председателя Сурхандарьинского облисполкома Абдувахида Каримова творились какие-то чудеса. Среди бела дня бесследно исчезали стеклянные банки. Причем их содержимое оказывалось нетронутым. Варенье без убытка оказывалось в самых неожиданных посудинах. То в глубоких расписных мисках, то в блестящих кухонных кастрюлях. Эта чертовщина распространялась в основном на двух- и трехлитровые емкости. Мягкая нравом Мехринисо после чудных баночных метаморфоз заводилась не на шутку и время от времени сердито отчитывала Каримовых-младших. Ведь варенье портится в этих мисках и кастрюлях! И вообще, что за глупые фокусы с пропавшими банками? Дети в свою очередь обижались на мать и растерянно отрицали свою причастность к странным пропадам.

Они, как оказалось, действительно были ни при чем. Как-то Мехринисо неслышно возилась по хозяйству на светлой веранде большого дома и вдруг заметила, что ее степенный супруг с озабоченным видом углубился в темную кладовку. Буквально через пару минут хмурый Абдувахид деловито прошествовал обратно с двумя пустыми трехлитровыми банками в руках. Он сосредото-

точно направился в гостиную, где и заперся вместе с пустыми посудинами. Незамеченная мужем, Мехринисо тихонько ступая зашла в кладовку и увидела, что небольшой тазик в правом дальнем углу заполнен по закругленным краям сливовым вареньем, а часть лакомства темными пятнами изукрасила пол. Видимо, Абдувахид торопился. Во всяком случае, женщина поняла, что со сладким содержимым банок проказничал не кокетливый залетный джин, а хозяин дома. И области (в известной степени).

Абдувахид колдовал с банками всю ночь, а утром кликнул жену и строго потребовал сумку. Большую сумку. Мехринисо безропотно — мужчинам лишних вопросов не задают — принесла ему торбу. Муж раздраженно бросил ее обратно и потребовал что-либо повместительнее. Но дома ничего подходящего не нашлось. Что-то недовольно бормоча, Абдувахид собрался и куда-то уехал. Вернулся довольно быстро. С огромной черной сумкой. В зале все это время дежурил Кулол-Бобо. Он приехал накануне вечером, незадолго до загадочного визита Абдувахиды в кладовку.

Перед тем как мужчины уселись с черной сумкой в служебную машину Каримова, он наказал жене, чтобы она с детьми находилась в одной комнате. И никто чтоб шагу оттуда не ступил до отъезда «Волги». Мехринисо послушаться не посмела, однако она видела, как муж нес черную сумку с банками и как он устроивался на заднем сиденье вместе с братом.

Кулол-Бобо регулярно, каждые месяц-два наезжал к родственникам в Термез. И почти всегда повторялось одно и то же. Абдувахид забирался с гостем в отдельной комнате на всю ночь. А утром Кулол-Бобо исчезал. Вместе с банками.

Отступление (3)

Все, о чем написано в этой книге, — правда. Ни одного выдуманного персонала, ни единого придуманного эпизода. Более того — ни одной измененной фамилии. Нет ни деталей, добавленных ради украшения повествования, ни слов, за которым не стоял бы солидный документ.

Если написано «пистолет», стало быть имеется в виду конкретная, как кулак, штукавина, умеющая плевать свинцом.

Если написано «выстрел», то сопряжено это не только с глухим звуком, но и жаркой кровью. «Миллион» — значит, 1 000 000 руб. (новыми).

Ну а слово «банка» — позволим себе скаламбурить — сопряжено с банковскими ценностями: золотом и бриллиантами.

Абдувахид одобрил рацпредложение гончара и дал добро на тотальное ганчевание стеклянных кладов.

Отчего же превосходный мастер своего гончарного ремесла, всю жизнь довольствовавшийся малым, превратился для своего высокопоставленного родича в жадного искусителя и напористого советчика, оказавшего брату, в конечном итоге, медвежью услугу? Отчего? От унижительной бедности. От неверия в миф о светлом будущем. Как-то жена Абдувахида, увидев в подвале дома Кулол-Бобо десятки фляг оливкового масла и огромные сундуки с пшеницей, спросила мастера:

— Зачем тебе столько?

— Я один раз голод пережил, — был ответ. — Не хочу более голодовать.

Здесь мы считаем нужным вернуться к высказанной уже мысли. Бедность, конечно, не порок, но и не гарантия честности, не залог неподкупности. Неординарный ученый, талантливый публицист, лауреат Ленинской премии, академик И. М. Амосов высказался как-то на страницах «Литературной газеты» по этому поводу категорично и смело: «Еще один предрассудок, бедные и угнетенные являются носителями высших моральных ценностей и поэтому призваны принести их всему человечеству. Этому нет доказательств».

Запутавшийся в хитросплетении вечных моральных ценностей, Файзулло Абдуллаев стал не только ангелом-теоретиком Абдувахида, но и ангелом-хранителем. «Хранитель» в лексиконе следователей одно из самых распространенных слов. У одного лишь Каримова их, таких людей, было более тридцати. Основным, бесспорно, был двоюродный брат.

На день ареста Кулол-Бобо было уже за шестьдесят. Избитое кривыми морщинами, как будто навеки усталое лицо. Проседь по-армейски бритой головы. Печальные, но жгуче черные глаза под домиком словно нарисованных гуашью бровей, играющих своим дугообразным рисунком с двумя глубокими складками — от крыльев крупного тонкого носа к грустным уголкам небольшого рта. Он долго упорствовал. Слишком старательно он ганчевал в свое время эти банки.

Однажды во дворе следственного изолятора КГБ Таджикистана (где многие последственные содержались конспирации ради) следователь мягко попросил криминалиста:

— Сфотографируй меня на память с Кулол-Бобо. Всем буду показывать снимок: я рядом с миллионером, бок о бок.

А затем, взяв натруженные руки мастера в свои, добавил:

— У вас же руки -- золотые. Зачем такому искусному мастеру чужое золото?

Кулол-Бобо лишь неопределенно качнул бритой головой.

После того, как у Каримовых кончилась вся подходящая для тайных ночных бдений посуда, пришел черед больших картонных коробок из-под конфет. Когда Абдувахид впервые попросил жену принести конфет, она — ну что за святая простота — подала любезному Кулол-Бобо сладости на красивом плоском блюде.

— Мало, мало принесла. Иди еще принеси, — раздраженно прикрикнул супруг, нетерпеливо помахивая в сторону двери.

Вернувшись с парой килограммов карамель, Мехринисо заметила, что на столе стоит нарядная конфетная коробка. Она чем-то была заполнена почти до самого верха. Это «нечто» прикрывала белая, как хлопок, бумажная прокладка. Сверху братья аккуратно насыпали ровный слой магазинных сладостей. Коробку, не упакованную, поставили на кожаное сиденье служебной машины Абдувахиды, и Кулол-Бобо уехал с «угощением». Проводы Абдуллаева превратились постепенно в торжественный ритуал.

Позднее, когда Каримов стал первым лицом Бухары, любимый родственник посещал его столь же регулярно. При этом Файзулло учил брата уму-разуму:

— Почему не берешь? У тебя, смотри, детей полон дом. Со-старишься, никто тебе не подаст. Пока есть хорошая возможность — бери. Ты ведь своим талантом на такое славное место пробился, имеешь право брать.

И вновь началась баночная лихорадка. Сосудов под драгоценности катастрофически не хватало. Одно время их доставлял Каримовым обкомовский завхоз, думавший, наверное, что все идет под варенье.

...Как-то Мехринисо случайно подслушала оживленную беседу братьев. Кулол-Бобо хрипловато наставлял Абдувахиду: лучше всего ювелирные побрякушки паковать в двухлитровые емкости, поскольку-де они великолепно поддаются ганчу. Он торжественно продемонстрировал болванку типа асбестовой трубы. И объяснил, что это не что иное, как заганчованная банка.

Из неохотного, под давлением улик, рассказа Ф. Абдуллаева:

— Каримов иногда приносил не золотые изделия, а золотые монеты. Некоторые монеты были достоинством 10 руб., а некоторые — 5. Количество их точно указать не могу... Монеты Каримов приносил завернутыми в бумагу или кусок материи. Я их укладывал в аптечную банку емкостью 800 г. После того, как арестовали Музаффарова, Каримов передал мне, чтобы я перепрятал золото. Через несколько дней ко мне пришел мой зять и

принес от Каримова двести золотых десятирублевых монет. Всего их было более двух тысяч. Все эти монеты я разложил в шесть восьмисотграммовых банок. Банки уложил в пять асбестовых труб, а трубы замуровал с двух сторон.

Два асбестно-цементных клада были зарыты около стены туалета за забором, разделявшим участок сына Абдуллаева и соседа. Три асбестно-цементные трубы и одна резиновая труба с монетами спрятаны на дне арыка в тутовнике совхоза имени Улугбека.

...Хозяин области рассчитывал подняться по служебной лестнице еще выше. Не с пустыми же руками, верно?

Следствие (сентябрь 1984)

Впрочем, когда дело приняло крутой оборот, и стало не до амбиций, Каримов втянул всех родных в игры с тайниками.

После развода с первой женой Каримов воспитанием старшей дочери особенно не занимался. Но материально — возможности были — поддерживал. Мать вспоминает, что дочь иногда приносила и оставляла на хранение деньги, промтовары. А осенью 1984 года принесла шкатулки... После ареста отца она была в Ташкенте в квартире Каримова, и ее мачеха, Мехринисо передала ей на хранение часть ценностей семьи, попросив их как следует спрятать. Сокровища находились в ящичке. Приехав домой, она сразу же открыла шкатулку и увидела, что там полно ювелирных изделий.

Вообще-то, Каримову можно позавидовать. Говорят, не имей сто рублей, а имей сто друзей. У Абдувахида Каримовича и рублей было в избытке (в том числе золотых николаевских империалов) и доверенных лиц, похоже, хватало. Не всякий, надо признать, в состоянии найти несколько десятков надежных людей, готовых хранить деньги и золото, не задавая вопросов и не задаваясь вопросами.

Впрочем, было бы ханжеством упрекать родных людей в сокрытии денег, тем более что они клялись на Коране никогда и никому не выдавать тайну.

Справка:

гемологической экспертизой установлено, что вес монет — 11 кг 407,68 г. стоимость — 468 613 р. 27 коп.*.

Люди, которым безбоязненно можно было доверить такие колоссальные деньги, котировались так же высоко, как и те, кто

* По ценам 1985 г.

давал взятки и одновременно страховал Каримова от «прокола». Среди последних ключевой фигурой, бесспорно, считался Музаффаров, который очень многое умел и очень многое знал. Недаром уверенный в своей власти «эмир» так разволновался после неожиданного ареста своего верного «янычара от ОБХСС».

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ: «О том, что Музаффаров был в близких отношениях с Каримовым, знали все. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт, что он напрямую шел к Каримову на прием, хотя производственные вопросы должен был решать через своего непосредственного начальника Норова. Меня как заведующего отделом обкома партии вообще не признавал. На прием к Каримову проходил беспрепятственно и минуя всех, кто дожидался в приемной. Я помню такой факт: заметив слишком частое посещение Музаффаровым первого секретаря, я вызвал Музаффарова к себе и сказал: если у него, Музаффарова, есть какие-либо вопросы, то он мог бы сначала обсудить их со мной... После этого случая меня вызвал к себе Каримов и очень строго отругал за сделанное замечание...».

Такая пылкая реакция вполне объяснима. Показания самого «эмира»: «Как-то осенью ко мне домой пришел Музаффаров и принес японский магнитофон. Я лично не был в то время дома, но о том, что Музаффаров принес мне магнитофон, я узнал от членов семьи... После этого случая (жена Каримова со скандалом выпроводила настырного Ахата. — Т. Г., Е. Д.) Музаффаров стал приносить мне взятки на работу... Обычно было так: он приходил и разговаривал со мной о служебных делах, без свидетелей оставлял на столе по 5000 рублей... Перед моим пятидесятилетием, кроме денег, Музаффаров подарил мне золотые часы. Марки часов я не помню...».

Не помнил Абдувахид, видимо, и то, чему учили его в детстве. Заветы родителей заменил новыми — гибкими и удобными, как султанское опахало.

НЕМНОГО ИСТОРИИ (ЛЕТО 1939). Чужое брать никогда нельзя. Ни у кого. Даже у родных и близких.

Эту нехитрую заповедь мать внушала маленькому Абдувахиду, его брату и сестрам на конкретных примерах.

— Как-то я нарвал урюк. Причем не где-нибудь, а в саду у брата матери. А когда принес фрукты домой, она учинила мне шумный и строгий допрос. Ведь у нас урюк еще не поспел, — вспоминает, покачивая головой, Каримов.

Тогда парню крепко досталось за этот урюк. Видимо, крепко, коль со вздохом вспоминает он об этом и полвека спустя...

Возможно, поэтому к своим детям — а их у него десять — Каримов, говорят, всегда был мягок. Отзывчив. Щедр. И не только накануне их свадебных торжеств. Хотя к вопросу о свадьбах мы еще вернемся.

Глава 5

О ДОЧЕРЯХ, КВАРТИРАХ И ЕЩЕ КОЕ О ЧЕМ

Поступили учиться в институты старшие дочери «эмира», в связи с чем он обратился в республиканский ЦК с естественной просьбой о выделении достойной квартиры в Ташкенте. Непосредственно решением этого «государственного вопроса» стал заниматься ни много ни мало управляющий делами ЦК Т. Умаров. Каримов так описывает происшедший по этому вопросу недолгий разговор:

— Я подошел к Умарову. Он сказал, что подыщет хорошую квартиру, не менее четырех комнат, и в центре. Однако намекнул, что просто так это не делается. Перевел разговор на то, что у них в Ташкенте очень много расходов в связи с приемами гостей. Мне было совершенно понятно, что речь идет о взятке, однако прямо ни он, ни я об этом не говорили, не обговаривали и сумму взятки...

Умаров — человек слова, к тому же не без связей, действительно помог в получении хорошей квартиры, направив в райисполком грамотно составленное письмо, на основании которого его, Каримова, дочерям, а также теще выделили четырехкомнатную квартиру. Находясь как-то в Ташкенте по «эмирским» делам, Каримов зашел к новому своему благодетелю и вручил ему 5 000 наличными.

— Эти деньги я дал Умарову за то, что он помог мне в получении в Ташкенте для моих детей квартиры; — на всякий случай уточняет Абдувахид Каримович.

Умаров рассказал, что занимался этим вопросом по указанию Рашидова...

Были допрошены первый заместитель председателя Фрунзенского райисполкома Ташкента и начальник квартирного отдела. Оба единодушно показали, что неизбежно существовала незаконная практика выписки ордеров без решения исполкома и какого-либо учета очередности, зачастую — с превышением установленных норм жилплощади. На основании писем управляющего делами ЦК или его заместителя. При этом правильность

выделения жилья райисполкомом, — само собой, приказ-то сверху! — не контролировалась. Три соседних квартиры №№ 26, 27, 28 в доме № 2 микрорайона Беш-Агач — общей площадью 137,16 кв м без проволочек получены Каримовым. При оформлении документов никто не требовал актов обследования жилищных условий и такой «несущественной мелочи», как справка о семейном положении. Предоставлением жилья Каримову занимался лично управделами ЦК, и по его распоряжению начальник Управления учета и распределения жилья Ташгорисполкома Смотров показал Каримову вновь построенные дома в районе Чиланзара. Квартиры Каримову почему-то не понравились. А через день или два выяснилось, что Абдувахиду Каримовичу будут выделены три квартиры в доме № 2 микрорайона Беш-Агач.

— В тот период уже заканчивались отделочные работы дома на площади Дружбы народов, — вспоминает Смотров. — Мы с Каримовым прошли в этот дом. Он лично выбрал себе три квартиры на втором этаже и одну на первом. Я сказал, что этот дом издательства, и лично я не могу распределять в нем квартиры. В ответ на мои слова Каримов грубо парировал: «Это не твоё дело, я сам договорюсь».

В своих показаниях Смотров подчеркнул, что хлопотный для простых смертных вопрос о выделении жилья, так же как и оформление документов, были проведены в срочном порядке. Ведь как-никак Каримов — не последний человек...

Одна из дочерей «эмира» говорит:

— Когда я и мои сестры жили и учились в Ташкенте, отец давал нам на расходы от 200 до 500 рублей ежемесячно. Получая 700—800 рублей в месяц, отец не мог, конечно, содержать нескольких студентов в Ташкенте, большую семью в Бухаре, оказывать материальную помощь родственникам и делать дорогие подарки и покупки.

Такие вот дела. Хочешь жить — умей вертеться. Хочешь жить хорошо — умей остальными вертеть. То, что при этом другие дети, дети забытых декхан болели от хронического недоедания, сытого «эмира» совершенно не волновало. Ведь так издавна была заведено на этой трудной земле. Его эти байские обычаи устраивали. Возможно, что он просто забыл, что в родном языке есть и такие слова, как «голод» и «недоедание». Да и неудивительна эта забывчивость, когда читаешь материалы дела. Властелин края получил, например, только от директора Бухарской оптовой базы «Узоптбакалея» в виде наборов про-

довольственных товаров и вино-водочных изделий на четырехзначную сумму.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ: «Второй раз я отправлял спиртные напитки для Каримова перед первомайскими праздниками в 1982 году. Отвозил спиртное водитель Хаким. Я загрузил ящик коньяка, ящик водки и ящик шампанского. Вместе со спиртными напитками в машину были погружены коробки с разными конфетами...».

Но конфеты — разве это стоящая закуска? Директор базы помнит, как Каримов и заведующий торговым отделом обкома партии дали задание: привезти «эмиру» домой икру. Поскольку на базу «Узоптбакалея» икра не поступала, он договорился с руководителями Бухарского горпищеторга, и они выдали ему доверенность на получение 15 кг осетровой и лососевой икры в Ташкентском рыборте. С этой доверенностью в Ташкент специально направили одного из заведующих складом, который привез 5 кг красной и 10 кг черной икры.

И, опять же, все упирается в размах! Что там банки с икрой и золотые одеяния, если другой руководитель для поездки Рашидова на одну из «высочайших» дач (а таковые имелись в каждой области) специально построил железнодорожную ветку. Это в Средней Азии, где с железными дорогами, вообще говоря, «напряженка». И все это по высшему разряду.

Наверное, многие обращали внимание, что на рациональной вроде бы схеме московского метро есть одна очень уж нерациональная деталь: две параллельные линии — Арбатско-Покровская и Филевская. И оттого — две «Смоленских», две «Арбатских», три «Киевских». Ларчик просто открывается. Один из этих подземных тоннелей выстроен в те времена, когда столичный метрополитен носил имя Кагановича, для сугубо личных нужд мнительного Иосифа Виссарионовича, пожелавшего негласно обзавестись конспиративным и безопасным маршрутом доставки своего драгоценного тела из Кремля на Ближнюю дачу в Кунцево... Где и закусывал той самой черной зернистой, когда миллионы обворованных его опричниками колхозников пухли с голоду.

Зато Сталин, любивший хорошую кухню, произвел своего любимца-повара в генерал-майоры. Н. С. Хрущев вспоминает об этом не без раздражения: «Каждый раз, когда я приезжал в Москву, я видел, что число колодок и медалей у повара увеличивалось. Очевидно в знак признания его умения готовить шашлык». Неведомо, принимал ли участие этот виртуоз кавказской кухни в подготовке свадебного стола дочери «вождя народов» Светланы Алилуевой, но то, что второй раз она вышла замуж за Юрия

Жданова — симптоматично. Клань роднятся. Обычное дело. Необычный контекст. Контекст социализма.

Глава 6

ОТЦЫ И ДЕТИ

В поле зрения следствия оказался и «отец каракалпакского народа» Каллибек Камалов, который в 1968 по 1984 г. числился первым коммунистом Каракалпакской АССР. Поскольку судебный приговор пока не прозвучал, мы воздержимся от оценок его деяний. Но вот некоторые «вещдоки» представляют интерес.

Сотни цветных снимков, ненавязчиво передающих размашистую вальяжность сытого торжества. Умноженные зеркалами улыбки, дорогие бокалы, поблескивающие бриллианты у полных дам, золотые запонки у солидных мужчин... Дочь заповника выходит замуж. Тысяча и один ракурс. Мягкая и белая, как хлопок, фата красавицы-невесты, символизирующая невинность. Уверенный взгляд вельможного жениха (Тамара вышла замуж за сына Рашидова). По-брежневски щедро украшенные регалиями пиджаки многочисленных высокопоставленных гостей.

Такие роскошные фотоальбомы в кумачовых переплетах брежневь да рашидовь заводили ради «увековечения памяти». Предполагалось, что красочно оформленные буклеты займут подобающее место в персональных музеях, которые благодарные сограждане построят в переименованных городах (или, в крайнем случае, в поселках городского типа — каждому свое). Это во-первых. Во-вторых, способные мастера слайда и перспективы старались грамотно запечатлеть сии торжественные моменты, чтобы преданные чада никогда не забывали о заботливых родителях...

Впрочем, что это мы все о фотографах? Все знают, что Илья Глазунов написал известный (можно сказать хрестоматийный) портрет Леонида Ильича. По словам художника, он создавал сие произведение не с натуры, а лишь перерисовывая любимую генсеком фотографию. А вот портрет Тамары Камаловой рисовал Александр Шиллов, и это известно не всем... Собрать бы портретную галерею вельможных родственников, писанных кистями наших известных живописцев — получился бы грандиозный салон Застойного имитаторства. Для дорогих детей ничего не жалелось. Генералы от бюрократии приглашали на свои дармовые (за счет ХОЗУ министерств и ведомств) застолья генералов свадебных — популярнейших киноартистов и самых знаменитых спортсменов. А очень известный композитор писал для особых случаев симпатичные вальсы — «от всего сердца, на память».

так сказать. Ного только не запечатлели для потомков сноровистые камеры фоторепортеров.

Если дети и «привилегированный класс», то лишь в тесноватых рамках вновь оформившейся чиновничьей элиты. Эти с пеленок ни в чем отказа не знают. И гордятся этим необычайно. Говорят, жены римских патрициев донага разоблачались в присутствии бессловесных рабов, не считая презренных невольников за людей. Точно так же, сдается, перестали стесняться сонного общественного мнения славные отпрыски многочисленных «вождей».

Их капризы давно стали притчей во языцех, а из бурных приключений альковного характера не всегда делались соответствующие тайны. «Их дети сходят с ума потому, что им нечего больше хотеть», — поет Борис Гребенщиков.

И в самом деле, нет разумных объяснений некоторым выходкам «сынков» и «дочек». Они, увы, зачастую лишь уменьшенные копии своих отцов. Яблоко от яблони... Капризной жалобы Василия Сталина своему отцу на качество отечественных боевых самолетов оказалось достаточно для немедленного ареста Главного маршала авиации А. А. Новикова. Интересно, испытывал ли сын тирана угрызения совести? Или у него «вместо сердца — пламенный мотор», как тогда пелось?

Золотая молодежь... Впрочем, случается, что уже и не молодежь, но тогда — бриллиантовая элита. Скандально известного любовника дочери бывшего генсека Галины Брежневой друзья звали Борисом Бриллиантовым (а саму Галину Леонидовну величали не иначе как «Мадам»).

Экс-актер театра «Ромэн» (позднее Галина Брежнева устроила его в труппу Большого театра) Борис Буряца познакомился с Галиной в столь любезном Брежневу Крыму незадолго до того, как ее муж Юрий Чурбанов стал заместителем министра внутренних дел Николая Щелокова. Борис младше Галины Леонидовны на 18 лет (Чурбанов — на 9), но их, похоже, сплотила страсть к бриллиантам, на которых Борис и погорел. Вскоре после освобождения из мест отдаленных Б. Буряца, по слухам, умер. Под скальпелем хирурга. Ну, да ладно...

Что греха таить, некоторые великовозрастные «дети» живут вне официальных и общечеловеческих законов. Сколько трагически закончившихся оргий, сколько погубленных — в самом прямом смысле! — жизней. О вмешательстве правоохранительных органов не было и речи. Все спускалось на тормозах. Сколько раз? Такой статистикой никто не занимался. И, наверное, не займется. Увы, достаточно много власть предержащих, которые не желают и не допускают «ворошения старого». Мол, кто ста-

рде помянет, тому и глаз вон. А если и нет, то с работы — вполне!

Стоит ли удивляться, что о любовных утехах и бурных развлечениях сына экс-министра Игоря Щелокова говорится на газетных полосах скороговоркой, без поименного перечисления, коль скоро среди его сотрапезников и подельников (если уж переходить на соответствующий уголовный жаргон) не только процветающие поэты и журналисты?

Стоит ли недоумевать по поводу того, что бывший первый заместитель министра внешней торговли Юрий Брежнев при всех числящихся за ним служебных, на грани преступлений, «грехах» здравствует спокойно (если можно, конечно, здравствовать при их общем с Чурбановым пристрастии к алкоголю...)?

Стоит ли пытаться сосчитать бесечно растраченное, коль они сами не ведают, сколько проживают за день? «Рубль считают за два и имеют на завтрак имбирный лимон...».

Старший сын Камалова пока отец был «на коне» денег тоже не считал. Когда же делами отца чуть было не занялось следствие, и его, чтобы спрятать концы в воду, отправили в Констанцу (Румыния) генеральным консулом по протекции тогдашнего руководства МИД СССР, Пулат стал жить «скромнее». Калибек Камалович оставил старшему сыну, слывшему непутевым (младший тогда работал в КГБ, поэтому на него возлагались особые надежды), по словам Пулата, «всего 900 тысяч руб.». Перейдя на режим экономики, Пулат израсходовал за полтора года «всего лишь» более ста тысяч.

Фрагмент допроса:

Пулат: Ну, я кое-что купил. Видео, три костюма. Поездка на курорт.

Следователь Салиджон Джураев: Какие курорты? За этот срок вы были в отпуске всего один раз. И провели его дома.

Пулат: Ну, тратил. Два-три раза в день в ресторане. Я и не замечал, куда деньги уходили.

Следователь Ислам Боров: С 5 декабря 1986 г. (с момента ареста отца. — Т. Г., Е. Д.) вы неоднократно летали в Москву. Где останавливались? Как устраивались?

Пулат: Гостиницы «Россия», «Москва», «Киевская». Проблем не возникало. Меня там знали. Обедал и ужинал обычно в ресторанах «Прага» и «Москва». Сколько платил? За раз 100 — 120.

...Прошла всего неделя со дня ареста Пулата, и он не полностью оправился от шока. Год за годом культивировалось нежное чувство собственной исключительности. Семейной неуязвимости. Теперь день за днем предстояло забывать былые привилегии и импозантные причуды столбовых дворян.

Однако и по внушительным интонациям, и по иным его репликам легко можно было угадать: все то, что происходит с его семьей и с многими другими высокими семействами, кажется сыну важной персоны горькой, несправедливой помехой естественного хода вещей, злой ошибкой, никчемным роком, отнявшим наследственную прерогативу покупать все и всех.

И еще явственно читалось — в жестах, интонации, взглядах, мимике — «будет и на нашей улице праздник».

Надежда.

Такая ли уж необоснованная?

Разве есть гарантия необратимости? Ведь мы привыкли к странному метаморфозам. Например, при Черненко восстановили в партии Молотова, причастного не к каким-то так взяткам или хищениям, а к тщательно спланированным массовым убийствам, беспрецедентным репрессиям. При том же Константине Устиновиче вновь замелькал грузный силуэт «Мадам» на кремлевских приемах. Брежневский приятель по работе в Молдавии, он, как оказалось, может не только по-приятельски чинить карандаши своему всегдашнему патрону, но и «принимать решения», «иметь мнение». Так что чаяния «наследничков» всех мастей имеют под собой внушительную основу: по сию пору живы бывшие руководящие работники МИД СССР, которые помогли Камалову-старшему спрятаться в курортной резиденции на Черноморском побережье Румынии, когда запахло жареным. И кто-то ведь пробивал Галине Брежневой генеральскую пенсию, которой она была лишена только накануне «чурбановского процесса». Почему мы так мало знаем обо всем этом? Отчего довольствуемся лишь слухами, которые, не исключено, намеренно инспирируются специальными «слухопроизводителями» в инстанциях?

Последние три-четыре года мы много и все более открыто говорим о несправедливом своем прошлом. Кровавый сталинский геноцид. Отважные комкоры, безжалостно уничтоженные только за то, что были талантливы и популярны. Их более везучие коллеги, с пугливой готовностью клявшие необученные дивизии на людоедский алтарь «великого и мудрого вождя». Санкционированный голод и миллионы умерших сирот. Неоправданная жесткость размашистой и лютой коллективизации. Истязательная практика ГУЛАГа, которую имевшие незавидную возможность сопоставить характеризуют как сравнимую по цинизму и обреченности с методикой Освенцима. Чудовищная ненужность усилий пресловутого Дальстроя. Чуть тише — о кукурузной эпидемии и лихом поминании «кузькиной матери» в стенах ООН. И — чуть громче — о ставших притчей во языцех застойных годах.

Все это хорошо. В том смысле, что вообще говорим. Но как только приближаемся к восьмидесятым, протест — неразборчивее, а полемика — неконкретнее. Так и вспоминается граф А. К. Толстой с его едко сатирической «Историей государства Российского от Гостомысли до Тимашева» — чем ближе к своим современникам, тем неувереннее праведные обличения:

«Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим».

Что-то не припомнить заметных статей, безжалостно разоблачающих конкретных механизаторов торможения, хотя о самом этом процессе и его лукавом механизме написано и сказано много страстных, честных и взвешенных слов.

Но почему мы привычно деревенеем при необходимости отчетливо называть имена и истинные подоплеки?

Какой такой синхронный недуг вынудил уйти «по состоянию здоровья» одновременно и К. С. Демирчяна, и К. М. Багирова? Не синдром ли Карабаха — имя этой внезапной болезни?

Кого мы, в конце концов, хотим ввести в сладкое заблуждение? Далеких «буржуинов»? Так ведь не только «диссиденты» — Мальчишки-Плохиши слушают «вражьи голоса», дабы быть в курсе происходящего в родных пенатах, но и искренние Кибальчиши перестройки. А сами «буржуинские» журналисты часто осведомлены о наших внутренних делах ничуть не хуже нас, научившихся читать постановления и указы между строк и изъясняться эзоповым языком вчерашних рабов. Так все же, почему столь мучительно дается нам разговор о болях сегодняшних? Да потому, что мы интуитивно знаем: люди, свирепо творившие вчера неправый свой суд, по-прежнему занимают достаточно высокие посты и без боя их не сдадут.

Именно эти «могикане» опекают нерадивых детей своих товарищей, попавших в опалу перестройки, и по-крупному нашкодивших внуков других «соратников в борьбе за звезды пленительного счастья, то бишь за Звезды Героев Соцтруда».

И, конечно, эти «наследники» ни во что не верят, кроме Рубля. Потому так случилось, что Звезды покупались их отцами и дедами по устойчивой таксе. Один из секретарей обкома партии уплатил миллион за звание Героя. Каково?

Зато какие душевные поздравления (на бланках правительственных телеграмм) подшиты к уже упомянутому делу «отца Каракалпакии», какая солидарность, какие пожелания и дальше продолжать в том же духе, от Звезды к Звезде! «...Желаем уда-

чи во всех делах автономной республики — военный комиссар УзССР С. И. Ибрагимов», «...По-братски поздравляю тебя с этим знаменательным днем — Председатель КГБ СССР Алексей Бесчастнов», «...Трудись на благо нашей любимой Родины — Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР А. Шитиков», «...Теперь уже с кубанской земли шлю свои сердечные поздравления — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Медунов».

Что и говорить, «пятиреждызвездный», щедро раздавал награды.

Получил, кстати, свою Звезду и первый супруг Галины Брежневой, бывший эквилибрист цирка шапито Евгений Милаев. Работавшие в ту пору газетчики помнят, как пришло сперва сообщение ТАСС о присвоении звания Героя ряду заслуженных деятелей отечественного цирка с мировыми именами, а через некоторое время дежурные бригады редакции получили откорректированную «тассовку», в которой к короткому списку была прибавлена фамилия первого брежневского зятя, впоследствии шантажировавшего уже бывшую тещу угрозой забрать к себе ее любимую внучку Вику. Даже бывшие члены семьи хапали, как умели.

Все получали куски той или иной жирности с барского стола, на который лениво работала вся страна. По образному выражению одного из покойных бардов «время учило нас пить». Двоилось в глазах у оглушенных все дорожающим хмелем.

А уж как мораль двоилась! «Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения». Эту знаменитую брежневскую сентенцию заучивали наизусть, как нравственную аксиому. И как цитату для школьных сочинений. Какая бы тема ни попалась.

Интересно, когда дети «неприкасаемых» поступали в институты и получали степени по предъявлении паспорта, как воспринимали они эти перлы насчет «единства слова и дела»? Как анекдотические пассажи? Или как пустые, словно карманы простых смертных, фразы? Было им смешно? Или скучно? А может, вправду они «сходили с ума, потому что им нечего больше хотеть»?

Вот Пулат Камалов: зарплата 500 руб., персональная машина, возглавлял коллектив в две тысячи человек. Почет и уважение. Любопытно, за сколько лет (месяцев, дней, часов) можно потратить в наших условиях сто тысяч целковых?...

Фрагмент допроса:

Пулат: После ареста отца друзей не стало почти, в гости никто не ходит.

Следователь Салиджон Джураев: Вы хоть помните, как вели себя в день обыска? Сколько вы тогда выпили?

Пулат: Бутылки три коньяка.

Салиджон Джураев: С горя?

Пулат: По привычке.

Следователь Ислам Боров: А в партию тоже «по привычке» вступили?

Пулат: Я с чистой душой вступил. Ну, а отцовы деньги... Время было такое. Отец старался приписки делать меньше. Наш сват, Рашидов (о сестре Тамаре см. выше, а брат Пулата женат на племяннице Ш. Рашидова. — Т. Г., Е. Д.) заставлял отца приписывать. Честно говоря, я не ждал, что так далеко зайдет, что такое случится с отцом. В других местах приписки были больше... Знаете, из Москвы все приезжали, из ЦК, из министерств. Встречали их, как тогда было принято. Кормили, поили. Памятные подарки. Отец говорил, что для того, чтобы пробить фонды для строительства, надо давать взятки.

Круговорот купли-продажи. Брежневский стиль жизни. Пить. Брать. Другим позволять. Притворство, безмятежно возведенное в бумажный квадрат алчности. Ханженское лицемерие, трагическое помноженное на беспечную заповедь — «после нас хоть Чернобыль».

Из обращения Камалова к семье, записанного на видеоманитофон работниками Прокуратуры СССР 25 августа 1987 г.:

— Я сын народа и обязан служить народу... Нам надо перестроиться... Часть взяток я передавал руководящим работникам из Москвы... Жил только желанием помочь своему каракалпакскому народу, построил железную дорогу, которой не было в проекте... поднял культуру и экономику.

Следователь Николай Иванов, давая интервью одной городской газете, заметил: «Вот преступник ограбил банк, похитил сотни тысяч. Но он неожиданно умирает. Мы ведь не прекращаем поиски похищенного до тех пор, пока не вернем все государству. А теперь ситуация с семьями бывших высокопоставленных лиц (бывших «неприкасаемых»): В случае их смерти поиск ценностей — пусть они и приобретены незаконно — прекращается. Почему? Откуда такая странная «гуманность»? Почему мы должны оставлять огромные ценности, поступившие в виде взяток в семьи преступников, которые проходили по этому делу? Это ведь целые состояния. Сейчас ими владеют «наследники». Владеют незаконно. А принадлежать это должно не им. Ведь это все — народное достояние. Но зло множит зло. Нетронутые

миллионы — база будущих преступлений, а через отрезок времени — возможно, нового витка коррупции».

Речь, конечно, не о том, чтобы сразу после смерти проворовавшегося родителя арестовывать зарвавшихся отпрысков. Но того же Василия Сталина посадили во Владимирскую тюрьму совершенно обоснованно. Вспомним трагическую судьбу другого сталинского сына — Якова Джугашвили. Сын за отца не отвечает. Но если преступный пример отца стал главной жизненной аксиомой, отвечать надо без скидки на громкую фамилию.

Пулаты и галины, игорьки и светланы. Они жили и живут под старинным девизом: «Мы все — единое племя». И их место под солнцем жарко, как печь. Но они не испытывают дискомфорта (за исключением тех, кто находится отнюдь не в курортных условиях следственных изоляторов), поскольку, даже оставшись без прямой протекции высокопоставленных отцов, спокойно опираются на сытую поддержку отцов приемных, на корпоративную помощь соратников старших их родичей и на своих соплеменников (не по крови, а по клану).

И еще на ту самую надежду, которую лелеют все те, кто ностальгическим вздохом вспоминают «застольные годы». А их много. Очень много.

И совсем не обязательно искать эту «контру» среди пресловутых «управленцев-бюрократов».

Ждут «дворцового переворота» и уволенные личные шоферы, получавшие за верную службу (покупку шампанского ящиками) в «вечное пользование» государственные автомашины.

И обильные семьи генералов, чьими обязанностями были лишь застолье и бурные возлияния с уже не способным пьянствовать патроном.

И бодрые поныне камергеры, имевшие обыкновение входить к «светлейшему» по утрам со стопкой водки и стопкой «восторженных писем от трудящихся» — все на одном подносе.

И охранники, вспоминающие о еженедельных спектаклях «отрыва от эскорта» с тем, чтобы выпить на троих» (с Самим!) в лесу бутылку горькой и покурить фирменных сигарет «Новость» (длинную «Новость» делали по спецзаказу только для Него).

Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба. Поющая и гуляющая... Неужели те, кто подписывал поздравительные телеграммы и приказы о награждениях, не догадывались, как «поднимается благосостояние» маловодного края, руководимого «вождем»? Безусловно, они и им подобные уже не были способны нажать на тормоза. Им оставалось одно: присоединиться ко второму фрон-

ту против следствия. Об этом, завуалированном фронте мы расскажем ниже.

«Мы хоть телом торгуем, а вы — своей совестью». Если бы Каримов посмотрел документальную киноленту «Достоинство», где ташкентская проститутка произносит эти горькие слова с экрана, он вряд ли отнес бы их на свой счет. Другие мерки. Другой уровень. Другое «достоинство». И другая цена.

Первое лицо области, территория которой больше, чем территория таких европейских государств, как Греция или Чехословакия, не стеснялось красть у народа, чей лозунговый авангард — партию — он, Каримов, представлял. Взятки считались само собой разумеющимся атрибутом властвования. Однако «новый эмир» еще и просто воровал. Нет, конечно, он не запускал вымытую дорогим мылом кисть в карман зазевавшегося прохожего. Все делалось изящней и серьезней. Как и пристало высокому наместнику еще более масштабного казнокрада...

Из заявления директора Бухарской мебельной фабрики: «Мне на работу позвонил заведующий финансово-хозяйственным отделом обкома Хамраев и сказал, что необходимо изготовить на фабрике шкаф-стенку, предназначенную для одежды и постельных принадлежностей. Стенку необходимо изготовить из красного дерева и установить в доме Каримова... Я взял с фабрики мастера-столяра и поехал к Каримову домой... Жена Каримова указала нам место, где необходимо установить стенку»...

Подобные спецзаказы стали попросту хорошим тоном. Достойный руководитель не желал обзаводиться пусть даже самой разымпортной мебелью, поскольку считал: что есть у него, должно быть отмечено печатью неповторимости. Эмирской неповторимости, подчеркивающей отличие от недостойных подданных.

В языках многих народов бытует поговорка, аналогичная русской. «Аппетит приходит во время еды». А иные «руководящие товарищи» задолго до того, как нежелательным газетным шумом начало пробиваться слово «плюрализм» (иностранщина все это!), привычно практиковали сытый и циничный «плюрализм», адресуя надменное равнодушие не только эфемерному «общественному мнению», но и вполне конкретным «позвоночникам» (действующим по «звонку»). Рассуждали, видимо, так: если уж назвался груздем (понимай: занял пост с материальной ответственностью), то набивай и свой кузов, и кузова присылаемых сверху машин. И приходилось отворачиваться, не замечать мучительной диспропорции двух взаимосвязанных понятий политической жизни: «власти» и «ответственности».

ИЗ ПОКАЗАНИИ ДИРЕКТОРА: «В начале января 1982 года Каримов попросил меня изготовить для него лично шкаф...

Кроме шкафа, Каримов попросил изготовить щиты и облицевать ими батареи отопления и ограждения лестничных маршей... Согласно калькуляции стоимость указанного шкафа и ограждений составила 2101 р. 50 к.».

Как пояснил директор, в калькуляции книжный шкаф, изготовленный для Каримова, именовался «шкаф-стенка». Это было сделано не ради красного словца: книжные шкафы на фабрике изготавливать запрещалось. Мебель в «эмиров» дворец вывозилась с фабрики без документов. Объясняя очевидные в общем-то причины, по которым не была оплачена стоимость изготовленной для Каримова мебели, директор пояснил, что он, положив руку на сердце, «боялся поговорить с Каримовым» относительно ее оплаты. И пытался решить этот вопрос с Хамраевым, неоднократно обращаясь к нему по вопросу оплаты. Обкомовский деятель обещал, что мебель будет оплачена. Однако шло время, а Абдувахид Каримович денег за мебель так и не заплатил. Тогда директор, по его словам, понял, что «Каримов просто обманул его, используя доверие к ответственному партийному работнику».

«Человек проходит как хозяин...». Не ко всем это относится. Вот заберись сперва в высокое кресло, а потом распевай, что душе угодно, обставляя особняки мебелью по личному проекту.

...После освобождения Каримова от обязанностей первого секретаря обкома, он, зная, что изготовленная для него на фабрике мебель не была оплачена, при переезде к новому месту жительства все же распорядился грузить ее. Настолько был уверен в себе, что не желал замечать сгущающихся туч.

На допросе Каримов безропотно — никуда не денешься — признал факт получения мебели, но заявил: «...За привезенную мебель денег не платил, однако поручил начальнику отдела обкома Хамраеву вычесть ее стоимость из моей заработной платы... Я полагал, что после выезда из этого дома оставлю мебель для того, чтобы ею воспользовались те, кто въедет в этот дом... После решения вопроса о переводе меня на другую работу и выезде из Бухары, меня дома не было. Лица, производившие погрузку, ошибочно вывезли мебель, которая мне не принадлежала...».

Конечно, подходящий повод поерничать по поводу того, как опытный и вездесущий хозяин области не ведает, что происходит у него дома, поиграть с приглашенным словом «ошибочно» и т. д.

Однако эпизод с мебелью настолько прозрачен и понятен, что вполне можно ограничиться показаниями Э. Хамраева: «В январе 1984 года Каримов был освобожден от обязанностей пер-

вого секретаря обкома и переезжал на постоянное место жительства в Ташкент. Я заехал к Каримову домой. В это время грузили мебель. Каримов спросил у меня, оплачены ли шкафы... Я ответил, что мебель не оплачена. Каримов, после некоторого раздумья, дал указание погрузить стенки и, таким образом, вывез их из дома...».

Заведующая детским садом: «Под детсад было выделено помещение, где ранее жил Каримов. В комнатах была грязь, ручки от дверей были оторваны, щиты ограждений отопительных батарей и лестничных маршей отсутствовали...».

Во время следственного эксперимента в бывший «эмиров» особняк приехали следователи с Мехринисо.

В доме было шумно: детвора собиралась на прогулку. Темноглазые малыши обступали гостей, что-то лопоча и с любопытством рассматривая незнакомых людей. И бывшая хозяйка этого здания расплакалась:

— Раньше, раньше надо было отдать дом этим малышам. Они здесь должны быть хозяевами.

«Дяди» почувствовали себя неловко рядом с плачущей женщиной.

Но работа есть работа.

Это, кстати, и Каримов знал. Все, чем бы он ни занимался, он делал степенно. С «достоинством». Не с тем ли, о потере которого горевала ташкентская дама полусвета?

Немного истории (середина 1962)

Растущего специалиста Каримова назначили начальником Бухарского облводхоза. В те годы эта область, которая через пятнадцать лет станет его вотчиной, считалась самой отстающей. Не хватало драгоценной воды, здешняя мелиорация тогда являла собой просто насмешку над самим этим словом, происходящим от латинского — улучшение. Приниматься за нелегкую работу Абдувахиду пришлось в самый пик среднеазиатского лета. Температура сорок пять в тени. Да еще и обстановка... Та самая, которая столь емко нарисована была когда-то русским поэтом Сашей Черным в его саркастическом стихотворении «Обстановочка». Короче, когда все не ладится, все валится из рук от полной безысходности. Судите сами, со всем водным хозяйством крупнейшей области приходилось управляться тридцатилетнему инженеру, а из-за воды тогда просто убивали! Да, да. Беспощадно вырезали черными летними ночами специальные караулы, трупы сбрасывали в канал, а воду отводили куда надо. Работать вновь назна-

ченному начальнику приходилось по четырнадцать часов в сутки, благо к недосыпам с детства привык. Кстати, при переводе на новую работу он, ко всему, чуть ли не вдвое потерял в окладе. Так что новое назначение оказалось еще тем «подарочком» (если отвлечься от мысли, что драгоценная вода могла и обогатить).

Тем не менее. Каримов сдюжил. Построены два канала: Аму-Бухарский и Аму-Капарумский. С крупными насосными станциями. С множеством коллекторно-дренажных систем. Заслуги молодого способного руководителя отмечены. Звание «Заслуженный ирригатор Узбекистана», орден «Знак Почета». Еще бы! — улучшилась желанная водообеспеченность и, как следствие, заметно поднялась урожайность «белого золота». Прирост хлопка составил 100 тысяч тонн. Каримов привыкал иметь дело с солидными цифрами.

Глава 7

СОЛИДНЫЕ ЦИФРЫ

Расследование закончено в июле 1986 года. В ходе следствия обнаружено и изъято 5103 золотые монеты и 11 986 золотых ювелирных изделий весом более ста килограммов и общей стоимостью 5 372 876 руб. Кроме того, у Каримова и его родственников изъяты принадлежащие ему наличными деньги в сумме 618 633 руб., наложены аресты на вклады в сберкассах на общую сумму 26 854 руб., а также обнаружены и изъяты облигации Государственных займов на сумму 17630 руб.

Наличие у Каримова и членов его семьи одежды, обуви, посуды, мебели, бытовых приборов и других вещей значительно превышало естественные потребности. Среди имущества Каримова, на которое был наложен арест, имелись пять с половиной километров ткани, сотня ковров, почти полторы тысячи головных платков, 89 индийских ваз и чаш, 31 мужское и 49 женских пальто, шуб, дубленок, 32 мужских костюма, 52 золотошвейных и национальных халата, 40 импортных сервизов, 269 единиц изделий из хрусталя, 402 пиалы, 13 люстр, 11 телевизоров и 20 магнитофонов импортного и отечественного производства, 5 автомобилей, 23 мебельных гарнитура...

Имея квартиры в Бухаре и Ташкенте, Каримов построил двухэтажный особняк в кишлаке Сиваз Китабского района Кашкадаринской области на территории приусадебного участка своего отца.

Напомним, что полностью доверяя своему родственнику Абдуллаеву, «эмир» давал ему для сокрытия золотые монеты, ювелирные изделия и деньги. При этом Каримов вел тщатель-

нейший учет отданных ценностей, записывая в специальные тетради их наименование, вес и стоимость. Помня, наверное, что «социализм — это учет». Право, не смешно...

Были изъяты 4 тетради и 7 разрозненных тетрадных листов. Осмотром и подсчетом сделанных в них записей установлено, что за период с 30 января 1979 г. по 19 апреля 1982 г. учтено 10754 изделий весом 79009.02 г. стоимостью 3126267 руб. (до сотых грамма!). Тетради признаны вещественными доказательствами и приобщены к делу.

Фрагмент допроса А. Каримова (17 января 1986 г., Москва, помещение следственного отдела КГБ СССР).

Вопрос: Скажите, вели ли вы в процессе жизни учет ценностей, если да, то в какой форме и где находятся эти записи?

Ответ: Учет своих ценностей я вел лично сам. Записи делал в двух общих тетрадях и двух ученических тетрадях. Эти тетради я отдал на хранение родственнику Абдуллаеву Файзулло.

Вопрос: Вам предъявляются тетради, изъятые у Абдуллаева Файзулло с цифровыми записями. Поясните записи и расшифруйте их содержание.

Ответ: ...На втором листе сверху имеется цифра 3, а в правом верхнем углу пастой «17.11.79 г.». Имеются записи, которые обозначают следующее: «Б. У.» — означает по-узбекски «браслет наручный», «О. К.» — «кольца», «Ц.» — «цепочка». Далее идут порядковые номера, затем стоимость изделия и его вес. Значит, первую строчку можно и нужно расшифровывать так: «браслет ценой 609 р. 50 к., весом 24,38 г». В этой тетради имеются условные обозначения, установленные мною, которые означают: «Мед.» — медальон, «С.» — серьги, «К.» — кольцо, «С. Б.» — серьги с бриллиантами, «Б. К.» — кольцо с бриллиантом. На странице 20 под номером 23 имеются буквы «хал.», что по узбекски означает «халка», а в переводе — «серьги». Записи на 55 странице «большая», «малая», «средняя» означают: «большая» — двухлитровая банка, «малая» — поллитровая, а «средняя» — литровая.

Ступени (лето 1982)

Если только сам Каримов не рискует когда-нибудь гласно исповедаться, никто не узнает, как и когда начался, изъясняясь высоким слогом, его путь на скамью подсудимых. У кого первого взял? Кому на заре своей деятельности вручил первую взятку? Рука от волнения не дрожала? Сомневающееся сердце не прыгало? Может, он всех этих нерв-

ных ощущений и вправду не помнит? Да и, в конце концов, что это за вопросы такие? Важно — «почему»?

В мае 1982 года Каримову исполнилось 50 лет. В связи с юбилеем директор совхоза Хайдаров решил сделать владыке дорогой подарок, чтобы «по-людски» закрепить близкие, по его мнению, отношения с Каримовым. По просьбе директора его приятель, находясь по служебным делам в Москве, приобрел за 3000 руб. новенький японский магнитофон. Поскольку сам Хайдаров абсолютно не разбирался в радиотехнике, он не стал вскрывать привезенную другом бежевую коробку и осматривать поблескивающее хромированными рычажками содержимое. Но он запомнил название на коробке — «Панасоник». Чудо-коробку отвез к Каримову домой прямо в фабричном, так сказать, биде.

Более основательная «техническая» взятка в виде автомашины «ВАЗ-21061» была преподнесена «эмиру» летом 1982 года. Об этой «шестерке» Хайдаров дал подробные показания: «В начале июня 1982 года я находился дома у Каримова, и он попросил, чтобы я подарил его сыну автомашину. Я пообещал. После этого в совхозе я оформил ходатайство перед Каганским горисполкомом о выделении одной автомашины ветеринарному санитару. С этим документом я обратился к председателю Королеву... Через несколько дней вышло распоряжение о выделении машины. В начале июля поступили автомашины «ВАЗ-21061» — «Канадский вариант». Каримов вызвал меня к себе домой и там, сообщив об этом, сказал, чтобы я взял для его сына именно такую машину».

Экс-секретарь первоначально отрицал получение взяток от директора совхоза, подчеркнув, что, дескать, очень хорошо знал отца Хайдарова. Когда Каримов стал первым секретарем обкома, Зиядулло Хайдаров переехал в Бухару из Кашкадарьинской области и там добился назначения на должность директора совхоза «Пролетарабад». А затем стал заходить по старой памяти к нему домой, познакомился с женой и детьми. Впоследствии между ними сложились теплые, доверительные отношения, и Каримов давал Хайдарову мелкие поручения сугубо личного характера.

«Я Хайдарову передал, и по моей просьбе он продал каракулевы шкурки животных, которых я держал в своем хозяйстве дома. Выполнив мое поручение, Хайдаров передал мне вырученные от продажи деньги в сумме 24000 руб. ... В 1982 году я хотел приобрести для своего зятя автомашину. К тому времени я через ЦК КП Узбекистана уже купил для сына машину «Жигули» и если бы купил вторую, то в Бухаре пошли бы разговоры. Поэтому как-то раз, когда Хайдаров был у меня в обко-

ме, попросил его купить для зятя машину, оформив документы на кого-либо из своих родственников. Хайдаров согласился выполнить мою просьбу, и тогда я передал ему для покупки машины 10 000 руб. ... Зимой 1981 года я отдыхал с Мехринисо в санатории «Барвиха» в Москве. Когда у моих детей-школьников наступили зимние каникулы, то они захотели приехать и посмотреть Москву... Хайдаров привез моих детей. Я об этой услуге его не просил... Не помню сейчас, приносил ли Хайдаров деньги каждый месяц, но такие случаи были нередко. Были случаи, когда я приезжал в Москву... мне Хайдаров тоже давал на расходы по нескольку тысяч. Это было в то время, когда я приезжал на сессии Президиума Верховного Совета СССР, пленумы ЦК КПСС, в отпуска, но назвать конкретно, в каком году это было, я не могу, так как забыл... Кроме денег мне Хайдаров делал подарки вещами... В 1982 году я обратился к нему с личной просьбой помочь мне купить автомашину с кондиционером. Я имел в виду, что он выберет подходящую автомашину, а после этого я уплачу деньги. Но получилось по-другому. У меня не было времени самому поехать и уплатить за машину. Поэтому рассчитался за нее Хайдаров, а я не успел отдать ему деньги...».

Вот такое невинное расхождение двух версий по поводу одного автомобиля.

...С противоположного раскисшего берега мигала давным-давно сквозь дождливую ночь заблудившаяся машина областного чиновника, помогая светом работе инженера Каримова. С противоположного. Не все можно было в этой густой тьме разобрать. Вода, наверное, вода мешала...

Ступени (осень 1988)

Рассказывая о создании в республике новой области, Каримов деликатно подчеркнул, что это произошло вскоре после тихого «переворота», закончившегося уверенным смещением Н. С. Хрущева. Новая область, новый «аппарат», старые проблемы. Эта чехарда с разделением и слиянием областей — привычка. Словом, в 1965 году Каримова утвердили зампредела Кашкадарьинского облисполкома по сельскому хозяйству. Как опытный специалист Каримов участвовал в известном освоении Каршинской степи. Спустя пару лет его назначают заместителем заведующего отделом ЦК (по водному хозяйству).

Снова, подчеркивает Абдувахид Каримович, потеря в зарплате (290 вместо 360).

Феодальная распыленность местных экономических связей необходимо диктовала жесткие правила управления этим хозяйством, которому далеко было до провозглашенного уровня обобществления, соответствующего не то что развитому, но просто — социализму. Без административного давления нельзя было заставить людей работать практически бесплатно. А иначе из чего «лепить» взятки для вышестоящих?

Оказавший когда-то Каримову протекцию тогдашний первый секретарь Бухарского обкома Матчанов избирается в 1965 году секретарем республиканского ЦК. Он стал курировать сельское хозяйство Узбекистана. И вот «по рекомендации ЦК республики» в 1968 году Каримова утверждают первым секретарем Китабского райкома партии. И, вспоминает Абдувахид Каримович, опять ему достался никудышный район: все посева хлопчатника заражены болезнью «Вильт».

— Вообще-то Матчанов говорил мне: «Твой масштаб — область». Но Рашидов отказал... Потом вышла у меня стычка с первым секретарем обкома — Гаиповым. Ему сказали, что нельзя освоить тот массив, на который я замахнулся. А я каналы бетонировал, вода сохранялась. Гаипов при людях говорил, что я, мол, показать себя хочу. Зашел я к нему, шапку бросил, уйду, говорю, раз так! Зачем говорить, если не знаешь? Гаипов демагог был. Сам не делал, другим не давал. С людьми работать не умел, подбором кадров плохо занимался...

К Гаипову, его кровавой гибели, мы еще вернемся. Это был руководитель той же закваски, что и Каримов. Последний, видимо, многому научился у своего тогдашнего шефа. Особенно в плане «работы с кадрами».

Работа с кадрами (2)

Сам Абдувахид Каримович очень ответственно относился к проблеме кадров. Тех самых, что «решают все». Эту сталинскую доктрину многие руководители знают наизусть. Но не в результате ли «кадровой селекции» выпестовалась особая гибкая порода функционеров, о которых Андрей Вознесенский сказал: «Резину бы делать из этих тузов»!

Много их, за всеми не усмотреть. А когда дело приходится иметь не с отдельными зарвавшимися чиновниками, а с Ее Величеством Системой, здесь не то что «шапку долой», как грозился Гаипову его неблагодарный ученик Абдувахид, но и головы можно не сносить.

Если, конечно, протестовать всерьез, а не упражняться в демагогическом позерстве — искусстве «верхнего звена». «Самый худший у нас внутренний враг — бюрократ, это коммунист,

который сидит на ответственном... посту... От этого врага мы должны очиститься», — предостерегал основатель нашего государства.

Только кто будет осуществлять эту чистку? Вышестоящие бюрократы? Ворон ворону, как известно, глаз не выклюет. Ведь каждый босс подбирает себе подчиненных по образу и подобию своему. И они же потом толкают его наверх.

М. Максудов в 1983 году по рекомендации Каримова был выдвинут на партийную работу.

До этого его трудовая деятельность была тесно связана с сельским хозяйством. В последние перед выдвижением годы занимал скромную должность директора совхоза «Мехнатабад».

Понимая, что с путанными обязанностями партийного руководителя ему никак не справиться, он честно высказал «эмиру» свои резонные возражения. И отказывался от заманчивого предложения. Но, несмотря на это, был-таки избран первым секретарем Шафирканского райкома партии.

Как и предвидел экс-директор, он из-за недостатка опыта имел упущения в новой работе. За что Каримов «по-эмирски» строго спрашивал и относился к нему неприязненно. То есть дело шло к «налогу» с неоправдавшего высокое доверие.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ МАКСУДОВА: «Мне кто-то из нашего райкома сообщил, что из Гиждуванского района в сторону нашего района должен проехать Каримов, и я его должен сопровождать. После этого я быстро поехал к себе домой и взял там деньги в сумме 2000 руб. Я встретил Каримова на дороге, где пересел в его служебную машину ГАЗ-31 с государственным номером 00-01... Когда мы проезжали по территории колхоза «Ленинабад», то около границы этого колхоза Каримов увидел на поле колосья проса и попросил своего водителя, чтобы тот принес ему несколько стеблей».

Тормознув, водитель вышел. Каримов как-то выжидательно посмотрел на Максудова.

И тот, повинуясь гипнотическому взгляду бархатных глаз, сразу вытащил из левого внутреннего кармана пиджака приготовленную «передачу», которая была завернута в неприглядную оберточную бумагу. Он робко положил их на заднее сиденье. Между собой и начальством. Ничего при этом не говоря и нарочито глядя в сторону на просовые уголья.

«Эмир» догадался, что «свершилось». Рассчитанным жестом — решительно, но неторопливо взял деньги с сиденья, положил в правый карман своего пиджака. Шофер выбирал колосья...

Так как сверток был небольшим, то Каримов вычислил, что денег в нем не так много, как он рассчитывал. Пожевав губами, неприветливо бросил:

— Ты еще молокосос.

В том смысле, что не понимаешь, что к чему. Первый райкома и первый обкома не приглянулись, стало быть, друг другу. Разные стили работы! Может быть, может быть. Факт тот, что эта торопливая взятка, стыдливо преподнесенная Максудовым своему навязчивому «благодетелю» в чистом поле, стала единственной — первой и последней в их отношениях. Не успел Каримов подоить «несправившегося», не успел.

Зато, например, председатель облисполкома Б. Султанов дал «хозяину Бухары» десять взяток. Причем, последнюю примерно тогда же, когда Максудов первую. Это был «надежный», проверенный товарищ». На него Каримов легко мог положить себя. Не подставляя, разумеется, себя. Хотя тянул деньги он сурово, а это никому не могло понравиться. Даже надежному «кадру», коль скоро речь идет о виртуозной кадровой политике «эмира».

— В ноябре 1983 года я был включен в состав делегации по делам общества дружбы Узбекской ССР для поездки в Испанию, — обстоятельно припоминает его бывший соратник Султанов — Каримов был в курсе дел. Но когда я обратился к нему, чтобы он дал разрешение выехать в Москву, отказал, мотивируя тем, что хлопковая кампания в разгаре и нет никакой возможности отпустить меня в отпуск. Несколько раз я упорно заходил к Каримову за разрешением, но он неизменно отвечал категорическим отказом. Я решил дать взятку. Дома отобрал пять тысяч рублей двадцатипяти- и десятирублевыми купюрами, завернул их в какую-то газету и пошел в обком. Было это где-то около десяти вечера. Каримов в кабинете был один. Я подошел к нему, передал сверток с деньгами. И вновь вежливо попросил дать разрешение на поездку в Испанию. Каримов взял деньги, не пересчитывая, положил в ящик рабочего стола и сказал мне, чтобы я достойно представлял в Испании Бухарскую область.

«Достойно». Каково! Ведь это не свинцовый цинизм. Лозунговые перлы людьми такого рода произносились (и произносятся) без всякого потайного скепсиса. Такой у них «стиль». Они убеждены, что виртуозно «брать и давать» тоже надо уметь. Что без этого умения «не построить коммунизм». Что номенклатурный список № 1 для того и существует, чтобы прорвавшиеся в него «качали деньги», причем как это у них называется, «на благо народа». С которым они отождествляют собственные семьи.

И сколько ни потрясать тепличное общественное сознание сердитыми публикациями на эту болезную тему, сколько ни насыпать дотошных проверяющих комиссий — коррупция непоколебима. И сколько бы ни бились следователи, сколько бы мас-

штабных процессов ни прогремело, такая алчная практика, хитро видоизменяясь, фундаментально сохраняется. До тех пор, пока частая, а не половинчатая гласность из сферы конкретных фактов и личностей не распространится на сферу мировоззренческую.

Очень важно уметь признавать собственные ошибки. Это умение напрямую связано с готовностью перестраиваться. Однако мыслимо ли ждать признания ошибок от тех, кто освобождая — за мзду! — подчиненных от горячей посевной, наставляя их достойно представлять поруганный народ, потом увлажняющий трудную землю.

Власть и деньги стали синонимами. Кресло кормило и одевало. С другой стороны, за деньги можно было приобрести должность. Одним словом, повторяем — плутократия. Но власть богатых приводит лишь к дальнейшему расслоению. Повышаются ставки в игре. Ведь, проанализировав ситуацию, можно сделать вывод: за высокое кресло с годами надо было платить все больше и больше. Главное, чтобы в орбиту «кресловращения» не попадал чужак.

Здесь, пожалуй, стоит еще раз повториться. На примере. Каримов, подчеркнем, очень строго подбирал людей. В «бухарском деле» десятки характерных эпизодов и деталей, демонстрирующих технику «противоестественного отбора». По признакам столь желанной для всякого деспота «слабины» или «гнильцы» лизоблюдов. Сложившаяся система часто заставляла нормальных в общем-то людей бессовестно «прогибаться». Сам Абдувахид, когда-то незаметно ставший добровольной жертвой этой системы, превратился затем в ее верного проводника.

Из показаний бывшего первого секретаря Каракульского райкома КП Узбекистана И. Барнаева:

«...И в конце разговора многозначительно поинтересовался, знаю ли я, сколько денег люди могут дать за назначение секретарем райкома партии?».

Абдувахид Каримович цепко заметил тогдашнего начальника Каракульской передвижной механизированной колонны Барнаева еще в самом начале своего бухарского правления, в 1977 году. В августе того же года его избрали вторым секретарем Каракульского РК, а уже осенью следующего — первым.

«Эмир» всячески подерживал своего исполнительного выдвиженца. До поры до времени. Спустя пару лет начал-таки придирается к «неблагодарному», который за время секретарства, по прикидкам Каримова, должен был накопить достаточно денег для того, чтобы вернуть «долг чести». Но несметливый секретарь райкома никак не мог взять в толк, чего хочет от него покровитель и старший товарищ. Тогда-то и раскрыл ему глаза

зампредседателя Бухарского облисполкома Гулямов. В доверительной беседе. Причем, если верить словам Барнаева, он постепенно оказался загнанным в угол. Напористый Абдувахид однажды, не стесняясь, дал понять, что не позволит ему уйти с «тепленького местечка», не расплатившись сполна.

Когда однажды летом зашла речь о строительстве насосной станции, Каримов, не поднимая глаз от бумаг, резко заметил, что «нужны средства», а у него, мол, и так многовато расходов. Подобные заявления принимались как нечто должное, ибо в период застоя действительно сложилась обстановка, когда государственная собственность стала как бы ничейной.

Время туманных и зыбких намеков прошло, когда несмелый Барнаев, придя на прием к Каримову, положил на вылизанную поверхность «хозяйского» стола заявление об увольнении. Властный сюзерен, не читая, жаркими рывками порвал аккуратный листочек, и, бросив мятые клочки в лицо подчиненному, напрямик поинтересовался у «труса» и «дезертира», знает ли он, что некоторые готовы отдать за его, Барнаева, должность «даже сто тысяч». То есть повторил, едва ли не слово в слово, бывшие увещевания Гулямова. Раскрыл карты? Да нет, просто поставил, наконец, точку над «і».

Барнаев робко пытался уйти, как говорится, в сторону, забормотав что-то насчет того, что больших денег у него просто нету.

Однако, «эмир» с жесткой непреерекаемостью своих средневековых предшественников сквозь зубы пригрозил, что, в случае затянувшегося неповиновения, головы непокорному вассалу не сносить.

Ну, или примерно так.

У каждого, сказал, руководителя есть серьезные недостатки в работе. В этом числе — и уголовно наказуемые.

А у Каримова под рукой был не только верный Музаффаров. Об этом не стоило забывать. Никому. Никому из подчиненных.

Во всяком случае Барнаеву эти недобрые предсказания не показались пустой фразой.

Во-первых, в память целых поколений нестремимо вбетонированы угрюмые тени сталинских методик: многолетняя глупина личной диктатуры обернулась легионом местных кагановичей, а количество необоснованных репрессий перешло с годами в социально-патологическое качество — тотальную, по вертикали и горизонтали, антисправедливость.

Во-вторых, на слуху были многие и многие раздавленные судьбы строптивцев. Схема беспощадной и мстительной расправы с непокорными (или нежелающими мараться) тиражирова-

лась тогда в обществе с таким же энтузиазмом, с каким некогда выявлялись «враги народа». Все, повторим, решали (и зачастую по-прежнему решают!) деньги, деньги, деньги...

Глава 8

ВТОРОЙ ФРОНТ

Купюры уверенно и круто, словно ногой, открывали немало кабинетных дверей; в критический момент нужный механизм подавления приводился в движение и, надо сказать, давал желаемые результаты.

Но вот в «бухарском» деле он стал давать сбои, не выдержав сопротивления с новым курсом страны, стал постепенно, шаг за шагом, сдавать вечные, казалось, позиции. Что же предпринимает пока уверенная в своих силах мафия? Необходимость корпоративной защиты этими людьми сугубо корыстных интересов привела к тому, что сформировался неизбежный и единый фронт из числа преступных элементов и их высоких покровителей против правоохранительных органов. Это случилось не сразу. Консолидация этого мощного фронта произошла, наверное, после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, когда идеи перестройки стали воплощаться в жизнь. Но самый чувствительный и непоправимый удар по этим подспудным силам был нанесен решениями XXVII съезда партии. Контрнаступление началось сразу на всех участках. В том числе, увы, и с использованием средств массовой информации. Поток дезинформации, хлынувший в некоторые директивные инстанции, строго дозированной социальной демагогией на различных уровнях привели к значительному разоблачению в самой правоохранительной системе. Не секрет, что соответствующие компетентные органы, призванные осуществлять борьбу с организованной преступностью, в том числе и бывший Генеральный прокурор СССР Рекунков, заметно ослабили свою работу. Под видом соблюдения социалистической законности практически ничего не делалось! Подобная позиция и стала тем, что некоторые юристы назвали оборотной стороной гласности. Немалая часть чиновников от юриспруденции, привыкшая пресмыкаться и приспосабливаться к новым обстоятельствам, внимательно выжидает. И пристально, очень пристально, хоть и через смеженные веки, имитирующие сон, следит за дрожащей стрелкой барометра. А погоду пока делают другие! Когда некоторые «московские» руководящие работники узнали о выявлении очевидных «ниточек», ведущих прямым ходом в центр, против следственной группы, работавшей в Узбекистане, был негласно открыт «второй фронт». Противоборство взяточников и их покровителей со следствием на этом

этапе приняло качественно новый характер. Пришлось отбивать яростные атаки уже с двух сторон.

Следователи даже вынуждены были придумывать символы-псевдонимы для своих «подопечных» — тайна и еще раз тайна! Ожесточенность столкновения следствия с этими вышестоящими силами объясняется весьма простым обстоятельством: оно «позволило себе» вторгнуться в святая святых преступного клана, сосредоточившего в своих руках политические и экономические рычаги на всех этажах общества.

Создалась достаточно щепетильная ситуация для тех, кто в силу своих служебных полномочий обязан был давать объективную правовую-оценку установленным следствием преступным деяниям важных персон. Подчеркнем, дело именно в том, что вскрытые факты в основном относились к лицам из числа тех самых «неприкасаемых», которых ранее никогда и ни при каких обстоятельствах не сажали, что бы они не вытворяли. Поэтому «отцы законности и правопорядка» вместо того, чтобы поддержать принципиальную линию, заняли, мягко говоря, соглашательскую позицию. И тем самым, увы, затянули расследование дела на годы. Как тут не вспомнить по-философски грустное: «Избавьте меня от друзей, а с врагами я и сам справлюсь».

И все-таки еще раз: отчего следствие по делу о коррупции затянулось на несколько лет?

Ну, во-первых, действительно, юристы по рукам и ногам связаны негласными запретами и категоричными «табу». Допустим, арест скандально известного «зятка» Ю. Чурбанова «согласовывался» (на всех этажах) более года!

Кое у кого создавалось даже резонное впечатление, что бывшего замминистра неявно подталкивают к самоубийству — таковых прогремело несколько — по «щелоковскому» эталону (мы еще вернемся к этим самоубийствам).

Во-вторых, и это, пожалуй, наиболее существенное, складывалась время от времени басенная ситуация «тришкина кафтана». Приходилось, что называется, разрываться на части. Из-за этого, как ни печально, очень много побочных «созвучных», но менее значительных по масштабу дел спущено на тормозах. Или отдано в недобросовестные руки, что, в результате, одно и то же.

Прискорбно, но в нашем обществе образовались благоприятные, тепличные условия для могущественной коррупции. Гигантский, неоправданно громоздкий класс — мы настаиваем именно на этом определении — чиновничества и лентяев (что не тождественно, надо признать) оказался питательной средой для такого рода преступлений. Расшифруем наше определение класса: бюрократов и бездельников единит отношение к обществу —

потребительское. И агрессивное, когда намечается ущемление их интересов, причем, налицо корпоративная солидарность, если замахваются на номенклатурные реалии. Те, кто получает мини-зарплату за безделье, готовы за это «пособие по безработице» стоять насмерть, отстаивая интересы привилегированной верхушки.

Очень долго и упорно людям инициативным и предприимчивым у нас ставили в пример исполнительных, послушных и безвольных. Очень долго и упрямо мы делали ставку на плакато-торжественную массовость, забывая, что в этой впечатляющей массовости растворяется индивидуальность. В безликих веприкопаянных рядах начисто нивелировалась личность. Но зато такими раздавленными и молчаливыми легче командовать. Для этого всегда найдутся хваткие музаффаровы.

То было (надеемся, что прошло) время смиренных исполнителей, а не действующих лиц. Театр миллионов покорных актеров. Зрителями же являлось все мировое сообщество. «Здесь сломали суставы, чтобы сделать колонны». Равнодушный хор сонных собраний, бездумно поющий лозунговую «осанну» и читающий медовые ноты только с листа, отмеченного заковыченным грифом «правда». Инерция этого затянувшегося представления какжется, порой, неодолимой: «за красным восходом — розовый закат». Но на то она и инерция, что неизбежно обречена на фишишные хлопоты. Если не получит новый импульс, конечно.

Подобострастное нижнее административное звено и безупречно ликующий комсомол, являвшиеся размытым, словно вечерняя тень, арьергардом могущественного аппарата, его фундаментальным придатком, были способны лишь дружно и безропотно поддерживать без конца вихляющий курс на «дела победные». Не сопротивляясь явным всему миру ошибкам и трагическим перегибам, они превратились в этакий грандиозный инкубатор добросовестных, но совершенно безинициативных «старателей» (от слова «стараться»). Они всегда были готовы звонко рапортовать и выполнять порученное от «сих до сих». Но — ни шагу вперед. Ни шагу вверх. Ни шагу в сторону. Если приказано пройти семь шагов, проходили все семь. Даже если шестой — край пропасти, в которой гибли завоеванные тяжкой кровью революционные идеалы. А потом, задним числом, можно и жаловаться, как бывший первый секретарь Караузского райкома партии (начинавший карьеру секретарем райкома комсомола) Султанмурат Киньязов:

«Доходило до полного абсурда: спускали план на сдачу яиц в хозяйства, где не было кур. Себестоимость одного яйца достигала нескольких рублей! Чем не «золотое яичко!».

И при таких марзматыческих — другого слова не найдешь

— директивах в районе были, ко всему, дикие условия. Какой там «развитой социализм», когда на тридцать тысяч жителей приходилась одна баня, а в школах учились в четыре (!) смены. И можно понять Киньязова: для улаживания столь плачевных дел он был вынужден «брать». Чтобы «давать». Благо было кому. Попить, покушать любителей всегда хватает. Дармоеды, считающие самой завидной привилегией с ветерком прокатиться на новенькой «Волге» напрямик к установленному восточными угощениями дастархану. А самой большой обидой такие проверяющие считают попытку предъявить им к оплате счета.

— С начала посевной и до завершения уборки в районе — комиссии. За проживание уполномоченные не платили, — констатирует Киньязов.

Наш славный полководец говаривал: за одного битого двух небитых дают. И били, били, вбивая привычку угождать. Но только не такими испытаниями должен закаливаться руководитель. Нынешнее время жестко и бескомпромиссно диктует нашему проснувшемуся обществу: один деятельный, смелый, честный работник, думающий по-новому, стоит десятка бездумных исполнителей, пусть даже всей душой болеющих за общее дело, но не способных на радикальную самостоятельность, на собственные, неординарные решения без вечных оглядок на вышестоящего, вернее — вышепарящего, которому будь он и семи пядей во лбу, за всем не углядеть, всего не охватить. Не говорю уже о таких вышестоящих, каким слыл Каримов.

Ленин предлагал платить сто тысяч тому, кто дает миллионную прибыль, лишь бы не поощрять уравниловку, при которой массовость становится знаменем борьбы с трудолюбием и профессиональной смелостью. Но нет! Недалеких руководителей, конечно же, больше устраивает отупевшая и инертная масса подчиненных, умело выпрессовывающая из самых низов все соки для них, начальников.

К сожалению, готовых на все исполнителей — значительное большинство. КПД их работы непростительно мал. Особенно сейчас, в сложном контексте самой откровенной борьбы за новое (и менее откровенной — с этим новым), развернувшейся по всех сферах нашей жизни. Молчаливый, легкоуправляемый балласт — это серьезное оружие в ловких руках разного пошиба антиперестроечников, не желающих «поступаться принципами». Нам кажется, что в управленческом аппарате эти, скажем так, породы, не в тех пропорциях, которые могли бы обеспечить резкий, качественно новый переход всего аппарата на новые рельсы. Кроме того, анализ практикующихся в последнее время «демократичных выборов» позволяет сделать грустный вывод: коллективные решения зачастую тормозяще-консервативны. Смелые

чаков мало, они еще ходят в «авантюристах». Балласт «исполнителей», объединяющихся под знаменем массовости, тянет чашу весов книзу, и отчаянно-необходимый делу принципиальный радикал объявляется излишне требовательным, а то и попросту самовлюбленным грубияном. К власти по-прежнему прорываются ловкачи каримовского типа, поощряемые всемогущими рашидовыми.

Тот же Киньязов, по его словам «набрался смелости», просившись в отпуск в столицу, обратиться (по телефону) «к нашему куратору в ЦК». Его приняли. Три часа он подробно повествовал «о безобразиях». Выложил все, что можно было, как на духу. Обещали разобраться. Но, как обреченно констатировал экс-секретарь, уже находясь под следствием: «Все осталось по-прежнему».

А ведь произошел тот самый разговор по душам не в доперестроечное время, а в марте... 1987 г.! Вечный вопрос — что делать? Неужели усилия отдельных работников не могут пробить ограду Системы? Или они — не умеют? Не хватает профессионалов-руководителей? Не терпящих лизоблюдов, не делающих ставку на, пусть честных, но всего лишь исполнителей чужой воли? Руководителей, знающих вполне определенно, что конкретно нужно оставить в компетенции аппарата, а что массы должны взять на себя. Те самые массы, под вечноотглаженным однотонным флагом которых порой укрывались действительно опасные авантюристы-одиночки, а не одиночки-революционеры (в широком смысле слова). Для того, чтобы коррумпированное кресло перестало быть таковым, нужен честный профессионал, безошибочно вычисляющий ту, почти неуловимую границу между демократией и централизмом, что разделила непримиримых борцов за бравую массовость и солдат подлинной перестройки, ставящих не на твердую Личность, а на демократическое Содружество Личностей.

Как могло случиться, что не горстка втянутых в мафиозные игры, а сотни тысяч людей знали, что престижные должности и высокие ордена буднично продаются и покупаются, однако делали вид, что в «целом мы на верном пути»? Загубленные поля отчаянно белели от омертвляющей соли, а не от благородного хлопка; когда-то цветущие города оставались без питьевой воды, а на страницах журнала «Гулистан» тогдашний министр культуры Узбекистана пел очередную панегирик Рашидову: «...пусть мы будем иметь счастье собирать прекрасные цветы из цветника Вашего творчества». Арал превращался в дикристаллизованную безводную пустыню, а на страницах центральных газет текла мутная водица восторгов по поводу «строительства новой, социалистической Каракалпакии».

...Известный шотландский поэт Дуглас Интайр, говорят, не умел ни писать, ни читать, а свои стихи диктовал друзьям, которые их стенографировали. Божественный шеф Каримова — Рашидов, также, впрочем, как и его сиятельный патрон — Леонид Ильич, создавал «нетленные шедевры», расплачиваясь щедрыми улыбками на благообразном лице пророка и столь же щедрыми подношениями исполнителем «писателям», которые не могли не догадываться, что деньги «отахона» («Отца нации») — это выжатые «снизу» взятки и украденная помощь сельскому хозяйству республики «сверху».

Впрочем, повторим, рашидовская клика умела греть руки не только на хронических недугах экономики, но и на стихийных бедствиях; таких, как знаменитое ташкентское землетрясение. И все эти беды не исчезли, словно провинившийся джин в бутылку, после смерти вечно улыбающегося республиканского вождя. Год его смерти (и ухода из жизни рашидовского покровителя — Брежнева) — рекордный по припискам. А надуманное обещание — «шесть миллионов тонн хлопка» — повторено и на «перестроечном» XXVII съезде партии. Ведь именно с этого лозунга начался реактивный виток коррупции, именно на этом несуществующем сырце, словно на дрожжах, плодились новые и новые миллионеры. Причем, далеко не «подпольные», хотя у нас и принято так их называть.

...Привычными стали пассажи типа: «Хороший подарок получили жители города — открыт новый ДК с концертным залом и видеотекой...».

Полно! От кого «подарок»? От какого-то далекого, высокосядущего аппарата?

И почему «подарком» именуется то, что изначально предполагалось безоговорочно предоставить каждому члену общества для проведения досуга и «всестороннего развития личности»?

А сколько «подарков» жизненно более необходимых — детских садов, школ, больниц... — общество робко, но все еще надеется получить.

Не потому ли, что кое-кто перепутал попечение об общественном благосостоянии с заботой о собственном благе?

А все, что мы ждем, как «подарка», надо делать самим. Подарков не будет.

Глава 9

ЦЕНА БЕЛОГО ЗОЛОТА

Директор завода Бурханов, привлеченный к уголовной ответственности за дачу взяток ответственным должностным лицам Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекистана, рассказал о фактах дачи взяток Каримову. Деньги для

взяток директор брал через начальника отдела сбыта Бухарского хлопкоочистительного завода Намазова, у классификаторов заготпунктов, которые в свою очередь получали подношения от представителей совхозов и колхозов за приписки количества сданного хлопка-сырца (Бурханов добровольно внес в доход государства добытые преступным путем 2500000 руб.). Объясняя мотивы, побудившие его давать хозяину области увесистые взятки, Бурханов заявил, что он был вынужден это делать. Из-за постоянных притеснений со стороны «эмира». На одном из совещаний Каримов прямо сказал, что его, Бурханова, «надо снять с работы и исключить из партии».

— Я понимал, что Каримов и меня хочет заставить давать взятки ему, — заметил директор. — Я стал постепенно осознавать, что те люди, которые дают Каримову деньги, работают спокойно, без трений.

Сообщая детальные обстоятельства вручения первой взятки, Бурханов указал, что Каримов прямо заявил, что он, директор, слишком долго испытывал высокое терпение, и спросил:

— Когда ты принесешь деньги?

На следующий день, утром, он приехал к Каримову домой и в прихожей его дома вручил ему привезенные 7000 руб., в целофановом пакете. При передаче денег, отметил Бурханов, он назвал сумму. Каримов не спеша принял пакет и нехорошо усмехнулся.

— Я понял, что сумма слишком маленькая, но денег он мне не вернул.

Легко, конечно, обвинить человека: не остановился, как некоторые, а принялся с рвением набирать на более крупный куш. Но ведь из его показаний видно, что вся область была в курсе Каримовских «методов работы» и, тем не менее, Каримова ставили в пример, видные деятели называли его «золотым фондом республики», награждали правительственными наградами. В кулуарах подчиненные свободно делились друг с другом «расценками» каримовского расположения, а ударную работу «нового хана» вздохом воспевали центральные газеты. Волей-неволей могла прийти в голову мысль: а может, так и надо? Ленин пророчествовал: «Нет класса, который может нас скинуть... Никто не может нас погубить, кроме наших собственных ошибок».

Не перешло ли количество этих ошибок в угрожающее качество непобедимой мафии?

...Взятку в 50000 руб. Бурханов вручил Каримову в конце августа 1981 года. Этот эпизод директор расписал подробно:

— В августе 1981 года Каримов вызвал меня в обком и заявил, что я позволяю себе играть с ним как с мальчиком, что ношу ему по семь, десять тысяч, когда могу принести и больше.

Потом спросил меня, понял ли я его. Я ответил, что понял, и вышел из кабинета. У себя на работе я вызвал Намазова, попросил приготовить для меня пятьдесят тысяч. Через несколько дней мне на работу позвонил Намазов и пригласил зайти в «комнату для приезжих» на нашем заводе. Когда я пришел туда, Намазов показал мне оцинкованное ведро с яблоками, прикрытое марлей. Сказал, что под яблоками пятьдесят тысяч. Я проверил. Действительно, в белом платке лежали деньги купюрами достоинством по десять рублей. В тот же день я приехал домой к Каримову. Точнее, это было в обеденное время. Он оказался дома. Из машины я взял ведро и занес к нему домой. Каримов выложил яблоки, и, взяв сверток с деньгами, положил его в шкафчик стенки. После передачи денег Каримов стал относиться ко мне лучше. Особо не притеснял меня, и я начал более спокойно работать.

Следующий эпизод имел место в ноябре следующего года. ИЗ ПОКАЗАНИЙ БУРХАНОВА: «В один из дней мне на работу позвонил Каримов и пригласил в обком. Я сразу же приехал. Немного поругав меня, он заявил, что ему надо 50000, что он едет к «большому человеку». В тот же день вечером на машине Намазова мы приехали к дому Каримова. По дороге Намазов показал детский школьный портфель, в котором, как он сказал, было 50000 рублей. Каримов встретил меня, и мы прошли во второй зал его дома, где и отдал ему портфель. Каримов принял деньги, но не считал их. Налил мне рюмку коньку, я пригубил ее, и попрощавшись, вышел».

Последнюю взятку Бурханов дал Каримову уже после ареста Музаффарова. Обстоятельства вручения этой взятки были аналогичны предшествующим. Так же Каримов позвонил на работу Бурханову и, сказав, что уезжает то ли в отпуск, то ли на сессию Верховного Совета СССР, предложил принести ему домой 20000 руб. В тот же вечер на машине Намазова они приехали к дому Каримова... Все произошло так, как было заведено.

Немного истории (продолжение)

Видимо, увлеченно и тщательно заполнялся в камере дневник, повествующий о том, что Каримов сделал для «своего народа», как преобразилась Бухара под его чутким руководством. Жалуются. Непросто было ему. Пригодился, пригодился былой опыт, преодолел.

«В Сурхандарье я работал в 1970—1975 гг. По методам работы в Китае изучал причины застойных явлений во всех десяти районах области. Главные причины — нарушение севооборота, монокультура, в результате чего все старые орошаемые

земли заражены «Вильтом». И не хватает для орошения воды. Методом народной стройки и путем взрыва на выброс, ускоренными темпами построили Аму-Заигский мощный канал и обеспечили все районы оросительной водой, освоили более 60 тысяч гектаров новых земель, ввели севооборот. Таким образом, все районы, все хозяйства стали перевыполнять планы.

В 1974 году меня избрали первым секретарем обкома партии. Ежегодно я увеличивал урожай на 25—30 тысяч тонн хлопка. Валовой сбор 360 тысяч тонн в 1970 году увеличили за шесть лет до 484 тысяч тонн. Урожайность за этот период увеличилась с 28 до 34,5 центнеров с гектара. Экономические показатели области за счет увеличения урожайности вывели ее на первое место в республике». За эти успехи в 1971 и в 1974 годах Каримов награждается два раза орденом «Трудового Красного Знамени, в 1976 году — орденом Ленина и Знаком КГБ СССР за образцовую охрану государственной границы СССР.

«Трудящиеся Сурхандарьинской области были очень довольны. Мы наметили в перспективе довести урожайность хлопка до 700 тысяч тонн (в том числе ценного, тонковолокнистого сорта до 500 тысяч тонн). Учитывая, что самый жаркий климат в Советском Союзе — в Сурхандарьинской области, где можно получать ценные сорта хлопчатника, который требует воды в 1,2—1,6 раз больше других сортов, мы наметили строительство двух крупных водохранилищ: Тупалангского и Актепинского. По моему предложению они были построены с объемом более одного миллиарда кубометров. Это гарантировало постоянное получение высоких урожаев. Большое развитие получили также промышленность и строительство как на селе, так и в городе.

Ступени (сентябрь)

Из «воспоминаний» начальника дорожно-строительного управления Т. Мурадова о первой встрече с «верным», как он сам себя называл, «ленинцем».

«До этого дня Каримов меня не знал и никогда не беседовал. Здесь мы разговорились. Я рассказал ему свою биографию. Потом он сказал, что хочет назначить меня начальником облдоруправления и спросил, потяну ли я эту работу. Я знал обстановку в области, в частности, то, что в доруправлении мало техники, плохо поставляется битум, высказал эти соображения и добавил, что если обком и облисполком помогут, то справлюсь. Каримов затем долго говорил мне, что эта должность очень большая, почетная, и не каждого на нее можно назначить. А он хочет лично поставить меня начальником».

После оформления документов в промышленном отделе обкома партии Мурадов встретился со своим предшественником, «пошедшим на повышение»:

— Я сообщил ему о том, что был на беседе у Каримова, что Каримов обещал еще раз вызвать меня. Он сказал: «Хорошо, готовься».

Неискушенный в этих делах Мурадов не понял, что обозначала последняя короткая фраза, но когда вторично пришел на прием в обком, Каримов был более откровенным:

— В кабинете мы были вдвоем. Каримов опять стал хвалить должность начальника. Не каждому, мол, это место доверяется. Подчеркивал, что я должен буду выполнять все его поручения. Он также сказал, что в область приезжает много людей, и поэтому есть денежные расходы. Я стоял и молча слушал. Он же, видимо, считал, что я уже принес ему взятку, но так как я молчал, он сказал: «Я вижу, что ты еще не готов, иди и получи консультацию». В этот же вечер я приехал в райком, рассказал обо всем, что было в обкоме, и о том, что Каримов направил меня «за консультацией».

Там Мурадова «проконсультировали», объяснив, что к чему. На следующий день он пригласил к себе своих братьев и сказал, что за назначение на новую должность положено «дать». Они посоветовались и решили скинуться. Собрал 20000 руб., Мурадов связался с Каримовым. Тот пригласил его к себе домой. Об этой встрече: «Каримов пригласил меня в казахскую юрту, которая находилась метрах в шести-семи от калитки... Каримов спросил меня о моей работе в ДРСУ. Я стал доставать из карманов пиджака и брюк пачки денег, которые клал под курпачу здесь в юрте... Когда я положил деньги, он тут же сказал, что спешит, и я, попрощавшись, стал уходить...».

Приходилось начальнику «поддерживать отношения» с властным вымогателем до осени 1983 года, то есть до тех пор, пока «бухарским делом» не занялась следственная бригада Прокуратуры СССР.

«...Когда я уже работал начальником облдоруправления, узнал, что 1 мая 1982, г. у Каримова был 50-летний юбилей. Кто-то из руководителей области спросил у меня, сделал ли я подарок для Каримова в честь этой даты. Я ответил, что нет. Этот человек сказал мне, что у Каримова есть список тех, кто дарил ему подарки. Тогда я решил подарить ему часы «Ориент», которые купил в Москве... у незнакомого мужчины за 250 рублей».

Но прошло совсем немного времени, и его вызвал Каримов. Он приехал в обком, зашел к «эмиру» в кабинет. Тот сказал, что в область нагрянула какая-то комиссия, и для проверяющих срочно нужно 4000 руб. Мурадов стоял и молчал, думая только

о том, где найти такие деньги. А Каримов, помолчав мгновение, рявкнул:

— Что ты думаешь! Иди и принеси деньги!

Через год с небольшим, в ноябре 1983-го, Мурадова, также по телефону, вызвал к себе в кабинет Каримов и сказал, что он едет в Москву на совещание, и ему нужно 3000 руб. Мурадова удивило, что Каримов требует с него взятку в то время, когда уже был арестован за взяточничество «эмиров» опричник Музаффаров...

— Я понял, что Каримов все такой же всемогущий, и без всяких возражений сказал, что принесу деньги, — подводит итог своим недолгим раздумьям бывший начальник ДРСУ.

Опять этот психологический нюанс! Люди полагали, что раз шефа не трогают, значит его «прикрывает Москва». А против дома — нет приема. Напомним: сам Каримов после своего ареста пребывал в уверенности, что «его отдали» за какой-то просчет. Где-то, мол, он не поспел. Кому-то не дал. Увы...

Многоратно роняя фразу о том, что его масштаб — область, Каримов, навстречу, выражал тем самым косвенную надежду еще послужить на благо народа. И это не поза — жаль Абдувахид Каримовича. Система, мы это все время подчеркиваем, подогнула его под себя, и одаренный, видимо, человек, все больше и больше втягивался (и втягивал других) в работу этой самоотлаживающейся машины, называемой механизмом тотальной коррупции. Говорят, что везучие живут с деньгами, невезучие — без, а негодяи — для. «Негодяи» — не слишком ли круто? Можно ли припечатывать бывшего первого секретаря обкома партии таким словечком? Дело здесь не в конкретном случае, а в том, что никакая должность не может являться страховкой от Возмездия. Назначение на высокий пост не должны рассматривать как индульгенцию на казнокрадство «в особо крупных размерах» и другие преступления. В своей жизни, как уверяют очевидцы, Каримов частенько нарушал не только Уголовный, но и моральный кодекс. В том числе и до того, как получил в свои руки Бухару...

Ступени (продолжение)

«В 1977 году (5 февраля) меня вызвали на бюро ЦК и сказали, что меня рекомендуют первым секретарем Бухарского обкома партии. Меня поблагодарили за подьем Kitabского района и Сурхандарьинской области. Я отказался и просил оставить меня на прежней работе, так как, работая начальником Бухарского облводхоза, хорошо знал скрытое местничество в Бухаре. Там страшно противились тем, кто приезжал по направлению из других областей, притесняли их,

заставляли покидать Бухару различными способами, вплоть до шантажа. Об этом я сказал на бюро. Но Рашидов даже не хотел меня слушать, и меня утвердили вопреки моему желанию. Жалко было оставлять начатое большое дело, которое уже давало хорошие результаты. Но пришлось ехать туда, куда посылала партия. Я только попросил бюро оказать мне моральную поддержку.

В то время в Бухаре уже три года подряд не выполняли планы по заготовке хлопка. Изучив причины отставания области, я понял, что здесь, так же как в Китабе и Сурхандарье, это происходит из-за низкой водообеспеченности, ухудшения мелиоративного состояния орошаемых земель, монокультуры, нарушения севооборота. А все это явилось следствием неправильной кадровой политики и нарушения трудовой дисциплины, отсутствия надлежащего партийного руководства народным хозяйством. Большинство членов бюро обкома и первых секретарей райкомов, горкомов партии были педагоги, которые получили образование заочно. Они работали по 15—20 лет, не зная толком агротехники, мелиорации и механизации, сложных сельскохозяйственных процессов. На всех руководящих должностях, как в районах, так и в области, работали родственники и близкие членов бюро обкома и горкома партии. Существовала круговая порука. Эти выдвигенцы из-за незнания дела и в условиях безнаказанности работали плохо, а Бухарская область занимала последнее место по экономическим показателям в Узбекистане. Для исправления положения дел в этой области ЦК КП Узбекистана освободил первого, второго и других секретарей обкома, председателя облисполкома, большинство секретарей райкомов партии».

Бок о бок с новым секретарем работало много разных людей.

Разных. Кому-то, очевидно, «стиль руководства» нового хозяина области пришелся не по душе. Они уходили. Другие (многие — вынужденно) «притирались» к методике Каримова.

Когда Абдувахид Каримович, присматриваясь и прицениваясь, начинал руководить Бухарской областью, отделом административных и торгово-финансовых органов обкома заведовал Б. Султанов. На самом пике жаркого, даже для этих мест, лета 1981 года он оставил этот сытый, но нервный участок работы и пересел в более спокойное и вместе с тем более почетное кресло — возглавил исполком Бухарского горсовета.

Незадолго до этого назначения будущий мэр побывал в Кисловодске...

В конце марта ему удалось достать две путевки в престиж-

ный санаторий «Узбекистан». Он, естественно, бьет челом Каримову: подпишите, мол, заявление на отпуск.

Шеф очень расстроился, и дабы жизнь медом Султанову не казалось, накричал на подчиненного. Если, дескать, имеешь деньги мотаться по курортам, то должен делиться с ним, старшим товарищем. Реакция Султанова, на наш взгляд — классическая иллюстрация Системы: «Я внутренне возмущен, но ничего не сказал Каримову. Дома я взял 5000 руб., завернул в бумагу и пошел в обком партии».

На следующий год, тоже в середине лета, история повторилась как по писанному. Снова гневный отказ, потом привычный тариф — 5000, хрустящая газета, деньги небрежно кинуты «эмиром» в ящик стола...

А в конце года уже сам босс собрался отдохнуть. И вновь...

— В декабре 1982 года Каримов вызвал меня к себе в кабинет и предупредил, — вспоминает экс-мэр «жанской» столицы, — что он едет в отпуск. Дома я взял пять тысяч 25-рублевыми купюрами, завернул в газету...

Каримов, обстоятельно и словоохотливо повествуя о своем «стиле», особо напирал на то, что в отличие от многих болтунов и бездельников, предпочитавших нежиться на кавказских курортах в самый разгар сезона (среди коих, к слову, и покойный Рашидов), он, первый секретарь обкома, позволял себе расслабляться только — он тщательно подчеркивал это «только» — после окончания страды. Сделал дело, гуляй смело. Все бы так, да? «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас!».

Сказать по чести, следователям сначала казалось, что экс-секретарь пытается, по изящному выражению своих нынешних сокамерников, вешать лапшу на уши. А потом прислушались, пригляделись: нет, Каримов вполне искренен. Просто он уверовал в то, что большим делам всегда присущи «маленькие нарушения», причем дела оправдывают все нарушения. Не без удовольствия рассказывал о своих мелиоративных изысках. И даже изрисовывал страницы протоколов схемами каналов и водохранилищ. А еще он очень горячо обижался на завистников и недоброжелателей.

«...Пониженные в должности эти озлобленные люди с местническими настроениями, со своими родственниками и близкими, всячески мешали мне и новому составу нормально работать, шантажировали, нападали с анонимными звонками и письмами, угрожали не только лично мне, но и членам моей семьи. Они писали: «Если хотите жить, если Вам дороги жена и дети, то по хорошему уезжайте из нашей области, мы — священные бухарцы — сами будем руководить своим народом». Причем, часто писали на арабском языке. Несколько таких писем я отдал Рашидову и просил перевести меня в другую область. Или на науку.

Так как я, а также члены семьи жили в постоянном страхе. А семья у меня большая — десять детей и старики. Но он говорил: «Не обращай внимания и работай. Эти провокаторы — местные озлобленные люди, освобожденные тобой от хорошей работы. Они ничего не сделают». Такие же письма писали и новому председателю облисполкома Мурадову Сулейману Рустамовичу, об этом он говорил мне. И он тоже сказал Рашидову об угрозах. А тот в моем присутствии ответил ему также, как и мне. В конце 1977 года, когда после трехлетнего провала Бухара перевыполнила план — дала 110 процентов — народ был очень доволен. Прямо на совещаниях говорили: «Оказывается, бухарская земля может давать урожай, а наши прежние руководители всегда утверждали, что выполнить план на соленой земле невозможно!». В декабре 1977 года я был на сессии и на пленуме ЦК КПСС. В Бухаре был большой снег, и все члены бюро на вездеходах уехали на пастбище для оказания помощи овцеводам. Председатель облисполкома Мурадов тоже собирался ехать на пастбище Канимехского района. Но его заместитель по животноводству уговорил его лететь вертолетом. Он не хотел лететь вертолетом, хотел ехать на вездеходе. Но за него договорились с вертолетным полком, и Мурадов улетел с группой людей. Его заместитель по животноводству сам не полетел, а поехал на машине. Примерно через час или два полета вертолет взорвался в воздухе, и Мурадов вместе с группой и экипажем погиб. До сих пор не могут точно установить причины катастрофы. У Мурадова остались сиротами шесть детишек, слепая мать, жена. Примерно через год мне позвонили по телефону-автомату. Говорили на таджикском языке с бухарским акцентом (бухарцы разговаривают на таджикском языке и считают себя таджиками, хотя многие в паспорте пишутся «узбеками»). В трубке раздалось: «Это вы Каримов?». Я говорю: «Да, я — Каримов». Он говорит: «С вами говорит ваш друг, который отправит вас на тот свет к Мурадову, если вы не уедете из священной Бухары». И положил трубку. Я об этом тоже говорил Рашидову, опять просил перевести меня в другую область или на любую работу в Ташкент. Но он отругал меня и сказал, что злые люди есть везде. Я сказал, что смерть Мурадова, наверное, не случайна... Но он отказался перевести меня. Я работал по 15—17 часов в сутки, так как Бухарская область многоотраслевая, территория 14,6 миллионов гектаров — это полторы Болгарии, много промышленных предприятий, объекты разных министерств, газ, нефть, светлые металлы, химия и энергетика, самое большое количество хлопка (660 тысяч тонн) дает республика. Это больше, чем дает Азербайджан, или больше половины хлопка, который производят

Туркмения и Таджикистан. В области — одна третья часть каракульских овец Узбекистана. И многое другое. Поэтому я всегда был занят творческими делами, не обращая внимания на происки карьеристов. Выполнялись все виды планов. Бухару часто посещали высокие гости из Москвы, из разных стран. По поручению Рашидова и других членов бюро ЦК мне было необходимо их принимать, сопровождать... Я вынужденно участвовал в этом, выступал, поэтому всегда был занят... Много жителей Бухарской области испокон веков занимаются торговлей и спекуляцией. Местная милиция не принимала меры».

Глава 10

СТРАЖИ ПОРЯДКА ВРЕМЕН БЕЗЗАКОНИЯ (НОРОВ И МУЗАФФАРОВ)

Неспокойно было на душе у Мехринисо. Она, конечно, догадывалась, что происходит. Тайна мигрирующего варенья была не единственной, открытой ею.

В гости к Каримовым частенько наведывался начальник областного управления внутренних дел М. Норов. Однажды он пришел под вечер. Через окно из детской комнаты Мехринисо видела, как шеф местной милиции любезно обсуждал какие-то мужские проблемы с ее супругом.

Она приготовила душистый зеленый чай и отправилась потчевать обходительного гостя. Негромко постучалась, подхватив поднос свободной рукой снизу. Абдувахид тут же мягко, но быстро поднялся. Не впустив жену в зал и хумро поблагодарив за чай, он бросил фразу, смысл которой сводился к тому, чтобы Мехринисо не мешала серьезной беседе.

А у нее отчего-то скребли кошки на душе. После того, как за Норовым глухо закрылась тяжелая входная дверь, Мехринисо осторожно выглянула из своей спальни и увидела мужа, сноровисто поднимающегося по темной лестнице на второй этаж.

В руках у него была — она даже не удивилась! — небольшая стеклянная банка. О ее содержимом легко было догадаться по тусклому блеску. Светло-желтому, как освещенный вертикальным полуденным светом бархан. Отмытая емкость была заполнена монетами почти под завязку.

Почувствовав взгляд, Абдувахид обернулся. Они не успели встретиться глазами — Мехринисо тихо притворила дверь. Ей было понятно, куда нес очередной клад ее неутомимый супруг: на втором этаже дома, в укромном месте, замер неприступный, словно цитадель, сейф Каримова.

Между первым лицом области и главным ее правоохранителем сложился тесный альянс где-то на рубеже 70-х и 80-х. Лично от Норова «эмир» получил тридцать шесть тысяч наличных, плюс золотые монеты царской чеканки, золотошвейный чепан и карманный магнитофон. По его мнению, Норов давал ему взятки не за красивые глаза, а за поддержку в работе.

Рассказывая о последней из взяток, Норов отметил:

— В течение продолжительного времени Каримов каждый раз при разговорах со мной намекал, чтобы я давал ему именно золото. Мотивировал он это тем, что в Бухаре жили и живут богатые люди, ювелиры. В мае 1981 года я у него дома преподнес ему деньги — 15000 руб. разными купюрами. Кроме того, дал ему 50 штук золотых монет, которые оставались у меня в наследство... Тогда же подарил ему золотошвейный халат за полторы тысячи.

Ну, а что касается магнитофона, то о нем следствию рассказала Мехринисо:

«...В ноябре-декабре 1980 года я с Абдувахидом отдыхала в санатории в Кисловодске... В это же время, только в другом санатории, там отдыхал Норов с женой. Однажды они пришли к нам в гости. С собой принесли небольшой, наверное, импортный магнитофон. Магнитофон был новый, и они подарили его нам...».

Когда шеф областной милиции Норов (проходивший по одному делу с Чурбановым) ушел на пенсию, на вакантное местечко зорко нацелился его сноровистый заместитель Ш. Рахимов.

Дольше всех он проработал замом Норова, поэтому у него были основания рассчитывать на долгожданное повышение. И не только эти основания. К этому времени у него в сейфе хранилось 9500 руб., полученных в качестве взяток, которые он мог немедленно и с пользой для себя реализовать. Но этого, как оказалось, не хватало. Надо было округлить. И удвоить.

— Я решил занять 10000 руб., добавить к имеющимся еще 500 руб. из своих денег и передать Каримову и Эргашеву, тогдашнему министру внутренних дел — по 10000 каждому. Так как деньги различными купюрами, и в таком виде неудобно было преподнести высокопоставленным лицам, я обратился с просьбой к своему товарищу по работе — заместителю начальника УВД Тиланову обменять мне 10000 на сторублевые купюры. И занять для меня еще столько же. К нему я обратился потому, что его родственник работал управляющим областного отделения Госбанка. Тиланов выполнил мою просьбу, — не опуская подробностей, вспоминает Рахимов. — В будний день, часов в десять-одиннадцать вечера, позвонил с работы секретарю и попросил принять меня. Каримов согласился. Зашел в его кабинет,

Абдувахид Каримович находился там один. И у нас зашел разговор о работе, о здоровье Норова, который в это время, помню, тяжело болел. Во время нашей теплой беседы я достал из кармана служебный конверт, где у меня находились деньги, и сказал, что нам еще много придется работать вместе и что здесь только аванс.

Есть такая присказка: не в коня корм. К данной истории, на наш взгляд, вполне подходит. Ахат Музаффаров, не без усмешки, вспоминал на допросах:

«В 1981 — 1982 гг. начальник УВД Норов часто болел, и в начале 1982 года стало известно, что он выходит на пенсию. Обязанности начальника в период его болезни исполнял первый заместитель, Рахимов. Поэтому одновременно с разговорами о том, что Норов уходит, стали вестись разговоры о кандидатуре будущего начальника. Претендентов было двое — Рахимов и Тиланов... Позднее от самого Рахимова я узнал, что он, действительно, не только претендовал на должность, но даже дал взятки Каримову и министру внутренних дел Эргашеву... А начальником поставили не его, а Дустова!».

Во время судебного процесса Рахимов вначале, как и на предварительном следствии, признал факт дачи взятки Каримову и довольно подробно изложил мотивы и обстоятельства ее вручения. Но после того, как выслушал сердитые показания упрямого Каримова, отказался от своих первоначальных показаний и заявил, что взятки «эмиру» он не давал. Зал суда временами шумом и накалом торгового напоминал обычный базар. Тем не менее, исследован и оценен собранный доказательств, Верховный суд Узбекской ССР при постановке приговора признал Рахимова виновным в получении и даче взятки. В том числе и той самой, Каримову. Позднее от него поступило заявление, в котором он признал получение взятки от Рахимова:

«После вызова в суд я долго думал над своими показаниями, правду ли я сказал, не завел ли следствие в заблуждение. И вот мне удалось (!) восстановить в памяти события 1982 года, когда весной Рахимов пришел ко мне на прием по какому-то служебному вопросу и оставил на столе сверток с деньгами... В свертке оказалось 10000 руб.».

Столько вопросов можно задать Абдувахиду Каримовичу... И все — без привкуса риторики, и на все — нужен лишь один ответ...

Отступление (4)

Каким образом в одном человеке уживается суровая неприязнь к «нечестным милиционерам», выплеснутая в аккуратной

голубой тетрадке, и нежно культивируемая подобострастными подношениями служебная протекция коррумпированному руководству милиции?

Как можно говорить пламенные речи на пленумах и, несколько минут спустя, в кулуарах, самым натуральным образом вымогать мзду у своих подчиненных, только что бурными аплодисментами выразивших «одобрение взятой линии»?

Почему скрупулезность, с которой велась запись драгоценных закупок (золото учитывалось до миллиграмма), без сомнения просматривается и в следственных «откровениях», подобных той же, например, биографии из голубой тетради?

Ленин писал, что «анализируя ошибки вчерашнего дня, мы тем самым учимся избегать ошибки сегодня и завтра». Но... Каримов, похоже, навсегда обосновался в каком-то иллюзорном мире наедине со своими ценностями (в обоих смыслах этого слова).

Наверное уже понятно, что как и многие его «подельники» (по «бухарскому» делу), Каримов — из достойной (без всяких кавычек), работающей семьи.

Являлся делегатом XXIV и XXVI съездов партии. Избирался членом ЦК Компартии Узбекистана, депутатом Верховного Совета Узбекской ССР. В характеристиках отмечены большие организаторские способности Каримова. его энергия, инициатива и настойчивость в работе, хорошее знание сельскохозяйственного производства. Многие ответственные работники отметили в своих показаниях его деловитость, энергичность и организаторские способности. Но, вместе с тем, они же подчеркнули, что Каримов, используя порочные методы руководства, насаждая неправильную кадровую политику, назначал на руководящие посты лиц не по деловым и профессиональным качествам, а исходя из соображений личной преданности, родственных отношений. И нередко — из корыстных побуждений.

Ропот недовольства не имел существенного значения, поскольку, повторяем, «бухарский эмир» надежно был прикрыт ташкентским начальством. Один из свидетелей заметил (цитируем обвинительное заключение): «...Летом 1983 года, когда Осетров уже являлся вторым секретарем ЦК КП Узбекистана и приехал для участия в работе сессии областного Совета, по области много шло разговоров в отношении Каримова, поскольку целый ряд его взяткодателей был арестован... Осетров приехал восстановить «доброе имя» Каримова и с этой целью подготавливал общественное мнение в его пользу. У Каримова с Осетровым были очень тесные и дружеские отношения... Мы с Осетровым погуляли по аллее. Он мне сказал, чтобы я также выступил на сессии в защиту Каримова и при этом ориентировался на вы-

ступления секретарей райкомов партии, которые были уже подготовлены. В этот день я действительно выступил на сессии в защиту Каримова...».

Такое товарищеское радение объясняется вовсе не пресловутой цеховой солидарностью. В конце концов, видных (в известном смысле, конечно) партийцев уже сажали за взятки, невзирая на недобровольное сопение сверху. Все упирается в те самые конверты и газетные свертки с радужным содержимым. Тот, под которым зашатался было «бухарский трон» (извините, кресло), не без ностальгии вспоминал на своем процессе в Верховном Суде СССР о легкости и приятности установления «теплых» отношений:

«...Первый раз дал взятку Осетрову осенью 1982 года во время хлопкоуборочной кампании. Он тогда приезжал как уполномоченный ЦК по заготовке хлопка... В помещении «Красной дачи» (да, да, той самой, где тремя годами раньше пировал Чурбанов. — Т. Г., Е. Д.) вручил ему сверток с деньгами в сумме 5000 рублей. Хотел заручиться в дальнейшем поддержкой Осетрова, зная его влияние и в Ташкенте, и в Москве. Он поблагодарил меня и деньги взял. Второй случай произошел в Ташкенте, когда Осетров уже стал вторым секретарем ЦК компартии Узбекистана. Я приехал на пленум ЦК. У меня с собой были деньги, завернутые в бумагу... Я зашел в кабинет к Осетрову в здании ЦК и поздравил его... От него зависело много вопросов экономики области. Поэтому я был заинтересован в его покровительстве и поддержке, и по всем этим причинам давал ему взятки».

Да, Каримов был уверен: его «прикроют». Равно как и опекаемый им. Музаффаров не сомневался — «эмир» не даст в обиду, нажмет нужные рычаги. И жали на рычаги, давили на педали торможения, делали все, что могли. Однако механизм за барахлил. Так должно было случиться. Иначе настал бы конец не мздоимцам, а всему нашему обществу. Неспроста Дюма-сын говаривал: «Деньги — хороший слуга, но плохой хозяин». Купюры властвуют лишь над душами музаффаровых.

Суровый начальник ОБХСС держал в кулаке, прочном и отовсюду зримом, словно знаменитый бухарский минарет Кальян, если уж не весь город, то добрую его половину. Это подтверждают, например, работники одной из столовых:

«Когда Музаффаров стал начальником, он регулярно приходил в кафе, ругался, что мы плохо работаем. Именно в тот период Ширинов (шеф-повар) заявил, что Музаффаров требует денег, поэтому мы должны обчитать клиентов на 3—5 копеек. Мы все знали, что Музаффарову нетрудно посадить человека за решетку..., поэтому были вынуждены заниматься обчетом

клиентов. Полученные таким образом суммы — до 10—12 руб. ежедневно — мы передавали Ширинову, который вручал их Музаффарову».

Вот так вот, опять же — большое из малого. Чужая копейка чей-то рубль бережет.

Справедливости ради заметим, что начальник столь ответственного подразделения милиции не только «снял пенки», паразитируя «на торговле», но и «делал доброе дело». Вернее — дела. Не забесплатно, разумеется. На чем и погорел.

Некая Т. Адиева (эта женщина для взяточника-милиционера оказалась роковой!) так отзывается об исключительной отзывчивости покладистого мздоимца:

«Приехав в Бухару 26 апреля 1983 г., я пришла на прием к Музаффарову и изложила просьбу своего знакомого Ишанходжаева о досрочном освобождении Малкина. Музаффаров пообещал помочь, но потребовал за это 1000 руб. ...».

Как оказалось, глагол «требовать» явно режет слух человека, чьим профессиональным долгом была борьба с хищениями социалистической собственности. Столь деликатная миссия, в его представлении, совершенно несовместима с требовательностью. Тонкая штучка! Это мы к тому, что свирепый Ахат излагает обстоятельства свиданий с Адиевой столь застенчиво, словно они поменялись полами. Требовательная и по-мужски настойчивая дама. И робкий, доверчивый, как юная школьница, страж закона. Однако эта идиллия была разрушена сотрудниками КГБ.

Слово «виновнику торжества»:

«...На приеме Адиева изложила просьбу, суть которой сводилась к тому, чтобы осужденного Малкина, отбывающего срок наказания в Бухаре, отпустить на праздничные дни домой в Ташкент и содействовать его условно-досрочному освобождению. Решение данного вопроса не входит в мою компетенцию, но я пообещал... С этой целью я передал просьбу Адиевой начальнику 5-го отдела Ачилову, который выяснил, за что Малкин осужден. 27 апреля во второй половине дня Адиева, видимо желая достичь положительного результата, передала мне взятку. Произошло это так: Адиева, увидев, что я вышел из кабинета и иду по коридору, подошла ко мне, поблагодарила за помощь и внимательное к ней отношение, и тут же, в коридоре, передала мне газетный сверток. Я понял, что в свертке находятся деньги... и положил его во внутренний карман пиджака... Я не ставил перед ней требования о даче мне взятки».

Ну, а теперь об акте втором, в котором Музаффаров — главное действующее лицо — не участвовал.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ АДНЕВОЙ: «... Меня возмутило, что такой ответственный работник милиции, как Музаффаров, за незначительную услугу вымогает взятку, и, чтобы пресечь его преступную деятельность, я обратилась в органы КГБ. В связи с этим работники произвели осмотр денег, которые подлежали передаче Музаффарову, затем завернули их в лист газеты «Правда Востока» № 98 от 23 апреля 1983 г. и возвратили мне деньги для вручения Музаффарову и поимки его с личным. 27 апреля я позвонила Музаффарову по телефону, который он мне дал (недаром, значит, поговаривают, что ни в коем случае нельзя знакомиться с энергичными женщинами и оставлять им свои координаты — до беды недалеко. Впрочем, как рассказал Ахат, у него на Адиеву были вполне определенные планы, он даже устроил ее в удобный гостиничный номер. — Т. Г., Е. Д.), и в 16 часов пришла в УВД. Когда Музаффаров вышел из кабинета в коридор, я поблагодарила его... Вместе мы вышли во двор, попрощались, и он уехал на машине».

Его «Волга», ведомая верным Садулло, вырулила на повесенному нарядные улицы Бухары. Что произошло по дороге в Ромитан — уже известно.

После ареста Ахат смекнул — история принимает серьезный оборот. Впрочем, духом не пал. Просто мобилизовался. И приготовился к обстоятельному, но недолгому и выигрышному (в этом он не сомневался) сражению со смельчаками, посягнувшими на его многочисленные привилегии. Среди которых, и в этом он тоже был уверен, — прерогатива обирать всех тех, у кого есть доступ к деньгам... Моральные качества жертв в расчет не принимались. Раз есть возможность воровать, значит, воруют. Если есть где утащить — непременно утащат.

А как же иначе? Бери, что плохо лежит. А то, что лежит плохо — тяни силой. Если не тянется, стало быть, силенок не хватает. Что касается принципа «брать-давать», то в его безграничности музаффаровы ничуть не сомневаются.

Уж в чем-чем, но в этом пункте они солидарны с мнением матерой проститутки из популярного документального фильма: «Я редко встречала людей, которые не берут. Берут все. Зависит от суммы».

Однако ночная охотница подкупала швейцаров и режимников для высвобождения поля деятельности, а ретивый поборник «борьбы с хищениями» превратил «взяткобратство» в свое ремесло. За тем и пришел в органы, как выяснилось. «Не место красит человека...». Место человека обогащает. Если, конечно, это — доходное место. Такое, какое было у начальника Бухарского ОБХСС.

И, кстати, Ахат оказался прав вот в чем. Его «обидчикам» досталось, в конце концов. Есть все основания предполагать, что тогдашнее руководство республики отыгралось на руководстве республиканского КГБ именно из-за этой истории, послужившей толчком к раскрутке крупнейшего дела о коррупции. И председатель, и зампред КГБ Узбекистана были вскоре отстранены от должностей Рашидовым. Но они все же успели перекинуть дело в Москву, в Прокуратуру СССР.

Остановить следствие стало невозможно.

Глава 11

ВРЕМЯ НАЗВАТЬ ИМЕНА

Пользуясь модной ныне терминологией, Каримов — продукт застоя. Те, кто был заинтересован ограничить расследование преступлений мафии одной лишь Бухарой, озабоченно причитали об «отдельных негативных явлениях» и пытались выставить разоблаченного первого секретаря обкома партии этакой «белой вороной». Точнее, зловеще-черной овцой. Всего лишь одной в стаде невинных, словно только появившихся на свет ягнят — добросовестных коллег и соратников Абдувахида Каримова, знать ничего не знавших и ведать не ведавших. Но, увы, как показало следствие, Каримов и его карьера довольно-таки типичны. И где-то даже обыденны. Все это — неременный атрибут жизни той поры.

Сейчас нечистые на руку руководители сетуют, что просто-таки были вынуждены «брать», поскольку сами «давали» наверх. Всех, как говорится, собак вешают на покойного Рашидова. А он, будь жив, наверное кивнул бы на своего московского шефа. Алимбай Примов, бывший первый секретарь одного из РК КП Узбекистана, вспоминает, что бывший генсек просил своего любимца Рашидова: «Округли, Шарафчик, до шести миллионов...», когда тот привычно ликующе рапортовал о совершенно нереальном обязательстве дать свыше пяти миллионов тонн «белого золота». И в ответ сиятельный «борец за мир во всем мире» услышал от своего приятеля-соратника (по партии, по Союзу писателей, по протекционизму, по парадному бахвальству...) бодрое и заведомо неискреннее: «Есть, Леонид Ильич!».

Ну, а сам генсек, страстный коллекционер заморских лимузинов, любитель наградных процедур, добродушный рыцарь сладкой лжи, он-то кого обманывал? Неужели он также, как его улыбчивый протеже Рашидов, шептал на ухо очередному награждаемому Звездой Героя Социалистического труда: даром, мол, такое не дают? И получал потом причитающийся куш? Неужели?

В одной из телевизионных передач («Пятое колесо», Ленинградское ТВ) рассказывалось о корыстных привычках Брежнева. Подчеркивалось, что подарки стоимостью в десятки тысяч рублей нельзя рассматривать как всего лишь памятные сувениры. А когда главе государства преподносят его собственный бюст из золота 9999 пробы высотой почти в четверть метра? И преподносят подчиненные, нижестоящие на иерархической лестнице незыблемой номенклатуры? Это уже, даже пытаясь абстрагироваться от Уголовного кодекса, все равно парадно обставленная взятка.

Разве сам принимающий сувениры вроде платинового чернильного прибора не отдает себе отчета в этом? Или сказать «нет» сложнее, чем руководить страной и заматывая праздничные доклады?

Горе-лидер мог бы ответить на многие вопросы... Но никто не решался задать ему их. Будучи больным и немощным, он все же крепко держался за власть, за право наказывать. Задай такие вопросы вовремя — выяснилось бы, что система сложилась именно сверху, что тут ли не все, в том числе и фактический глава государства, суть звенья одной замысловатой цепи. Не в том смысле, что абсолютно все принимали участие во взяткодательстве, а в том, что были, используя сталинскую терминологию, винтиками одного механизма, одной из функций которого было и самосмазывание бесполезных, в общем-то, деталей.

«Здесь нет негодяев в кабинетах из кожи, здесь первые на последних похожи, и не меньше последних устали, быть может, быть скованными одной целью».

Примечательна в этом плане одна из политических зарисовок известного советского публициста Ф. Бурлацкого:

«...Один из инфантов Брежнева рассказывал о таком разговоре, который произошел на даче в Завидове, где готовилась очередная речь. Кто-то сказал Брежневу о том, как трудно живет низкооплачиваемым людям. А тот ответил: «Вы не знаете жизни. Никто не живет на зарплату. Помню, в молодости, в период учебы в техникуме, мы подрабатывали разгрузкой вагонов. И как делали? А три мешка или ящика туда — один себе. Так все и живут в стране». Да, верно говорится: рыба гниет с головы. Брежнев считал нормальным и теневую экономику, и грабительство в сфере услуг, и взятки чиновников. Это стало едва-ли не всеобщей нормой жизни...».

Все дело в том, что грозная и могучая Система устанавли-

вала свой неприхотливый ценз, явственный ценз продажности для тех, кто жаждал «посвящения в сытый сан».

Режим нуждался в социальной базе чиновничества и поэтому отбирал (совершенно автоматически!) тех, чьи моральные устои уже основательно деформированы, чье сознание легко расслаивается на внешнее, управляемое фанфарными передовицами газет, и потайное, поддающееся манипуляции Всесильным Рублем.

Бесконтрольность партийного руководства постепенно выродилась в поразительную меркантильность. И в одельных регионах это было помножено на местничество и ложно толкуемые «традиции». Именно традициями прикрывалось мздоимство. Именно о традициях поминал Каримов, вручая Чурбанову аккуратные пачки крупных купюр во время столь памятного обоим ужина на «Красной даче».

Кисловатое словечко «система» — ключ к отгадке непонятного (на первом этапе, конечно) раздражения по поводу «зарвавшегося и потерявшего ориентиры» следствия. Следствия, которому пришлось не только распутывать замысловатые связи зажавшегося протекционизма и упорядоченного взяточничества, но и отчаянно воевать уже со столичной мафией, прикрывающей «младших собратьев» республиканского калибра.

Согласование с руководством тех или иных действий отнимало иногда больше сил и времени, чем их подготовка и осуществление. Приходилось с нервотрепкой преодолевать и демонстративное сопротивление местных судов, устроивших потрясающую проволочку в рассмотрении ряда «ненужных» им дел. Были настойчиво опротестованы десятки незаконных оправдательных приговоров и вышестоящие суды удовлетворили протесты прокуроров.

Мафия остается мафией, какими бы лозунгами она ни прикрывалась, какой бы участок деятельности ни выбирала. В Казахстане, например, в значительном количестве имеется традиционно «неучтенный» скот, и именно из этой отрасли, сжимая свое упругое, как анаконда, калыцо, выжимала миллионы повязанная круговой порукой свора вельможных воров. Узбекистан специализировался на таком дорогом сырье, как хлопок, отсюда и миллионные масштабы.

Но, независимо от размеров взяток, за пределами деятельности правоохранительных органов чаще всего, увы, остаются причины социального характера, коррумпирование высшего эшелона власти есть производная сложившейся структуры хозяйствования, той обстановки, когда личный и общественный карман безбожно путаются. К сожалению, правоохранительная триада — милиция, прокуратура, суд — позднолато взялась

(раньше — не позволяли!) за расчистку авгиевых конюшен коррупции.

И пусть никто не знал о подлинном размахе Всеобщей Кражи, но о «путанице карманов» знали все, и наверняка. Достаточно вспомнить реплику киношного шофера своему недалекому патрону: «Не надо путать государственную шерсть с собственной», и искренне-приказно-гневною реакцию важного оппонента: «Я и поставлен на этот пост, чтобы блюсти интересы государства!» из стародавней кинокомедии «Кавказская пленница». Кое-кто не просто знал и догадывался, но и пробовал протестовать. Однако личное мужество не могло в то время сложиться в более-менее реальную силу, способную оказать сопротивление. На смельчаков навешивали соответствующие ярлыки. В ходу, в ходу у нас ярлыки, прав Булат Окуджава.

Ах, как и ныне хотелось бы кое-кому представить все вскрытое своего рода извращением, аномалией «застоя!». Но этот пресловутый период его соиздатели называли, как мы помним, отнюдь не застойным. Нет, для обозначения тех разгульных лет пользовались словосочетанием «эпоха развитого социализма». Эта грустная эпоха отмечена вращением уголовного начала в государственную практику. Ведь, казалось, — некого стесняться. «Скованные одной цепью»...

Ныне не секрет, что социализм едва ли не с самого начала строили неверно, точнее строили не то, о чем говорили.

И то, что сложилась каста казнокрадов, и то, что она по своему понимала свое развитие и «развитой социализм», закономерно.

Разве служит оправданием взяточника-секретаря райкома (обкома, республиканского ЦК) то, что у него, дескать, самого вымогал секретарь обкома (соответственно: ЦК республики, куратор из ЦК КПСС)? В конце-концов, махни рукой на такую карьеру и уйди! Хотя... это, оказывается, тоже не просто. Законы мафии. «Назвался груздем», так и сиди. Однофамилец «нового бухарского эмира», тоже, кстати, первый секретарь обкома партии, Абдухалик Каримов вспоминал на страницах «Правды», что жить под слудом страха и взаимонеприязни было не просто, а для того, чтобы — выражаясь уголовным жаргоном — «сорвать ногти» (в данном случае, уйти тихонько в тень, на пенсию), тоже пришлось «смазать» руководство. Пост занимаешь — плати, уходишь — опять плати...

И все же: человек в большей степени хозяин своей судьбы, чем хочется представить тем, кто, сменив обшитые дубовыми панелями кабинеты на каменные камеры следственных изоляторов, горько сетует на «невозможность хозяйствовать по-другому». Просто им неведомо искусство высвобождения от рабской

зависимости. По капле, как учил Чехов, выдавливать из себя раба — не умеют. Нет, нет, лукавят проворовавшиеся казнокрады, когда убеждают следователей: брали взятки для пользы дела, потому что иначе-де невозможно получить то, пробить это. Ведь хрестоматийный пример, когда сидящий в самом конце садового стола генерал передал кубик льда расположившемуся во главе застолья государю, и в руки самодержца попал лишь крохотный холодный осколочек, зато руки всех сидящих рядом вельмож увлажнились, убедительно доказывает: мзду передающий в накладе не остается. К перстам Абдувахиды Каримова, подкармливавшего «верхушку», пристали миллионы. Кто-то брал наглее. Кто-то брал меньше. Кто-то уходил в тень. «Лица необщим выраженьем» Каримов не отличался от своих коллег. Давал. Если и работал «во имя светлого будущего», то лишь ради своих десяти детей.

Глава 12

ПРАВИЛА ИГРЫ

«Благодаря личным отрицательным качествам А. Каримова, который осуществлял свое руководство диктаторскими методами, не считаясь с мнением окружающих, стало возможным то, что как он, так и мы, руководители областного звена, встали на путь совершения преступлений и погрязли во взяточничестве... Не только я лично давал Каримову взятки, но ему вынуждены были давать и мои подчиненные»... — так негодуяще напишет о своем ненасытном «благодетеле» уже упоминавшийся председатель облпотребсоюза Мирзабаев. Правда, уже после ареста бывшего первого коммуниста области. Неприкасаемого. Подававшего пример, порой очень жестокий, своим подопечным.

Сам же «эмир», само собой, кивает наверх. «Даже фондовые товары и ресурсы невозможно было получить в полном объеме и в срок без дачи взяток. Я в Бухаре понял: не будешь делать как все, не будешь угождать, — не будет никакого толку. Против отлаженной СИСТЕМЫ выступить было невозможно. Я был вынужден принять ее, в нее вписаться, стать ее частицей. Жаловаться было некому, потому что все получали взятки в различном виде, сами являлись руководителями партийных и советских органов, министерств...» Удивительно то, что все эти полупризнания словно привычно-барабанной дробью завершаются пламенными заверениями о «делании общего дела».

Материалами следствия установлено, что Каримов, искусно создавая подходящие условия для регулярного получения

взятку, под удобным предлогом «бескомпромиссной» критики, нередко придирались к тем, кого считал своими вассалами — руководителям областного и районного звеньев. Преподносил незначительные и порой независящие от них недостатки как серьезные нарушения, шумно высказывал решительное намерение уволить их с занимаемых должностей, а иногда, не мудрствуя лукаво, прямо давал понять, что для того, чтобы заслужить его поддержку, надо давать...

Ну, а тем, кто не скупился на подношения, была обеспечена всевозможная поддержка. Он содействовал назначению и избранию на руководящие должности, оставлению в прежней должности, положительному решению производственных вопросов. Были в этом списке «услуг» и более серьезные пункты: принятие мер за допущенные нарушения в работе и даже сокрытие совершенных преступлений. В показаниях свидетелей словосочетание «решил дать» всегда сопряжено с той или иной милостью «эмира».

Директор совхоза «50 лет Октября»: «Я решил дать взятку Каримову с тем, чтобы не взяли вместо меня на должность директора другого человека».

Директор Каракульского хлопкоочистительного завода: «20 тысяч рублей я дал Каримову в качестве взятки за то, чтобы он перевел меня на другую работу, так как работать директором я уже не хотел» (он стал инструктором отдела обкома партии, то есть придворным «эмира»).

Первый секретарь Каганского РК КП Узбекистана: «Я решил дать взятку Каримову потому, что хотел остаться первым секретарем».

Бывший председатель Бухарского облисполкома: «Примерно через год работы я ощутил холодок в отношении ко мне Каримова... Я искал пути сближения с Каримовым и видел путь улучшения отношений через дачу взятки».

Глава 13

ВЗЯТКА КАК ТАКОВАЯ

В следгруппе есть тщательно разработанная и заботливо выписанная следователем А. И. Карташяном на гигантской бумажной простыне. «Схема системы взяток» (с грифом «Составлено только для разумных людей»). Среди всего прочего — развернутый перечень взяточных мотивов, среди которых встречаются и общеизвестные, например, «за прием на работу». Есть более затейливые: «за распределение сверхфондовых материалов, ресурсов, средств, а также за их получение и доставку на место».

Или сугубо сельскохозяйственные: «за исключение из плана севооборота земель» (потом на этих землях все же сеяли, а урожаем присваивали. — Т. Г., Е. Д.).

Мотивы взяточничества, которые можно назвать бытовыми: «за приобретение дефицитных товаров, дач, гаражей, путевок в загранпутешествие».

И тут же совсем невообразимый для нормального человека: «за оказание своевременной медицинской помощи».

Далее — родительский, условно говоря, раздел: «за поступление в вуз», «освобождение от срочной военной службы» и т. п.

Затем целый список, начинающийся вкрадчивыми словами: «за получение — ...вышей правительственной награды, ...звания лауреата госпремии, ...звания заслуженного артиста, врача, ...фиктивных документов, справок, дипломов, ...призовых мест в соцсоревновании»

Словом, хочешь что-либо получить, плати наличными.

Однако взятки предлагаются и за то, чтобы кое-чего не получить: «за отказ в возбуждении уголовного дела, сокрытие материалов ревизии, получение минимальных сроков наказания в суде, условно-досрочное освобождение из колонии, прекращение уголовного дела...». Махинации вокруг законодательных лазеек — одна из самых благодатных нив взяточничества, поскольку в отличие от обычного, урожай с этого взяточного поля собирается круглый год.

Очень характерный пример. В 1987 году следователи столичной прокуратуры разоблачили целую сеть (20 человек) взяточников-психиатров, ставивших ложные диагнозы, дававших профессиональные консультации по симуляции, госпитализировавших подследственных, устанавливающих группы инвалидности совершенно здоровым людям. Все делалось для того, чтобы вывести своих благодетелей (взятодателей) из поля зрения того или иного следствия. Ловкачи от медицины получали треть миллиона. В самом эпицентре этой «лечебной истории» оказался довольно известный специалист, доктор медицинских наук Заиров, работавший во Всесоюзном научном центре психического здоровья АМН СССР.

Короче, глубинные причины дачи-получения взяток бывают самыми различными. Также, как и суммы. Широкая амплитуда: от мятой трешки сноровистому работнику ГАИ до аккуратно упакованного в неприметный дипломат миллиона. Мы уже упоминали о первом секретаре одного из обкомов партии, пожелаем украсить свой вельможный пиджак Звездой Героя Соцтруда и не пожалевшем на это миллиона рублей. Впрочем, монументальные взятки подобного рода — редкость. Даже по делу такого высокопоставленного взяточника, как бывший министр

автотранспорта Казахской ССР Анатолий Караваев, набралось «всего» полтора миллиона (хотя, по мнению экспертов, в министерство, помимо казны, прошло 11,4 миллиона рублей. Но деньги растворились на разных этажах, как в притче о кусочке льда).

Все это так. Однако коррупция грозна не только своими вертикальными масштабами, но и значительным въедливым ростом по горизонтали: она втягивает в свою орбиту массу мелких пособников и исполнителей, которые потом зачастую оказываются теми злополучными «стрелочниками» которых разнокалиберные «вожди» приносят в жертву ради сохранения столь выгодной им системы вздоимства.

...Поэтому в палитре приемов есть самые разные краски. Хмурые, когда лживый и изворотливый босс слезливо твердит, что «он — самый бедный секретарь обкома» (это слова Каримова, кстати). Тогда составитель чудо-схемы следователь Альберт Карташян сердито разворачивает бумажную скатерть и пальцем указывает на стандартный «Список объяснений», со словами:

— Это уже было.

И действительно. Человеку дается возможность воочию убедиться, что он повторяет то, что сотни раз говорили его предшественники. И то, что говорится сразу после ареста, и потом, этап за этапом: сходится слово в слово, будто подследственные разыгрывают скучную пьесу по единому сценарию. И с одним-единственным финалом. В зале суда.

Методика следствия эффективна. Многие, видя, что все их «домашние заготовки» уже расписаны едва ли не по часам, махнув рукой, перестают валять дурака и старательно выводят на листочках стыдливые списки спрятанных драгоценностей.

Карташян работает артистично.

— Вот, представьте себе молоток. Чем лучше забивать: рукой или железной пяткой? — грустно спрашивает и, кажется, вот-вот заснет тут же за столом, но услышав очевидный ответ, прямо-таки подскакивает. — Ну, конечно! Давайте и здесь так же рассуждать логично. Чем тюкаться вокруг да около, лучше сразу покончить с этой, нам обоим неприятной тягомотиной.

И хотя губы его по-прежнему сложены в недовольную скобочку, в глазах проскакивает веселая искра.

А иначе на этой работе, годами без отпусков, можно и не выдержать.

В Узбекистане такое антисоциальное явление, как «шараф-рацидовщина», вовлекло постепенно в порочный круг взяточничества огромные массы людей. Но может ли это оправдать их? Конечно, нет. Раскаяние сановников-взяточников является по закону лишь смягчающим вину обстоятельством. Велика их ответственность перед народом и государством.

Но... еще раз подчеркнем: есть и иная группа «преступников». Мы недаром взяли это слово в кавычки. Следствием установлено, что в организованные руководством Узбекистана и центра преступления было втянуто огромное количество трудящихся. Из них тысячи и тысячи уже осуждены к различным мерам наказания. В их числе — бригадиры, агрономы, председатели колхозов, директора совхозов и другие специалисты низшего звена управления, чьим трудом и знаниями выращивался хлопок. Справедливо ли это? Из многих взятки вымогались фактически насилем. Например, первый секретарь Гиждуванского райкома партии Салим Рахимов, ныне осужденный к исключительной мере наказания, заставлял своих подчиненных часами выстаивать в его кабинете с тяжестями на вытянутых вверх руках, принуждая несговорчивых вступить в бесчестную игру.

Вместо того, чтобы разобраться в первопричинах этих преступлений с феодальным душком, отличить матерых организаторов от бессловесных рядовых исполнителей и дифференцированно подойти к судьбе каждого человека, ставшего винтиком коррупционного механизма, формально-бюрократическая машина правоохранительных органов без особого разбора, с хрустом прошла по их судьбам. Мы не оправдываем этих несчастных, но нельзя же, действительно, так огульно привлекать к уголовной ответственности целые полки сломленных системой работяг? Кому это выгодно?

Во-первых — вдохновителям этих деяний, которые, оставаясь в уютной тени просторных кабинетов, с легкой душой пожертвовали «пешками» и тем самым не только сохранили свои сытые привилегии, но и получили очередную возможность ликующе отчитаться перед более высокими инстанциями о «бескомпромиссной войне с локальными негативными явлениями».

---

* В этом разделе, как ни в каком другом, содержится особенно много сугубо личных авторских оценок деятельности различных правоохранительных органов. Хотелось, чтобы читатель воспринял все сказанное не как «истину в последней инстанции», но с помощью авторов я сам поразмышляя о причинах происходящего (Ред.).

Во-вторых, определенного уровня правоохранительным органам, которые бойко отработали об активной борьбе с преступностью.

Теперь о тех, кого Уголовный кодекс называет «взяточдателями». Их тоже многие и многие тысячи. Особенность процессуального положения этих людей заключается в том, что если они добровольно сообщают о даче взятки, то по закону освобождаются от уголовной ответственности. Но и здесь нашлись заинтересованные лица, которые добивались и их привлечения по формальным признакам! Цель здесь одна — путем репрессий запугать «маленьких» людей и не дать им возможности разоблачить своих руководителей. Прокуратура Союза не пошла на поводу у этих лиц и приняла решение об освобождении от уголовной ответственности всех взяточдателей.

Драматические ситуации, вплоть до провокаций в суде, возникают тогда, когда противоборство следствия — с одной стороны, и мафии и их покровителей — с другой, достигают наивысшего накала. Одна из таких ситуаций сложилась в Узбекистане во второй половине 1985 года. Следствие стало, если воспользоваться словечком из лексики мафиози, «посягать» на руководителей республиканского уровня. В это же время в Верховный суд республики было направлено уголовное дело по обвинению во взяточничестве и хищениях директора горпроторга Кудратова и руководящих работников областного управления внутренних дел. По количеству предъявленных следствием доказательств дело, по мнению многих юристов, было уникальным. У подсудимых в процессе обысков изъяли наличных денег, золотых изделий, облигаций, имущества на общую сумму свыше шести миллионов. Сто семьдесят свидетелей прямо изобличали их в получении взяток и хищениях. Еще большее число свидетелей подтверждали эти обстоятельства косвенно. Кудратов упрямо все отрицал, но пятьдесят три взяточдателя твердили свое, и думалось, что обвинение его в получении взяток на сумму более двух миллионов рублей бесспорно доказано, тем более, что остальные пять подсудимых полностью признавали свою вину.

Материалы дела и составленное на их основе обвинительное заключение свидетельствовали о наличии организованной преступности, подрывали позиции консерваторов в их попытках представить происшедшее пресловутыми «отдельными негативными проявлениями». В это время перед мафией и их покровителями стояла задача — любым путем остановить следствие, скомпрометировать его, используя в этих целях также и судебный процесс. Рассчитанный на три месяца, он был растянут на десять. И в течение всего этого времени исследовались не столь-

ХРАНИТЕЛЬНИЦА КЛАДА В КАРАКАЛПАКИИ

СОКРОВИЩА УКРЫТЫЕ В ПОДВАЛЕ ДОМА В Г. УРГЕНЧЕ

◀ "ДИПЛОМАТ" ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ХОРЕЗМСКОГО ОБ
КОМА ПАРТИИ ХУДАЙБЕРГЕНОВА М. Х.

СЛЕДОВАТЕЛИ Т. ГДЛЯН, А. ИВАНОВ, Б. АБДУРАХМА-
НОВ, А. МОРОЗ ЗА ИЗЪЯТИЕМ "КЛАДА"

"МЕШОЧЕК" С ЗОЛОТОМ ПАРТИЙНОГО БОССА В КАРА-
КАЛПАКИИ

ДЕНЬГИ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ХОРЕЗМСКОГО ОБКОМА
ПАРТИИ ХУДАЙБЕРГЕНОВА М. Х.

СОКРОВИЩА НАКАПЛИВАЛИСЬ ЗА ИХ СЧЕТ

ОЧЕРЕДНОЕ ИЗЪЯТИЕ КЛАДА В УРГЕНЧЕ

ПОСУДА МЕСТНОЙ ЗНАТИ

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ЗОЛОТА "ЭМИРА"

ЗОЛОТО ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ БУХАРСКОГО ОБКОМА-
ПАРТИИ КАРИМОВА А. К.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ, НО ТЛЕЮТ

СЛЕДОВАТЕЛИ И КРИМИНАЛИСТЫ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ ПРОКУРАТУРЫ СССР ИЗЫМАЮТ ЗАМУРОВАННЫЙ В СТЕНУ "ДИПЛОМАТ" С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ ХУДАЙБЕРГЕНОВА

ЧАСТЬ НАКОПЛЕННОГО БОГАТСТВА ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ БУХАРСКОГО ОБКОМА ПАРТИИ КАРИМОВА А. К.

СБОР "ЗОЛОТОГО" УРОЖАЯ В САДУ "ХРАНИТЕЛЬНИЦЫ"

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ ПРОКУРАТУРЫ
СССР БОРОВ ИСЛАМ ИЗЫМАЕТ ЗОЛОТО У ОЧЕРЕДНОЙ
"ХРАНИТЕЛЬНИЦЫ"

ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ "НА ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ"

ВЫЛЕТ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ ПРОКУРАТУРЫ СССР
НА ОЧЕРЕДНУЮ ОПЕРАЦИЮ В КАРАКАЛПАКИЮ

В МИЛЛИОНОВ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ДВУМ ПАРТИЙНЫМ
БОССАМ (ДЕМОНСТРИРОВАЛИСЬ В "МРАМОРНОМ ЗА-
ЛЕ" ПРОКУРАТУРЫ СССР)

ко преступные факты деятельности подсудимых, сколько, так называемые «незаконные методы ведения следствия».

Но что делать, если пять подсудимых из числа бывших работников внутренних дел продолжают признавать свою вину, избобличают друг друга и, в основном, дают правдивые показания? И вот тогда их — по инициативе суда и прокурора! — сводят в одну камеру. Где они премило проводят многие месяцы.

А как ослабить свидетельскую базу следствия?

И вот, опять же по инициативе суда, прокурора, десятки работников милиции увольняются из органов МВД. Причем — накануне дачи ими показаний в судебном процессе. Авось, одумаются, следует ли говорить правду. При этом попирается презумпция невиновности этих лиц, уволенных до решения суда. Прочие свидетели многократно вызываются и делаются попытки повлиять на их позицию, сбить их с толку.

Ну, а как добиться, чтобы другие лица не способствовали расследованию, не избобличали своих руководителей во взятках, пользуясь предоставленной в этом случае законом возможностью освобождения от уголовной ответственности? Путь простой — запугать. Показать на примере, что (как в застойные годы) выгоднее лгать, чем говорить правду. И суд возбуждает уголовные дела в отношении взяткодателей. А чтобы количество таких лиц было внушительнее, по инициативе гособвинителя включает в число таких лиц и граждан уже осужденных за то же ранее. Прокуратура СССР, естественно, отреагировала на этот производ и прекратила все уголовные дела на взяткодателей. Однако цель была достигнута. Многих граждан, которые вынужденно давали взятки руководству, затравили. Они испуганно затаились, опасаясь рассказать всю правду. Об этом судебном процессе можно говорить много. Его окрестили «судом над признанием». Но тем не менее следствие остановить не удалось.

В те годы, которые ныне мы обозначаем как эпоху застоя, деятельность многих органов была зоной, закрытой для критики. Гласность пробила брешь в этой замшелой стене, дышать стало легче, многие проблемы стали обсуждаться открыто. Повысилась — и против этого ничего не возразишь, — требовательность к деятельности органов дознания, следствия и суда.

Но! Кадровый состав, средства и возможности этих органов остались прежними. То есть, с одной стороны, меньшая, наиболее активная часть аппарата стала проявлять достойное рвение в работе, а с другой стороны — огромная часть ленивого чиновничества старается по возможности остаться в уютной роли наблюдателей происходящего. К сожалению, не принимать никакого решения, не брать на себя и толику ответственности становится более выгодным, более безопасным. В результате на-

лицо криминальный криз: милиция снизила активность выявления и изобличения лиц, совершивших преступления, а прокуроры застенчиво стараются уклониться от дачи санкции на арест. Это не могло, конечно, не отразиться и на судах. Если подсудимый начинает в суде нахраписто оспаривать свою вину, вчистую отказываться от ранее данных показаний, то судьи не всегда находят в себе мужество для вынесения приговора. Стал модно отправлять дела на доследование. Не разбираться, что к чему, а просто: с глаз долой — из сердца вон.

Признает подсудимый свою вину — суд выносит приговор. А другой вдруг начинает ее оспаривать или отказываться от ранее данных признательных показаний. И вот уже картина усложняется. Судье, само собой, не хочется, чтобы его решение потом оспаривалось подсудимым, чтобы, не дай бог, отменялся или изменялся приговор. Ведь это означает брак в работе. Именно поэтому дела часто возвращают на доследование. Или гоняют из одного суда в другой. Или же, в интересах непризнающегося подсудимого, большую часть эпизодов обвинения, иногда даже сверхочевидных, исключают. Или назначается минимальная мера наказания. А это вовсе не тождественно гуманизации нашего правосудия. Несправедливость налицо. К сожалению, покорно и честно признающийся подсудимый «заслуживает» более суровое наказание, нежели хитрый упрямец. А действительно применяемое во всем цивилизованном мире требование учитывать чистосердечное признание и раскаяние в качестве смягчающего вину обстоятельства, все еще остается у нас лишь легковесной, как мыльный пузырь, декларацией. И скрыть это нельзя. Да и не надо скрывать изъяны правовой системы. Надо их исправлять.

Сегодня во всех судах страны, от Верховного Суда СССР до самого отдаленного районного суда, с удручающей частотой подсудимые отказываясь от ранее данных показаний, ссылаются на якобы «недозволенные методы следствия». Конечно, отдельных, позволим себе резкое слово, паршивцев можно найти и в партийных, и в советских органах, и среди дознавателей, следователей, прокуроров, судей. Но возможно ли, чтобы подавляющее большинство, подчеркиваем — подавляющее — следователей КГБ, МВД и прокуратуры умышленно, в ущерб себе, нарушали законность? Это абсурд.

А воспитательный эффект? Раскаяние становится слишком дорогим удовольствием в то время как нечестность, изворотливость становятся выгодной нормой поведения.

Мы уже поминали недобрым словом обиходные ярлыки. Здесь то же самое. Раз, мол, следовательно, — «наследник НКВД», стало быть в арсенале его целая палитра незаконных методов. Нельзя с водой выплескивать младенца.

Часть 2

**АНАТОМИЯ
КОРРУПЦИИ**

Расследование показало, что наиболее разлагающее воздействие, способствующее распространению взяточничества в таких больших масштабах, оказало то обстоятельство, что преступные группы возглавлялись руководителями районного, областного, республиканского и союзного рангов. Эти лица, став организаторами взяточничества, хищений и приписок, вовлекли в преступную деятельность подчиненных. Те, в свою очередь, поступали так же. И таким образом, каждое нижестоящее звено становилось «жертвой» своего руководства. Жертвой, но, одновременно, и совершенно незыблемой основой. Коррупция распространялась по «закону веера» сверху вниз. Недаром говорят — рыба гниет с головы. Брежневский стиль руководства не думать о завтрашнем дне воспринимался и другими. Каждое кресло легко оборачивалось удобным кирпичом в мощной пирамиде мздоимства, порой маскируемого под сердечную готовность к подаркам.

Другая причина — тотальная бесконтрольность. Установлено, что многие должностные лица на местах в течение ряда лет находились, по существу, вне всякой проверки со стороны вышестоящего руководства. И часто состояли друг с другом в преступной связи. Напомним замечание из Политического доклада на XXVII съезде партии: «Недостатки в республике появились не вдруг, они накапливались годами, из малых вырастали в большие. В Узбекистан не раз выезжали работники союзных органов, включая работников ЦК, которые не могли не замечать происходящего». Это справедливая оценка деятельности ответственных лиц из Центра, выезжавших с инспекционными целями в Узбекистан, нашла свое конкретное обоснование в следственных документах. Эти лица были не только хорошо осведомлены о происходящей деформации в социальной жизни республики. По возвращении в Москву после вкушенных прелестей «восточного гостеприимства», они восторженно делились с коллегами воспоминаниями о шикарных застольях. А ларчик открывался просто: отнюдь не все возвращались из Узбекистана с пустыми карманами. Это одна из составных трагедии республики.

Кроме того, внесли свою лепту в прославление «хлопковых побед» завуалированные мздоимцы из числа журналистов, регулярно наведывавшихся в солнечные края. Они были прекрасно осведомлены об истинном положении дел в разваливавшемся экономико-политическом механизме республики. Но предпочитали обильный плов и фруктовые посылки домой возможным неприятностям по работе. Поскольку, в общем-то, не верили, что

можно изменить Систему.

Третья, не менее важная подоплека, заключается в том, что немало весьма ответственных работников оставались фактически безнаказанными за совершенные ими опасные преступления. Вокруг них создавалась аура «неприкасаемости». Как видно из материалов дела, их криминальные деяния носили вызывающе открытый характер. Например распродажа должностей произошла чуть ли не как публичный торг. На высокие посты назначались те, кто больше платил. Меркантильные интересы, возобладавшие над государственными, привели к тому, что на руководящие посты за определенную мзду назначались некомпетентные безответственные и не заслуживающие доверия люди. Естественно, это привело к «засорению аппарата».

Четвертый фактор — круговая порука. С годами интересы многочисленных мздоимцев и казнокрадов сплелись в один клубок. Тяга к безграничной наживе — на этом порочном стремлении строились взаимоотношения. В том числе и служебные. Авторитет совершенно неприкрыто мерялся лишь накоплениями. Всячески поддерживая друг друга, эти люди взаимно прикрывали совершаемые преступления.

Чиновнику выгодно было быть нечестным. Ибо только в этом случае он мог рассчитывать на успех. Опасность для общества в том, что многие тревожные тенденции, выявленные в Узбекистане, характерны и для других регионов страны. Об этом надо думать сегодня, ибо потом будет поздно. Решать эту социальную проблему необходимо всем миром.

Было время, когда следователи, случайно или целеустремленно попавшие на минное поле взяточничества и протекционизма, оказывались перед незавидной альтернативой: «подорваться» или, напротив, включиться в эту игру, то есть стать среди «мафиози» своими. Честным людям угрожала унижительная опала.

Когда зам. начальника Сочинского ГУВД Александр Федорович Удалов «вышел» на тогдашнего секретаря горкома партии Мерзлого, к которому тянулись преступные нити, принципиального офицера милиции исключили из партии и выгнали с работы. И кто с уверенностью может утверждать, что история, подобная сочинской, не повторится? Ведь механизм мздоимств не затронут. Как начался, например, путь по дорожке коррупции бывшего сочинского мэра? С невинных продуктовых подношений, которые сначала безо всякого его ведома доставлялись к нему в кабинет услужливыми торговцами. И все это делалось не без ведома тогдашнего председателя парткомиссии Краснодарского крайкома партии Карнаухова (ныне осужден).

И все-таки «краснодарское» дело явилось одной из первых

ласточек. Недаром пострадал Удалов. Стали, наконец-то, привлекаться к уголовной ответственности погрязшие во взятках партийные и хозяйственные работники высокого ранга.

Однако к тому времени коррупция в обществе уже достигла расцвета. И оказалось невозможным доводить расследуемые дела до завершения. Брежневско-сусловское окружение не несло, естественно, никакого наказания. А правосудию чиновники преподали несправедный урок типа: «перед законом не все равны». За честное исполнение своего служебного долга заместителя Генерального прокурора СССР по следствию Виктора Васильевича Найденова сняли с этого поста. И начали травлю. «Поучительная» история облетела самые отдаленные райпрокуратуры. У многих честных работников правоохранительных органов опустились руки. Приспособленцы же сделали для себя соответствующие выводы: ложь утвердилась как норма, а проявление элементарной порядочности расценивается как нечто подозрительное.

Брежневские приспешники одаривали своего патрона ювелирными побрякушками, вместе с ним коллекционировали охотничьи ружья, музейный антиквариат, «мерседесы» и «ролс-ройсы», а ленинские принципы неотвратимости наказания и равенства граждан перед законом, независимости занимаемого в обществе должностного положения, рангов и приобретенных регалий, превращались в нечто столь же дымное, как фишмам, воскуриваемый очередному вождю. Выборочное применение законов к виновным подрывало авторитет правоохранительных органов в глазах народа и дискредитировало идею социальной справедливости. С годами сбетонировалась каста «неприкасаемых» руководящих работников, для которых суровые правовые требования стали просто игрушкой. Поэтому тогда было не до дел о коррупции. Не по зубам...

Ныне под флагом «борьбы за правовое социалистическое государство», ругая «настырную прессу», якобы тенденциозно настроенную в отношении органов внутренних дел, партийными кругами созданы условия, когда милиция, вынужденно притормозила работу по выявлению многих преступлений. Да и прокуратура под разными предлогами все чаще отказывает в даче санкции на арест (а разве лучше бытовавшая во времена чурбановско-щелоковского двоевластия практика арестовывать всех подряд, без разбора?). Суды же, повторимся, нередко перестают давать принципиальную оценку собранным по делу доказательствам и (страховочные мотивы?) возвращают дела на бесконечные доследования. Увы, это отнюдь не «совершенствование деятельности правоохранительных органов». Если называть ве-

щи своими именами — фактически это саботаж. Порой неосознанный. Но со временем эта тенденция может превратиться в негласное правило, и тогда нас захлестнет небывалая волна преступности. Сегодняшняя инертность чиновников от Закона — своего рода мина под перестройку. Не лучше ли уже сейчас, без перегибов и шараханий, имевших место в прошлом, создать в стране надежный правовой механизм? Чтобы потом не «открывать Америк»!

Глава 15

ТОЛЬКО ЛИ ВОЛНА ?

Пора создать эффективную систему противоборства с мафией, потому что усилия энтузиастов-одиночек не могут служить гарантией того, что коррупция не совершит новый виток параллельно со спиралью общественного развития. Криминалист спецгруппы Прокуратуры СССР по борьбе с коррупцией Всеволод Бобров, анализируя многочисленные случаи, когда преемники арестованных взяточников «продолжали брать», однажды невесело заметил:

— Такое впечатление, что наша группа как корабль, поднимает волну. Шумную волну. Но мы уходим, верхний слой воды, разумеется, меняется, пена уходит ко дну, а глубинные процессы от нашей, юристов, работы не зависят.

Действительно, не только председатели колхозов и директора фабрик, но даже секретари республиканского ЦК, смена за сменой, оказываются под следствием. Коррупция всепроникающая и неприметна. Как радиация — без запаха и цвета. Она разрушает мораль, и нечего удивляться, что все, что осталось у нас от доверия — телефон... Группа, бьющаяся с мафией уже шесть лет, ходит словно по заколдованному кругу, возвращаясь спустя некоторое время по старым адресам. Так, быть может, настало время менять механизм хозяйствования? Ведь всех не пересажать.

Один из журналистов летел как-то по местной авиалинии. Сосед, колхозный шофер, направлялся в столицу республики на предмет получения нового грузовика для родного хозяйства. И все вздыхал:

— Хорошо, если начальник скажет: «Зайдите во вторник», а вдруг объявит: «В пятницу?».

Репортер никак не мог взять в толк, почему он так сетует по поводу дня недели, покуда ему следователи, о которых он писал, не разъяснили, что «зайти во вторник» означает «дать две», а «в пятницу» — соответственно «выложить пять».

И имеет ли значение — сотен или тысяч? Самое печальное, наверное, в том, что вот такие простые труженики не испы-

тывают кровной, стопроцентной заинтересованности в искоренении мздоимства. Потому что, приобретя за взятку машину для колхоза, этот водитель сможет безнаказанно (а как же — «уплочено»!) калымить за рулем. Круговорот всеобщей купли-продажи. Он затягивает. А корабль плывет...

Люди должны быть убеждены, что если применен закон, то применен справедливо. Близкие и родственники обвиняемых по хлопковому делу толпами шли, окружали райкомы, обкомы и доказывали, что они ведь вынуждены были «брать-давать». Они не выгораживали своих. Однако говорили: «Товарищи, почему же в то время, как наши сидят в тюрьмах, эти организаторы, эти преступники, кто вовлекал их в это, сидят в своих креслах, руководят районами, областями, республикой»? Это происходило в течение нескольких лет. И никто не мог толком ответить.

Потому-то и выступают следователи группы на страницах республиканской и центральной печати. Важно расшевелить народ, доказать, что эпоха производства и беззакония сгинула. Ведь очень нелегко работать с людьми темными, забытыми, и в этой своей забитости — упрямыми до крайности. Трудно находить аргументы.

Старший следователь Октябрьской райпрокуратуры города Фрунзе Ислам Боров, работавший бок о бок со следователем Альбертом Карташяном в Узбекистане, рассказал о таком вот диалоге во время допроса одного из своих «подопечных»:

— Каким должен быть коммунист, как вы считаете?

— Любой советский гражданин, работающий в учреждении и посещающий собрания, а также вовремя сдающий партийные взносы. Вот этот человек будет коммунист.

— А скажите пожалуйста, коммунист должен быть честным?

— Должен быть честным.

— Хорошо, перейдем к существу дела. Значит, вы категорически заявляете, что не являетесь хранителем миллионов?

— Нет.

Тем не менее, этот самый подследственный, отец десяти детей, с более чем тридцатилетним партстажем, оказался подпольным миллионером. Привычка все покупать и торговать настоена на лживой двойственной морали, и не стоит кивать на средневековое прошлое, объясняя подоплеку коррупции. Она, эта первопричина — в совсем недавнем прошлом, которое настолько близко ко дню сегодняшнему, что откреститься от него, как от чего-то чуждого, «последнего пережитка капитализма» или «сугубо местной, национальной реалии», мы не имеем права.

Цитируем газетное выступление Председателя Верховного Совета УзССР Расула Гуламова: «Вот не стало Рашидова, а

«рашидовщина» в нашей республике продолжает процветать, несмотря на огромные усилия центральных органов по искоренению этого явления. В чем дело? Чтобы не допустить раскрытия позорных преступлений, в которых они были замешаны, люди из ближайшего окружения Рашидова под руководством в последствии арестованного бывшего второго секретаря Осетрова разделили между собой посты в руководстве и на протяжении нескольких лет продолжали изо всех сил сопротивляться мерам по наведению в республике порядка, а затем и противодействовать перестройке. По делам многих из них сейчас ведется следствие. В чем же причина продолжения застоя в нашей республике и после апрельского Пленума? Убежден: в отсутствии демократических принципов в жизни партийной организации. Не случайно, что только по настоянию и под руководством ЦК КПСС были вскрыты серьезнейшие нарушения, преступления в хозяйственном, партийном, правоохранительном аппарате республики. Выяснилось также: бывших руководителей, освобожденных от высоких постов по инициативе ЦК КПСС за злоупотребления, не торопились привлекать к партийной ответственности, их оставляли членами партии, перемещая на другие посты, они пользовались всеми льготами и привилегиями вплоть до дня ареста. Не было и партийного разбирательства их преступлений.

Полувековой опыт коммуниста укрепил мою уверенность в том, что люди, в годы застоя проявившие беспринципность, угодничество, нечистоплотность, не смогут поправить сложившиеся тяжелое положение. Они воспринимают перестройку лишь как очередную смену руководства, к которому надо подстроиться, чтобы затем «приспособить» его для собственных целей. Перестройка неосуществима без коренной демократизации внутрипартийной жизни».

Прав Расул Гуламович. Самое страшное то, что мафия возглавляется людьми, занимающими высокие посты в руководстве. Но повторим: то, что еще более высокие должностные лица занимались вымогательством взяток, не может быть даже полуоправданием. Это безапелляционно прокомментировал следователь Николай Иванов:

— Нормы права и морали, а тем более партийные требования, не предполагают освобождения от ответственности за поступки, если кто-то находился под чьим-то «гипнозом». Не мудрствуя лукаво, надо прямо сказать, что у сподвижников высокопоставленного «пророка» не хватило гражданского мужества честно рассказать обо всем, что они натворили вместе с Рашидовым. В известной мере поведение бывшего Председателя Совета Министров республики выгодно отличается от гробового мол-

чания других руководителей республики. Он, еще находясь на свободе, дал правдивые показания в Прокуратуре Союза и в Верховном Суде страны об имевших место массовых приписках хлопка. Более того, он заявил, что сотни тысяч тонн хлопка были приписаны и после смерти главного виновника, уже во времена правления Усманходжаева. По существу дал ответ на вопрос, кто под чьим «гипнозом» находился. Люди, десятилетиями привыкшие к лицемерию, видимо, не смогли вовремя переориентироваться, а потому, двигаясь по инерции во времени и пространстве, продолжали изоощряться в социальной демагогии по прежним трафаретам.

Работа с кадрами (3)

Стремясь полностью подчинить — а как же, «эмир»! — своим интересам деятельность хозяйственных, торговых и административных органов, Каримов, используя свое бесспорное влияние на расстановку и подбор кадров, выдвигал на ответственные посты угодных и лично ему преданных людей. Как правило, не имеющих опыта руководящей работы и, следовательно, нуждающихся в поддержке и покровительстве властителя.

Кадровая чехарда... Не правда ли, испытанный приемчик? Мы знаем, кем он многие годы с успехом практиковался для достижения собственного благополучия. Такие функционеры сталинской породы едва не превратили державу в раскисшую страну дилетантов. Людей способных выбрасывали безжалостно, не взирая на высокие профессиональные качества, коль скоро они не умели или не желали кланяться в пояс. Гвоздили со сладострастием палача.

Стоит ли после этого удивляться шумной и одобрительной реакции публики на «крамольный» фрагмент выступления известного сатирика: у нас, мол, кто имеет математические способности — идут в инженеры, кто тяготеет к живописи, театру или литературе — подаются в искусство, кто одарен физическими способностями — занимаются спортом, ну а те, кто ни к чему не способен — идут в руководители. Их «гимном» стали строки Галича: «Мы не пашем, не сеем, не строим, мы гордимся общественным строем».

Каримов, бесспорно, по-своему одарен. «Нагордиться» он сумел на сумму личных сбережений, достигающую шести миллионов. Просто трудно удержаться от ерничества, уж больно циничен был сам «эмир».

Рассказывая о взятках, переданных Каримову, натерпевший-

ся от него Мирзабаев указывал, что помимо «ежеквартальных» и «отпускных» он на протяжении многих лет по требованию «первого» вынужден был давать ему ежегодно взятки якобы в связи с приездом в Бухару различных именитых гостей.

«Перед приездом в Бухару высоких гостей из ЦК КП Узбекистана и из Москвы передавал ему в качестве взятки крупные суммы — в среднем по 15000 руб. каждый год... Примерно в середине июля 1980 г. Каримов сказал, что у него есть дети, что к нему приезжают разные люди, в том числе и артисты, поэтому нужно, чтобы у него было пианино. Просил он немецкий инструмент».

— Главное, — наставлял его, словно приказчика, Каримов, — чтобы оно было красивое.

Потом «эмир» затребовал импортный магнитофон. Где-то в ноябре 1982 г. на торговую базу поступил японский «Шарп-777», известный в среде спекулянтов как «Три семерки». Через водителя своей служебной машины шеф потребкооперации отправил заморскую диковинку Каримову. С базы магнитофон выписали на Шафирканское райпо с бестоварной фактурой. Когда угодивший вкусу «эмира» Мирзабаев встретил после этого Каримова, тот важно обронил, что «магнитофон хороший».

Без особого восторга вспоминает Мирзабаев юбилей Абдувахида. Зная, что Каримову в 1982 году исполняется 50 лет, председатель облпотребсоюза решил сделать ему славный подарок. Во Владимирском облпотребсоюзе работал его хороший знакомый. Весной он командировал во Владимир товароведа. Попросил, чтобы тот связался со знакомым, который поможет изготовить достойную события вазу с портретом виновника торжества. Передал, естественно, фотокарточку Каримова. Командированный привез чудесную вазу синего цвета с впечатляющим портретом «нового хана». Ханы знают толк в увековечении своей памяти.

Гулять так гулять. Если уж пошли в ход памятные портреты, то надо позаботиться и о том, чтобы выглядеть на них вполне респектабельно. Впрочем, Каримов одевал за чужой счет не только себя, но и свое многочисленное семейство. В процессе следствия Мирзабаев вспомнил об истории с золотошвейными чапанами (национальные халаты). Заказывая первый чапан в 1977 г., Каримов пояснил, что он нужен для того, чтобы подарить его к шестидесятилетию самому Рашидову... Стоимость одеяния для «отца народа» составила 5000—6000 руб. Летом 1980 г. для одного союзного министра, которому в те дни исполнилось немало лет, был заказан еще один халат. Стоимость — 6000 руб. Потом — еще. Для самого Каримова. В ознаменование юбилея.

Ничто не возникает ниоткуда. За плечом любого следствия виднеется неизбежная, словно Карма, причина. Принято считать, что рашидовщина — давнее буйные побег (под южным-то солнцем) зерно ленивой брежневщины. Но так ли это? Ровесник Октябрьской революции, Рашидов взял тугие бразды правления в свои уверенные руки еще при Хрущеве. И все то, что он безмятежно взрастил на родной земле — в гораздо большей степени уходит корнями в сталинское время, чем в пресловутую эпоху застоя. Замалчивать эту довольно-таки очевидную реальность заинтересованы лишь лжетеоретики, для которых перестройка обернулась идеологической безработицей и которые хотели бы превратить в государственную тайну биографии вчерашних вождей, а нынешних лидеров видеть только «продолжателями славных традиций» (продолжать движение легче, чем делать поворот, особенно, если до этого движение шло по наклонной).

А традиции налицо. На возведенные на костях замученных «врагов народа» шпалы бесполезного Великого Северного железнодорожного пути, утонувшие в сибирских болотах тридцать лет назад, легли ликующе ударные рельсы столь же сомнительной Байкало-Амурской магистрали. Тщательно срежиссированный взрыв Храма Христа Спасителя придушенным эхом по сию пору отдается в трескучем огне и хлестких трещинах крупнейших библиотек Москвы и Ленинграда. И сталинские причуды на кавказских правительственных дачах кажутся невинными забавами, если их разгул сопоставить по шкале ухмыльчивого цинизма с тем, что учинило рашидовское окружение — в цоколе памятника В. И. Ленину, крупнейшего не только в стране, но и в мире, устроило «нечто» с зеркалами и диванами, где боссы, громогласно учившие народ жить честно и скромно, премило отдыхали во время утомительно долгих демонстраций трудящихся. Хорошо еще, что оплата деликатных услуг «обслуживающего персонала» не проводилась по шкале «проведение торжественных мероприятий».

Лауреат Нобелевской премии мира академик А. Д. Сахаров в статье, подготовленной для сборника «Иного не дано», изданного накануне XIX партконференции, писал: «Другая сторона эпохи власти бюрократии, тесно связанная с экономическими уродствами, не менее трагична — нравственная деградация общества. В прессе, радио и телевидении, в школе, комсомоле, вузе, семье — процветают лицемерие и ложь. Многократно обманутые красивыми словами люди больше уже не верят им, общество охватывает всеобщее безразличие. Особенно тяжело эта давящая психологическая обстановка сказывается на молодежи, разлагая и развращая ее... Социальный портрет эпохи застоя будет неполным, если не отметить колоссального развития раз-

личных форм коррупции: возникают чисто мафиозные группы, сращенные с местным партийным и государственным аппаратами, от которых, как правило, нити тянутся вверх. Классический пример — узбекистанская мафия с ее многомиллиардными хищениями и приписками к производству хлопка, систематическим взяточничеством, эксплуатацией уборщиков хлопка, при этом тысячи людей, особенно детей, стали жертвами бесконтрольного массового применения дефолиантов и других химикатов с жесточайшими расправами над недовольными в подземных личных тюрьмах и психушках.

И нам остается только вздохнуть с облегчением: суловы и каримовы с помощью чурбановых и музаффаровых не успели всю страну превратить в удобную для себя тюрьму и «психушку» адыловского типа. Эта всесоюзная «психушка» может быть родным и желанным домом лишь для заевшихся сановников с дрянной, перевернутой моралью, кондово уверенных в своей правоте, для тех, кто «сходит с ума, потому что им нечего больше хотеть», и для их пресмыкающейся прислуги, которая «не может поступиться принципами».

Академик приводит «классический узбекский пример» только потому, что именно в этой республике работникам правоохранительных органов удалось копнуть. «Мудрейший» Сталин не только опустил тяжелый «железный занавес» на входные двери страны. Эти холодные годы украсили плотным рисунком парадного льда и мрачное окно во «внутренний», так сказать, двор. Подышали на «узбекский» участок, и открылась пугающая даже профессиональных сыщиков картина тотальной всепродажности. Сместили бы точку приложения концентрированных усилий грамотных и честных юристов в любое другое место, обнаружили бы аналогичную картину. Быть может, где-то меньше золота, но... больше крови. Больше наркотиков — меньше пота. А суть одна. В стране давно сложилась подвижная структура, ничуть не уступающая диапазоном зловещей деятельности какой-нибудь там «Коза Ностра».

Основная примета мафии — опора на вертикальную коррупцию. Преступное объединение, изначально ориентированное на регулярную деятельность (разумеется, преступную) и функционирующее в тесном взаимодействии с подкупленными чиновниками — это и есть хрестоматийное определение мафии. Профессиональное. Энциклопедический словарь настаивает на том, что мафия — «тайная террористическая организация в Италии, возникшая в Сицилии, использующая методы шантажа, насилия, убийств, действующая в основном в городах, используемая реакцией в политических целях и связанная с организациями преступного мира других стран»... Впрочем, как выяснилось, наши мафиози тоже вполне благополучно налаживают лич-

ные связи с зарубежными коллегами. В 1988 г. туркменские кинодокументалисты сняли ленту об офицере милиции, установившем по собственному почину внешнеэкономические, с позволения сказать, связи. Торговал туркменский двойник Музаффарова наркотиками.

Глава 16

СТРАЖИ ПОРЯДКА ВРЕМЕН БЕЗЗАКОНИЯ (ЩЕЛОКОВ)

Может, в итальянском кино и не встречается сенсационный сюжет: все подразделение карабинеров с командиром во главе состоит на службе у мафии. У нас же, увы, подобные ситуации встречались на практике. Отчего же так сложилось, что кое-где доходило до парадоксального «зеркального» эффекта? Хоть табличку вешай на дверях отделения: «Осторожно, милиция».

Сотни работников милиции ежегодно гибнут, защищая правопорядок. Большая часть стражей закона достойно исполняет свой долг. Тем обиднее, когда их коллеги становятся самыми настоящими преступниками. И не «кто-то, кое-где у нас порой...», а (до недавнего времени) сплошь и рядом: Волгоград, Молдова, Грузия, Туркмения, Узбекистан, Москва, наконец.

Не только печально известный экс-министр Щелоков и его «светлейший» зам. Чурбанов, не только республиканский министр Эргашев и его зам. Давыдов, но и многие другие высшие чины таких «верхних» правоохранительных инстанций, как министерства внутренних дел, прокуратуры и суда оказались, что называется, с рыльцем в пушку. Как могло случиться, что откровенная коррупция проникла в самые высшие эшелоны власти?

Вся структура правоохранительных органов сложилась к началу 30-х годов и в целом, с учетом тогдашних трудностей, обеспечивала решение стоящих перед этими органами задач. Но последующие волюнтаристические действия Сталина сконцентрировали «правовую власть» в одном административном органе. И что самое существенное, вывели его из-под какого-либо контроля. И аппарат НКВД использовался нередко в антигосударственных интересах. Тогда же наметилось различие между информацией о действительном положении дел в органах, которой располагало лишь руководство, и картиной, которая навязывалась общественности.

«Стальная» политика привела в середине 30-х годов к беспрецедентным кровавым репрессиям. Ни о каком правопорядке тогда всерьез и говорить не приходилось. Чрезмерное усиление

какого-то одного карательного института и его бесконтрольная деятельность чревата подобными извращениями. Именно тогда и был заложен нравственный фундамент мафии. «Воры в законе» рассматривались властью имущими как более безбидные элементы, нежели массовые «враги народа». В лагерях уголовники презрительно величали политических не иначе, как фашистами. Получили распространение и напыщенные мифы типа: «Советская «малина» врагу сказала — «нет»! В лагерях «блатной» люд свирепо господствовал над несчастными «ортодоксами»...

Увы, и после робкого Начала Реабилитации были допущены кое-какие досадные перегибы. Уже в «другую степь». В начале 60-х годов наметилось бравое и безответственное шарашанье в сторону необоснованного освобождения от уголовной ответственности, порой даже за совершение тяжких преступлений. В сторону замены реальных мер наказания многообещающим «общественным воздействием», которое, как и многое у нас, осталось пустым лозунгом. Прекраснодушествуя, общество не разглядело приступ опасной безответственности. Выдача желаемого за действительное, отсутствие социально-психологической базы для таких притких изменений и необоснованные притязания Хрущева на парадную ликвидацию такого сложного социального явления, как преступность, за исторически ничтожный срок, отрицательно сказались на состоянии законности и правопорядка. Началось цементирование мафии на низовом уровне. Вчерашние маленькие берии становились предтечами нынешних чурбановых. Если их и боялись, то лишь маленькие люди. Или нечистые на руку. А руководителям и функционерам эти «стражи закона» старались угрожать, стремясь не мытьем, так кантаньем купить их поддержку. К середине 70-х мафия оформилась как социальное явление. Хотя этому процессу сопутствовала некоторая стабильность в борьбе с «обидей» преступностью (убийствами, изнасилованиями, грабежами, кражами...).

А наряду с этим наблюдалась поразительная запущенность наиболее опасных должностных преступлений (хищений, взяточничества, приписок). Борьба с ними осуществлялись недостаточно активно. Музаффаровы сажали в основном «стрелочников» самого низкого ранга, чтобы «выпустить пары». Вне уголовной досягаемости оставались сановные организаторы этих преступлений.

С именем Николая Щелокова были всегда сопряжены те или иные слухи. Во второй половине 60-х годов о нем заговорили как о «руководителе новой формации», «нестандартно мыслящем министре». Гуляла в свое время по Москве и Ленинграду литературная версия замужества его дочери... Начиная с

ноября 1977 г. фамилия министра и безобидное словцо «зятек» стали соседствовать уже в другом контексте: Щелоков стал непосредственным шефом Ю. М. Чурбанова, которому пятью годами раньше присвоили почетное звание «Заслуженного работника МВД» (с ноября 1977-го по февраль 1980-го Чурбанов был заместителем, а затем, до ноября 1984 г. — первым замом министра внутренних дел).

Следующая волна слухов была связана с женой Щелокова. Поговаривали, что Светлана Владимировна стреляла из пистолета мужа в Ю. В. Андропова, начавшего бескомпромиссную чистку коррумпированного аппарата МВД с самого вельможного верха. Эта беспочвенная молва распространялась синхронно с вполне достоверным сообщением о самоубийстве С. В. Щелоковой: 19 февраля 1983 г. она выстрелила себе в голову из небольшого подарочного пистолета, именуемого на профессиональном жаргоне криминалистов «солянкой»: боек от одного пистолета, корпус от другого, ствол от третьего. А в конце следующего года стало известно о «тайнственном выстреле», оборвавшем жизнь некогда блестящего министра. Четыре года спустя, в конце 1988, его имя всплыло вновь — во время подробных слушаний по так называемому «делу Чурбанова».

Осенью 1988 года фамилия Щелокова звучала в здании Верховного Суда СССР в таком склонении, о котором никто, наверное, не мог предположить двадцать лет назад, когда Николай Анисимович стал членом ЦК КПСС (кандидатом был с 1966 года, депутатом ВС СССР — с 1954 года). Не потому ли по Москве тогда вновь покатили противоречивые разговорчики? Цитируем следственные документы уголовного дела, которые, полагаем, многое прояснят.

«Щелокову переданы антикварные ценности на сумму 248,8 тысяч руб., являющиеся вещественными доказательствами по уголовному делу Акойяна М. С. Первоначально уникальные шкафчики из наборного дерева, картины, кресла, большая часть изделий из фарфора и серебра были поставлены на госдачу № 8 в Серебряном бору. Некоторые антикварные ценности: скульптурная фигура «бегемот» из нефрита с золотыми стопами (ориентировочная стоимость 15 тыс. руб.), стакан из камня нефрит, печатка в виде пасхального яйца, фарфоровая группа «Бегство Наполеона из России» и 9 различных предметов из серебра — на общую сумму 42 тыс. руб., были переданы непосредственно Щелокову и хранились у него в комнате отдыха при служебном кабинете. В ноябре 1979 года по распоряжению Щелокова И. А. все указанные ценности с дачи и из комнаты отдыха перевезены на служебную квартиру на улице Герцена... После смерти «владельца» многие предметы как имеющие высокую художест-

венную ценность переданы в музей Кремля, Останкинский дворец-музей и другие музеи».

Но это лишь характерная деталь, составляющая общего фона, на котором разворачивались процессы, нет, отнюдь не судебного, а государственного масштаба.

Узбекский коллега Щелокова — генерал Яхъяев, сидевший вместе с Чурбановым на скамье подсудимых, в своих показаниях так охарактеризовал положение, сложившееся внутри правоохранительных органов, когда МВД возглавлял Щелоков: «Если по вопросам борьбы с общеуголовной преступностью никто не чинил препятствий в работе, то борьбу с должностными преступлениями тормозили, как могли. Привлечение к ответственности номенклатурных работников из партийных, советских, хозяйственных органов нарушало благополучную обстановку, которую хотели видеть повсеместно. Поэтому подразделения на местах ориентировали на то, чтобы как можно меньше привлекались ответственные работники, чтобы все, по возможности, сглаживалось, затушевывалось, уходило в архивы. Нам даже запретили получать информацию на скомпрометировавших себя лиц из партийно-советских органов, чтобы в документах все выглядело благополучным. Справедливость моих слов подтвердит любой руководящий работник системы органов внутренних дел. Появились неприкосновенные лица, которые ни при каких обстоятельствах не подлежали привлечению к уголовной ответственности, если они были номенклатурными работниками. В среде этих лиц укоренилось чувство безнаказанности, это приводило ко все большему масштабам совершаемых преступлений, вовлечение все большего числа лиц во взяточничество, хищения, обман государства. Зарождающиеся в районах преступные группы входили в преступную связь с областными руководящими работниками, а затем и с республиканскими. Все эти силы поддерживали друг друга от разоблачения».

Именно Щелоков своим настойчивым примером приучал свою «королевскую рать» не замечать коррупцию, учил насмешливому ремеслу смотреть невидящими глазами на проституцию, наркоманию, прочие социальные недуги. И тренировал подопечных — как вписывать пластилиновую статистику в парадно-кумочовую панораму «развитого социализма». Именно он своими образцово-показушными «докладами наверх» намекал своему аппарату на удобный стиль работы. Именно министр превратил милицию в глухо закрытую для критики зону. Впрочем, так же, как и исправительные заведения (а сегодня мы знаем, что только в 1987 году из мест лишения свободы вышло 320000 человек, за полтора года освободилось более полумиллиона заключенных).

Щелокова большинство из его коллег характеризуют как работоспособного, грамотного человека, умевшего организовать работу. Из Молдавии, где он до назначения на пост союзного министра работал вторым секретарем республиканского ЦК, потянулось было прязный шлейф недобрых слухов, но на фоне участливого обаяния Николая Анисимовича все эти толки быстро растаяли. Он стал министром в 1966 году, а в марте следующего года нашел себе талантливого помощника, так называемого «спичрайтера». Им стал будущий создатель Академии МВД СССР Сергей Михайлович Крылов, от которого Щелоков затем предательски отказался, умыв руки во время злобной травли честного специалиста, организованной Чурбановым. Тем и подтолкнул его к трагическому самоубийству в 1979 году.

Щелоков первое время вел себя довольно-таки скромно и стал пользоваться большим уважением и авторитетом подчиненных (не без помощи умело используемого Крылова). Позднее стали отчетливо проявляться хищные черты его двойственного характера, хваткое стяжательство и столь привычная для тех лет беспринципность. Это, пожалуй, был типичный руководитель брежневской эпохи, со всеми присущими «годам застолья» качествами. Ни для кого в министерстве не было секретом, что Щелоков стал министром по личной инициативе своего приятеля Брежнева, что между их семьями поддерживались доверительные отношения, даже жили они в одном доме. В своей бурной деятельности удачливый министр соблюдал правила брежневско-сусловской игры, старался не омрачать общей фанфарной картины парадности и приторного благополучия и жестко и расчетливо ориентировал на это подчиненных. В то же время он, хотя бы за счет того, что давал развернуться и таким, как Крылов, немало сделал для развития и укрепления органов внутренних дел страны. Однако беда в том, что не сумел бывалый аппаратчик сладить со стяжательскими тенденциями. Постепенно они все более нахально проявлялись в его характере, и это привело к кадровому разложению всей системы МВД.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ВЫШЕУПОМЯНУТОГО БЫВШЕГО МИНИСТРА МВД УЗБЕКИСТАНА Х. Х. ЯХЪЯЕВА, ДАННЫХ ВО ВРЕМЯ СЛЕДСТВИЯ: «Поближе я познакомился с Щелоковым в 1968 году, когда он по делам выезжал в Казахстан и заезжал в (...). Человек он был общительный, немало рассказывал о себе, и мы сошлись. Тогда Щелоков попросил меня посылать ему в Москву посылки со свежими овощами и фруктами. Отказать ему я не мог, и с того времени по несколько раз в год ему посылались посылки... Стоимость их небольшая, поэтому я не считаю их взятками, и он тогда не считал так, кроме того, стоимость их я не оплачивал, это

делали подчиненные. Но Щелоков ни разу не сделал попытки что-либо оплатить или даже завести об этом разговор».

Ихъеву нужна была поддержка и покровительство со стороны союзного министра в первую очередь для того, чтобы удержаться на своей должности. Такая необходимость была вызвана тем, что он «в связи со своей деятельностью имел много врагов, а сложившаяся в республике обстановка мешала нормальной работе...».

Из показаний бывшего сотрудника МВД Армянской ССР, которые приобщены к «щелоковскому делу», видно, что в 1971 году, находясь в Ереване, Щелоков предложил министру внутренних дел республики приобрести понравившуюся ему картину известного художника Мартироса Сарьяна «Полевые цветы» и отправить ее в Москву. В том же году это полотно было приобретено за десять тысяч рублей (из средств МВД) и вручено Щелокову. Факт приобретения картины МВД республики за указанную цену подтверждается приобщенным к делу договором, а также объяснениями бывшего заместителя министра внутренних дел Армении. В августе 1973 года журнал «Советская милиция» поместил небольшую репродукцию картины «Полевые цветы» и мажорную статью о творчестве Сарьяна, указав, что картина подарена выдающимся художником МВД СССР и находится в... фондах Центрального музея МВД. Согласно справке главного редактора, также приобщенной к делу, публикация произведена по указанию Щелокова. Картина в музей, увы, не попала. Все картины, в том числе и «Полевые цветы», были вывезены на личную дачу семьи Щелоковых в поселке Болшево.

Любовь к искусству проявлялась у министра и в дружбе с известными писателями, публицистами, живописцами, режиссерами и поэтами. Да он и сам, оказывается, готов был выступить в роли... актера.

«В киноотделе МВД СССР по указанию Щелокова Н. А. был создан двухсерийный кинофильм «Страницы жизни» об этапах его жизненного пути. Ревизионной проверкой установлено, что затраты на создание фильма составили свыше 50 тыс. руб....». Кстати, в первоначальном варианте эта лента называлась еще помпезнее — «Товарищ генерал».

Вообще, казенные деньги министр не считал. Сорил ими, как хотел. По личному указанию Щелокова во ВНИИ МВД СССР был зачислен в качестве лаборанта некто Еронтьев Ю. А. За ним был закреплен легковой автомобиль «Жигули». Фактически, как оказалось, Еронтьев выполнял обязанности персонального массажиста в семье Щелокова. За что и поощрялся. В 1980 году по инициативе и указанию Щелокова массажисту выделена двухкомнатная квартира в хорошем доме.

«Гр-ке Г. Н. А., оформленной в КДС ХОЗУ МВД СССР слесарем-ремонтником 6-го разряда, с 1978 по 1982 год незаконно выплачено свыше 8 тысяч руб. государственных средств». В действительности она никаких обязанностей не выполняла, а деньги получала за то, что являлась домработницей в семье дочери Щелокова.

С августа 1980 года по январь 1983 года был обеспечен бесплатным проживанием на служебной даче Анисимов Леонид Николаевич, выполнявший личные поручения бывшего министра. Этот человек писал диссертацию для одной из родственниц Щелокова. В октябре 1982 года приказом Щелокова он был зачислен на службу в МВД СССР. Одновременно ему было присвоено специальное звание «полковник милиции». Помимо этого, Николай Анисимович «пробивал» такие пустяки, как издание книги Анисимова и т. п.

Так что, не только министров республиканского масштаба привлекал Николай Анисимович.

Тех, с кем сходилась нравом. Щелоков — брежневский стиль! — стойко прикрывал, а тех, кто его чем-либо раздражал, допустим, своей принципиальностью, спокойно и не без злорадства предавал масштабным гонениям. Так было, например, с известным полковником Анатолием Федоровичем Базилевичем, который, не взирая на предосторожности придворных доброжелателей, зашел в своем расследовании слишком далеко и нащупал четкие ниточки вертикальной коррупции, ведущие прямоком к тогдашнему первому секретарю ЦК КП Молдавии Бодюлу. Хотя отважного офицера министр знал лично и даже как-то благожелательно выслушал от него на приеме все подробности кулуарного давления на «зарвавшееся» следствие, он не стесал, тем не менее, возможным вступить за своего, впоследствии растоптанного, подчиненного. Мизинцем не пошевелил, чтобы выручить полковника, когда того засадили за решетку.

Его, сиятельного чиновника, приближенного ко двору, больше занимал пьяный брежневский круговорот барабанных докладов и пышных празднований по всякому поводу.

С заместителем Генерального прокурора СССР В. В. Найденовым расправились тоже не без ведома высококорангированного окружения тогдашнего министра внутренних дел. Виктора Васильевича для начала пытались обработать на одной из закрытых сочинских дач. Медунов и его «соратник» Чурбанов проводили тогда в Сочи странное совещание работников МВД СССР, которое и созвано-то было, видимо, лишь с целью придумать развернувшееся в ту пору «краснодарское дело».

Это дело, равно как и «рыбное», а также «дело Насриддиновой» были лишь слабыми симптомами загнанной вглубь бо-

лезни. «Страна умирала, как древний ящер с новым вирусом в клетках». Казалось, что никто и ни во что уже не верит.

«Мы привели юридические нормы в соответствие с новым уровнем, достигнутым нашим обществом», — торжественно и с расстановкой объявил с трибуны XXV съезда партии многозвездный ее генсек. Это было начало 1976 года.

«Юридические нормы — в соответствии...». Не успели высохнуть чернила под приговором Верховного Суда СССР в отношении бывшего Председателя Совмина Узбекистана Р. К. Курбанова, а подпись Брежнева украшает Указ о его помиловании.

По всей стране любые робкие попытки работников прокуратуры привлечь к ответственности провинившихся сановников наталкиваются на иезуитские сетования по поводу «возрождения традиций тридцать седьмого года» (это был один из тезисов Медунова).

Так сталинские наследники пугали кровавым призраком НКВД летаргически беспечную общественность, которой в те-то годы, честно говоря, немного было надо, чтобы окончательно зашорить сонные глаза. Надо было затушить недовольное бурчание. И вытворять потихоньку все, что угодно. Расправляться со строптивцами. Воровать.

Причем воровать так, чтобы внукам хватило и правнуки добрым словом поминали.

«Квартира в доме по улице Герцена использовалась для временного проживания различных знакомых Щелокова Н. А. и хранения его личного имущества. Расходы по содержанию этой квартиры за счет дачной службы составили 34,6 тысячи руб.».

Еще одна такая же квартира в доме по улице Павла Корчагина предназначалась для отселения бывшего мужа дочери Щелокова.

В качестве служебной в 1980 году была оформлена и квартира тещи сына министра.

В 1972-м по указанию Щелокова якобы для обслуживания оперативного состава был открыт потайной филиал универсама Мосгарнизона. Все как положено. Продавцы. Покупатели. И тех, и других — немного. Фактически этим магазином пользовались только члены семьи и родственники Щелокова. Согласно сердечной (в духе времени) договоренности Щелокова с руководством Министерства внешней торговли СССР (напомним, что заместителем министра ВТ служит сын генсека Юрий Брежнев) и внешнеторговых объединений «Разноэкспорт» и «Центросоюз», в магазин ритмично, не то, что в ГУМ, поступали импортные товары повышенного спроса: западногерманские магнитофоны, японские телевизоры, другая радиоаппаратура, югослав-

ские дубленки, австрийская обувь, финские плащи и прочая одежда. Ежегодно товарооборот магазина составлял свыше 100000 руб.

Заведующая магазином показала на допросе, что со времени открытия невиданного магазина она занималась обслуживанием только членов семьи бывшего министра и его родственников. Отбор товаров в «Разноэкспорте» производился, как правило, женой Щелокова, его невесткой, дочерью, после чего товар немедленно доставлялся в магазин.

Работники «Разноэкспорта» вспоминают, что жена сановного министра, его бойкая невестка и дочь Ирина на закрытых складах объединения придирчиво производили отбор самых лучших образцов товаров. Причем, лишь престижных иностранных фирм. И — «в значительных количествах».

Кроме членов семьи, родственников брежневского визиря и прибывавших с ним лиц, всем другим вход в уютное помещение дачной службы, где располагался таинственный магазин, был строжайше запрещен. О существовании этой лавочки знал узкий круг доверенных лиц.

«Калинин* пояснил, что при выезде на отдых в Пицунду невестка Щелокова — Нонна брала в магазине, как он полагает, для продажи, большие партии промышленных товаров». В одной из едких своих миниатюр Михаил Жванецкий замечал, что мы, из-за тотального дефицита, просто вынуждены всего хвать по четыре, по шесть, по восемь. Выходит, у Нонны те же проблемы? Или, действительно, прав бывший завхоз министерства — родственница министра-фаворита не брезговала элементарной фарцовкой? Бояться-то, кроме как гнева своего свекра, нечего было. Есть такая поговорочка: лучше быть богатым и здоровым, чем бедным, но больным. Ох, не бомжи** ее придумали! Плутукратия. Власть богачей. Каримов должности распродал по тарифу. А с другой стороны, собственно власть обогащала и каримовых, и тех, кто обязан был блюсти закон и бороться с казнокрадами.

Но голова у них болела о другом. В деле Щелокова самое интересное, по нашему мнению, — официальная переписка между фирмой «Даймлер-Бенц», МВД и МВТ СССР, согласно которой в 1975—1977 гг. достигнута договоренность о безвозмездной передаче фирмой Министерству внутренних дел СССР трех автомобилей «Мерседес-Бенц». В том числе двух — оснащенных приборами контроля за дорожным движением. Эти ли-

---

* Бывший начальник ХОЗУ МВД СССР В. Калинин, ныне осужден за корыстные хозяйственные преступления.

** Бомж — лицо без определенного места жительства.

музины, как явствует из переписки, передавались фирмой для «обеспечения безопасности движения в связи с проведением Олимпийских игр 1980 года» и изучения возможности приобретения других автомобилей подобного образца. 20 июня 1975 г. министерство Щелокова официально уведомило фирму о получении первого автомобиля «Мерседес-Бенц-280-Е». В МВД указанный автомобиль, однако, не эксплуатировался, а 15 марта 1976 г. был тихоноко зарегистрирован в ГАИ Киевского района Москвы как принадлежащий лично Щелокову. На этом автопопоя не закончилась. Не такого калибра был Николай Анисимович. Для кого-нибудь помельче этих перипетий с машинами вполне хватило бы для получения изрядного срока. С конфискацией.

В январе 1978 года от фирмы безвозмездно поступило еще два автомобиля «Мерседес-Бенц» (моделей 280 и 450 Е). Один зарегистрирован на имя дочери министра, Ирины Щелоковой. Взамен же второго автомобиля Щелоковым получена машина другой марки, которая в марте 1980 года зарегистрирована в ГАИ на имя сына Игоря.

В августе 1977 года в том же ГАИ Киевского района зарегистрирован мощный автомобиль «БМВ ЗОС», как принадлежащий жене министра. Щелоков уверял следствие, что право на этот автомобиль у него есть. Представил свое письмо (!) в Совмин СССР, в котором указано, что фирма «Ивка» предложила ему в дар автомашину, представленную на выставке «Автосервис-73».

При обычке, произведенном на даче Игоря Щелокова, обнаружен и изъят мотоцикл «БМВ». По объяснению скромного научного работника, указанный мотоцикл тоже был подарен его отцу на одной из выставок фирмой-изготовителем.

Фирмы благодетельствовали министру. Он — своим детям. Трогательной заботой о ближних отмечена уверенная карьера Щелокова. Своему тестю, работавшему скромным никелировщиком в Краснодарском крае — вотчине властолюбивого Медунова — министр сразу пожаловал звание майора, а затем, после перевода в Москву, в звании еще и повысил.

Государству удалось вернуть чуть менее миллиона...

СПРАВКА: ЩЕЛОКОВ Н. А. 13 декабря 1984 г. покончил жизнь самоубийством. В связи с этим постановлением Прокуратуры от 25 ноября 1987 г. уголовное дело в отношении его прекращено на основании ст. 5 п. 8 УПК РСФСР.

Тем зимним утром экс-министру позвонили из наградного отдела Президиума Верховного Совета СССР и предложили сдать обратно правительственные награды. Щелоков пригласил

звонивших к себе к 15 часам того же дня. Затем оделся в парадную форму (он был лишен звания генерала армии и исключен из КПСС в ноябре 1984 года). И за два часа до этой запланированной встречи выстрелил себе в голову из охотничьего карабина.

Кто знает, как бы он повел себя после неминуемого ареста? Хотя... почему неминуемого? У власти тогда был К. У. Черненко, с которым верный бржежневек Щелоков сработался еще в Молдавии. Куда бы ветер подул?

Глава 17

СТРАЖИ ПОРЯДКА ВРЕМЕН БЕЗЗАКОНИЯ (ЧУРБАНОВ)

До знакомства с дочерью генсека ее будущий супруг Юрий Чурбанов жил в обычной пятиэтажке на 2-й Новоостанкинской улице, у подъезда которой проводили свои затяжные «брифинги» пытливые дамы пенсионного возраста, ведавшие про обитателей дома всю интимную подноготную. Об эффектном и статном брютете из третьего подъезда судачили в общем-то дежурно: бросил-де жену с ребенком, много, как и положено холостому красавцу, пьет и гуляет налево-направо.

Короче, банальная, словно школьный донос, молва. Без малейшего криминального привкуса грядущих скандалов. Юрий заведовал сектором отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, а в тогдашнем комсомоле работали, по горькому выражению одного литературного персонажа, не только головой, но и печенью...

Вице-шеф советской милиции времен застоя родился в Москве 11 ноября 1936 г. В хорошей, говорят, семье. Семье партийного работника. Работал Юра скромным механиком. После окончания технического училища — медником. На заводе.

В 22 года балагур и весельчак, рубаха-парень, умевший браво пить не хмелея и весомо произносить нужные слова зычным начальственным голосом, стал инструктором Ленинградского РК ВЛКСМ. Потом работал в горьком комсомола. Хорошо работал. Но недолго.

Двадцатипятилетний комсомольский «вожак» переходит на службу в органы. Инструктор политотдела мест заключения МВД СССР.

Позднее — в аналогичном отделе столичного УВД, помощник начальника по работе среди комсомольцев и молодежи.

1964-й для Чурбанова — год, несомненно, переломный. Он оканчивает заочное отделение философского факультета МГУ. И с новеньким дипломом покидает прежнее место службы «в связи с направлением на работу в ЦК ВЛКСМ». Одновременно «расторгая брак с Чурбановой Т. В., от которой имеет сына

1963 г. р.» . И завершает цитату документа «с этого времени никаких связей с ними не поддерживает». Так что кое-какую информацию старушки у подъезда все-таки добывали. Во всяком случае, знали не меньше, чем в отделе кадров по месту работы Чурбанова.

Работа в комсомоле тогда была, повторяем, развеселая. Репутация среди коллег у Юры — самая отменная. Общителен, исполнителен, надежен.

Компанейский парень коротко сошелся с Игорем Щелковым. Говорят, что именно сын бывшего министра внутренних дел и познакомил Юрия с Галиной Брежневой. В ресторане Центрального дома архитекторов.

Это знакомство, что бы за ним ни стояло, обернулось для перспективного и видного жениха головокружительным трамплином.

Юрий весьма приглянулся Брежневым-старшим, уже подуставшим от капризных цирковых увлечений своенравной и неугомонной дочери. Чурбанов выгодно выделялся (в глазах будущих родичей) на фоне своих несерьезных предшественников. Это вам не какой-то там недалекий акробат, нахально разместившийся в кресле директора столичного цирка, не смазливый супер-иллюзионист с тревожно-непонятной фамилией. Нет, Юрий Михайлович одним лишь гренадерским обликом вполне заслуживал, казалось, почетных званий и высоких орденов. А богатырская осанка темноглазого супермена с идеальным пробором вальяжно намекала: эти широкие плечи сгодятся для погон величиной с ладонь.

Будет, будет генералом! Недолго ждать.

В июне 1970-го Чурбанов назначается замом начальника политотдела ИТУ МВД СССР.

Март следующего года застал его заместителем начальника, но уже — политуправления внутренних войск.

Соревнуясь обилием воды с весенними потоками, отшумел («бурные аплодисменты, переходящие в овацию»), отбарабанил победный XXIV съезд. Это было еще не самое торжественное событие апреля 1971 года для Брежневых. Галя снова вышла замуж!

Под эхо вежливых аплодисментов Чурбанов тихо получает невинный презент — досрочное присвоение звания «полковник» (воинского, заметим, звания, поскольку это имеет значение не только для размера будущей пенсии).

Были и другие послесвадебные подарки. Тесть дарит Чурбанову роскошную «Шкоду-1000». В тот же день она продана через «комиссионку»... Не беда! Брежнев передает Юре новенький «Рено» с мощным, под стать красавцу-зятю, мотором. Ген-

секу этот лимузин подарил президент западного государства и, по логике вещей, законное место подарка — в спецгараже. Однако это не помешало новому владельцу Ю. М. Чурбанову, спустя некоторое время, выгодно продать и «Рено». Потом через его руки прошли другие машины. Многих столичных торгашей ошастливил сиятельный зять.

1972 год. Девятая пятилетка, если верить газетным передовицам, набирает темп. Выходит очередной том брежневского сочинения, лукаво названного «Ленинским курсом»...

Серый кардинал генсека М. А. Суслов может поздравить себя со второй Звездой Героя Соцтруда...

А «отец казахского народа» Д. А. Кунаев — с первой...

Старинный приятель генсека Н. А. Щелоков деловито организывает роскошный магазинчик, о котором мы уже рассказали...

Ну, а Ю. М. Чурбанову присвоено звание «Заслуженный работник МВД СССР».

И «Галин Юра» начинает наградной марафон, вступив в «социалистическое соревнование» со своим несравненным (в этом, орденосном смысле) тестем, обожавшим ритуальные процедуры не меньше кабаньей охоты и гоночной езды.

Вслед за нагрудным знаком «Заслуженного работника» следует другой — «60 лет ВЧК — КГБ».

И еще 19 отечественных орденов и медалей. Плюс 26 иностранных.

По воспоминаниям родственников, Чурбанов придиричиво пересчитывал блестящее штучки на своей широкой груди главным образом потому, что затеял ревнивое соревнование и со своим тезкой — младшим сыном Брежнева. Они по очереди то рвались в замы министра (Юрий Брежнев работал заместителем министра внешней торговли), то добивались депутатства в Верховном Совете страны, то стремились к парадным титулам прибавить еще и «кандидат в члены ЦК КПСС». Скачки. Ведь в те годы действительно «ставили не на людей, а на коней».

Сам Чурбанов недолго слыл темной лошадкой. Скоро его улыбчивая нахрапистость и безудержная мстительность стали очевидны. Видимо, патологическая ревность Чурбанова к прочим любимцам и родственникам Леонида Ильича заочно выпестовалась в нем еще во время комсомольского трудоустройства. Ведь все опытные, профессиональные аппаратчики пристально следят за «соседями по этажу», привычно пресмыкаясь перед надменным «верхом» и лениво презирая подрастающих «нижних». Главное — не дать себя обойти на очередном повороте. Без того, чтобы коварно не подставить одетую в лакированный ботинок ножку кому-нибудь из конкурентов, не шагнешь на оче-

редную ступеньку этой самой ножкой. Юрий Михайлович быстро освоил искусство притоптывать могучей начальственной ногой и сердито постукивать литым кулаком по широкому столу. Он никого не хотел терпеть в качестве потенциального соперника. В начале 80-х приметился даже на беспокойное кресло министра внутренних дел, мечтая подсидеть состарившегося шефа.

Когда «Юр-Михалыч» стал официальным зятем Брежнева, младший сын генсека работал в Швеции. Карьера Чурбанова исключала сладкоглянцеватую перспективу заграничного жития-бытия.

Зато его младшая сестра вместе со своим первым мужем, выпускником МАДИ, немало лет провела благодаря брату на «загнивающем западе». Сначала в Италии. Затем в Англии (куда позднее, накануне кончины деда, отправился вместе со своей женой на необременительную стажировку студент МГИМО Андрей Юрьевич Брежнев).

Брат сановного зятя Игорь Чурбанов проработал четыре года в Женеве (незнание языков, как вспоминают его коллеги по работе в Швейцарии, ему не помешало).

А сам Юрий Михайлович любил этак махнуть в заграничную инспекционную поездку. За одну из таких блиц-инспекций в Афганистан он даже получил боевую награду.

Но все это позднее.

Осознанием собственной вельможной значимости бывший комсомольский работник проникался от звания к званию. Он открыл немудрящую тайну служебного роста, эмпирически вычислил желанную формулу «как—нравиться—всем». И, не таясь, рассказывал знакомым о своем открытии:

— Нужно просто уметь пить. Пить как можно больше, но при этом держаться на ногах. Тогда выйдешь в люди.

Он пил. Неизвестно уж — насколько с удовольствием, но — с людьми разными.

С директорами и генералами. Дипломатами и друзьями. Потом, когда обмелел алчный приток «соратников», когда надунулся тяжелый, как похмелье, финал, приглашал в пьяную баньку и к широкому столу постовых милиционеров да знакомых шоферов.

Пил, само собой, и в семейном кругу. До ругани, проклятий, рукоприкладства, размахиваний топором.

Он довольно точно определил ту непонятную для досужих советслогов силу, которая выталкивает людей недалеких, грубых умом и нравом на кумачевую магистраль фанфарного служебного взлета «Умение пить».

...В середине сентября 1987 года дома у Галины Брежне-

вой происходил обыск и опись имущества. После того, как все бумаги были подписаны, один из следователей объявил:

— Галина Леонидовна, мы сегодня работу заканчиваем.

— Так давайте бутылку. — был полушутливый ответ.

— ?!

— Где бутылка-то?

Теперь жена Чурбанова спрашивала серьезнее, держа в левой руке бумаги, а правой снимая очки. Вежливо улыбаясь, полковник юстиции парирует:

— Солнце не село...

— Ну так подождем; — настаивает дочь покойного генсека.

Видеокамера криминалиста Прокуратуры Союза ССР Всеволода Боброва невозмутимо фиксирует мимолетное замешательство сидящих за размашисто широким столом юристов. И уклончивый ответ старшего из них, Вячеслава Рафаиловича Миртова:

— Претензии, Галина Леонидовна, есть какие-нибудь?

Неужели снова про бутылку? Нет, бывшая первая невеста страны кокетливо балагурит:

— Конечно.

Юристы настораживаются.

Выдержав игривую паузу, жена Чурбанова неожиданно утверждает:

— Мало внимания как женщине мне оказывали. И стихов еще не читали.

Так же, как и ее покойный отец, Галина Леонидовна Брежнева любит добродушно поострить. К шестидесяти годам она — лицом и манерой речи — превратилась в окаменевшую, словно гипсовая маска, копию своего долго хворавшего родителя.

О невеселом феномене Леонида Ильича написано уже предостаточно. Но удивительно единодушие, с которым опасливо отмалчиваются люди, умевшие складно излагать свои мысли. И вкладывать именно их в уста больного старика, низведенного ими до жалкого состояния своевольной, упрямой, осторожной, но — все-таки! — марионетки. Никакой изощренный стриптиз не сравнится по нахальному цинизму с теми удручающими шоу, в которые прекарщались публичные выступления мягкосердечного генсека.

Обличительным рефреном многих публикаций последних лет стала удобная аналогия: Сталин-де убивал физически. Брежнев истреблял духовно.

И все же разница несомненна! Если и трагедией это стало, то лишь — полу. Полутрагедия-полуфарс.

Суставы под пытками не хрустели, от страха не шли крути калибром ствола. Можно было в конце концов тихо спиваться.

Некоторым повезло — удалось уехать.

Кто-то сомнамбулически уходил в хиппи.

Кто-то столь отрешенно в монастырь.

В себя, наконец! Когда слово «диссидент» стало обиходным, подросло целое «поколение дворников и сторожей».

Коль скоро мы безбоязненно клеймим одряхлевших палачей из НКВД, то почему не разрезать портупейные ремни умолчания, «стянувшие слабую грудь», и не назвать — хотя бы назвать! — всех недавних душителей свободы?

Поименно.

Обязательно поименно!

Вот поэтому, именно поэтому, что бы там ни говорилось, судебный процесс над Чурбановым и его «кумовьями» имел явную политическую окраску. Не надо притворно бояться этого словосочетания — уголовно-политический процесс. Судили в Верховном Суде страны не просто генералов, судили коррупцию. Для которой мягкотелость и снисходительность «верного ленинца» обернулась, если не реактивным импульсом, то надеждой, как двойные двери в высоких кабинетах, ширмой — во всяком случае. И если кто-то скажет, что пуховая подушка может быть оружием лишь в шуточных пионерлагерных потасовках, то напомним одну старую историю: убийца безобидной домашней подушкой задушил троих.

— Я не злая, как, впрочем, и мой отец. — качает головой Галина Леонидовна, а затем подводит итог. — Вот доброта нас и сгубила!

Доброта эта, брежневской марки, сгубила, несомненно, многих.

О схожести с Леонидом Ильичем жена Чурбанова заговорила, отметив, как само собой разумеющееся, что даже «в подписи старалась отцу подражать». И, нетвердой рукой выводя известную всему миру фамилию, сетует:

— Ну надо ж, такого мужика посадили. Если бы знали вы, как мне Юрку жалко. Черт с ним, сотрясеннем мозга. Вот я бы хотела, чтобы он вышел, жил бы как хотел. Но я его никогда не приму. Пусть возьмёт «мерседес», который он безумно любит. Но — чтоб его не видеть!

Конечно, жаль Юрия Чурбанова. Он был одинок. Несмотря на тысячу шумных приятелей, и всю обласканную родню...

Знакомые Чурбановых-младших вспоминают, что из дома всех троих выпрессовывала именно пристальная опека матери. Которая считала, что вольна распоряжаться не только судьбой каждого из чад, но и карьерой своего супруга, даром что секретарь райкома партии (когда Михаила Васильевича Чурбанова отправляли на работу в Калининград, она обратилась в ЦК

КПСС: так, мол, и так, трое детей, надо оставить на руководящем посту в первопрестольной).

Бывшие коллеги среднего брата, Игоря Чурбанова, вспоминают, что (по его, разумеется, словам) Мария Петровна активно вмешивалась в семейную жизнь наследников и якобы именно она «развела Игоря» и «беделу Юрку подтолкнула к разводу».

Зато, по логике, второй брак первенца встречен был с одобрением не только в семье невесты. Те, кто посещал апартаменты Чурбановых-старших лет десять назад, описывают впечатляющий портрет многоорденоносного отца застоя.

На самом видном месте.

Где эта живопись сейчас?

Не жалеет ли мать о сногшибательной партии своего сына?

Ведь голубой «мерседес», дачи в Барвине, генеральские погоны и отды в Нижней Ореанде бок о бок с первым лицом государства не означают ни счастья, ни душевного покоя, если рядом нет по-настоящему близкой души. Галина Брежнева жила с Юрием неважно. Недружно жила. Это его и ее беда. И, наверное, не только беда, но и наказание.

С 1975 по 1977 гг. Ю. Чурбанов служит в должности заместителя начальника Главного управления внутренних войск (начальником Политуправления ГУВД МВД СССР).

Но его другая «должность» — высочайшего зятя помогла ему на новом поприще вершить чудеса благотворительности. Видимо, в среде работников МВД родилась поговорка, стилизованная под Восток: «Не имей сто баранов, а женись, как Чурбанов».

За семь лет (1970—1977) он вырос от подполковника внутренней службы до войскового генерал-лейтенанта.

Конечно, же Чурбанов оставил в МВД «добрую память». Одни работники этой системы клянут его на чем свет стоит, другие по-прежнему уверяют, что «Юрка — мужик в общем-то неплохой».

Дело в том, что именно ему принадлежит идея создания в органах МВД (подчеркиваем: в органах, а не в войсках!) политотделов по армейскому типу. Цитируем письмо военнослужащего Ж. Ильязова, опубликованное с незначительными сокращениями в одной из газет:

«Если бы это случилось (речь идет о политотделах. — Т. Г.; Е. Д.), то вся милиция, исправительно-трудовые учреждения и прочие органы МВД были бы выведены из-под контроля местных партийных комитетов как при присной памяти Лаврентий Павлыче, ибо, разъясняя для непосвященных, политотделы в армии — это партийные органы с правами и функциями райкомов и выше, и с местными партийными комитетами они только взаи-

модействуют. Но кто-то в ЦК вовремя спохватился, и в МВД были созданы усеченные политотделы с культпросвет- и агитпропагандистскими функциями, подотчетные местным партийным комитетам. Еще одна «заслуга» Чурбанова в том, что он «пробил» через Совмин решение о повышении на 70 руб. оплаты за специальные офицерские звания в МВД, то есть практически приравнял их к воинским офицерским званиям. Короче, социальная и административная деятельность Щелокова и Чурбанова, отцов застоя и коррупции в МВД, требует еще своего исследования, ибо велики последствия...».

Подобные «исследования», на наш взгляд, не особенно поощряются. В высоких кабинетах часто можно услышать lamentации насчет «сроков давности». Чего, мол, поминать грешки десятилетней давности. В новом законодательстве предполагается именно такой временной лимит -- 10 лет за преступления, аналогичные тем, что совершил Чурбанов (взятки). Некоторые юристы прокомментировали этот прогноз коротко: «Они для себя плохого не придумают».

И сразу возникает вопрос: кто — «они»?

Государственные деятели, ответственные работники прокуратур и органов МВД все чаще говорят о коррупции, мафии, иногда называют фамилии. По сведениям, просичившимся в печать, можно сделать вывод, что коррупция — это зачастую «содружество» уголовников и так называемых ответственных работников. Но чем выше ранг такого работника, тем расплывчатей, глуше становятся голоса людей, точно знающих «кто есть кто». Думается, настала пора сказать советским людям всю правду о коррумпированных элементах, независимо от того, кто они — матерые уголовники, персональные пенсионеры или за таившиеся до «лучших времен» властедержатели...

9 сентября 1987 г. Чурбанов решением КЦК при ЦК КПСС исключили из партии «за злоупотребление служебным положением и взяточничество». Спустя 17 дней постановлением Совета Министров СССР лишили воинского звания.

Арестовали же его раньше -- в самом начале 1987 года. Не смог отпраздновать Чурбанов десятилетний юбилей своего триумфа.

...1977-й, Брежнев, оставаясь генсеком, одновременно избирается Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Несколько известных журналистов трудятся на одной из подмосковных дач над последним томом «Ленинского курса». Другие — над первой книгой «нетленной трилогии». И очень скоро местные жители окрестят дачный район, вернее, дачный рай, где живут Брежневые, «Малой землей».

С. Ф. Медунов пышно справляет первую годовщину своего членства в ЦК партии.

В. В. Гришин — другой юбилей (он стал первым секретарем МГК КПСС в 1967-м, тогда же избран членом Президиума Верховного Совета СССР).

Ш. Р. Рашидов знаменито отмечает свое шестидесятилетие и получает вторую Звезду Героя Соцтруда.

Экс-зятью Брежневых Е. Т. Милаеву достается дорогой презент. Этим презентом отмечен его четвертьвековой партстаж.

Ну и Ю. М. Чурбанов, ясное дело, не забыт. К октябрьским праздникам он получает два подарка: звание генерал-лейтенанта (накануне) и пост заместителя министра внутренних дел (после).

Рубеж десятилетия. Афганистан. Олимпиада.

А для Чурбанова?

Еще один рывок.

В 1980-м Юрий Михайлович таинственным образом, без лишнего шума, становится лауреатом Государственной премии СССР — за «успешное проведение Олимпийских игр в Москве».

А до этого, в феврале, его назначают первым замом Щелокова.

Теперь уже первым!

Для Чурбанова — тому есть доказательства в уголовном деле — это бурные дни. Недели торжественно обставленных заповей. Особенно во время инспекционных вояжей по периферии его обширных владений системы МВД. Тем не менее патрон характеризует своего первого зама самым лучшим образом именно в этот период — ведь Щелоковы и Брежневы дружили домами.

Из заключительной речи государственного обвинителя:

— Возглавляя вместе со Щелоковым МВД СССР, Чурбанов, используя свою близость к главе государства и власть первого заместителя министра (кстати, курируя кадры МВД), не гнушался, как это было бесспорно установлено в судебном заседании, пышных встреч, приемов, застолий, обильных угощений и дорогих подношений. Вокруг Чурбанова был известный начальственный ореол. Благодаря этому ореолу он воспринимался выше, чем какой-либо министр. Это была особа, как выразились в старину, приближенная... Все его поступки определялись не столько его личностью, сколько непомерной жадностью, властолюбием, которые были в полной мере использованы многочисленными приспособленцами, угодняками и подхалимами. Таких людей в период застоя в нашей стране было немало, и жилось им, как нам известно, неплохо.

И еще на один момент обратил внимание прокурор.

— В интервью журналистам и в процессе судебного разбирательства адвокат подсудимого Чурбанова постоянно проводит линию и пытается внушить, что его подзащитного хотят осудить лишь за родственные связи. За родственные связи, какими бы высокими они не были, к уголовной ответственности не привлекают. Но говоря о Чурбанове как о взяточнике, нельзя сбрасывать со счета его родственную связь, ибо именно благодаря ей, этой связи, а не его личным заслугам, он так высоко вознесся, получил власть и так воспринимался во всех регионах страны, где ему отдавались чуть ли не королевские почести. Хотя по своим деловым качествам и профессиональной подготовке он конечно, далеко не дорос до того поста, который получил из рук «добренького» тестя... В невероятно сжатые сроки он получил три генеральских звания и как на дрожжах вырос до генерал-полковника. Даже на фронте, во время войны, так не разбрасывались званиями. Войдя во вкус и проявляя необузданную корысть, будучи уверенным в своей неприкосновенности, Чурбанов стал брать взятки систематически и крупными денежными суммами...

Суммы действительно были немалыми. Но куда же они пропались? Юрий Михайлович то намекал на покойного тестя, то указывал на здравствующую супругу (хотя и проходившую по делу как свидетель, но на суд ни разу не явившуюся), однако отчетливо разъяснить, на что и как потратил деньги, или где их спрятал, так и не смог. На это обратил внимание судей государственный обвинитель:

— Где деньги? Позиция Чурбанова по данному вопросу, мягко выражаясь, непоследовательна и противоречива. В ходе следствия он объяснил конкретно расход незаконно полученных денег только на сумму примерно 60 тысяч, из них — около 30 тысяч рублей на покупку различных золотых ювелирных изделий, которые хранил у сестры. Ей же дал еще 7 тысяч рублей, купил примерно за тысячу рублей столовый сервиз. Все эти предметы, а также сберкнижка Осиной — сестры Чурбанова — изъяты в ходе следствия и приобщены к делу. Эти обстоятельства, исследованные в судебном заседании, также нашли свое подтверждение. Что же касается основной суммы полученных взяток, то показания Чурбанова об этом не выдерживают критики. Он назвал вначале местом хранения денег свою дачу, тут же отказался от этой версии и выдвинул другую. Среди «хранителей» взяточных денег он называл сестру, отца и мать, жену, а в самом конце следствия заявил, что порядка 300 тысяч рублей он передал заведующему отделом торговли МВД СССР Вашкову, который вскоре скончался и денег не возвратил».

В судебном заседании Чурбанов, воспользовавшись своим

правом не давать каких-либо подробных пояснений, лишь заявил, что полученные деньги растратил. Об этом тоже говорил гособвинитель:

«...Сидящие на скамье подсудимых люди имеют право на защиту, и это право реально обеспечено присутствием персонально у каждого квалифицированного адвоката, а также право каждого подсудимого давать пояснения, как он пожелает, или вообще отказаться от показаний, как это сделал Чурбанов. Особенно ему не давался вопрос о том, куда он девал полученные от взяткодателей деньги».

Это, подчеркиваем еще раз, вопрос не последний. И ответить на него нелегко и Чурбанову, и тем, кто его оправдывал.

Не станем здесь подробно анализировать адвокатскую тактику. Но о прозвучавших пассажах относительно «вмешательства прессы» стоит высказаться. Причем, словами того же прокуратуры:

Смелые журналисты — это правофланговые нашей перестройки. Они вездесущи и, в подавляющем большинстве, объективны. Они не боятся поднять свой голос, обнажить перо и ринуться в бой за правду и социальную справедливость, за то, чего нам многие годы не хватало. В последнее время с их помощью мы получили возможность узнать «кто есть кто» и «что, где, когда». Именно из прессы общественность узнала о крупных уголовных делах, имевших место в разных регионах страны. Публикации типа «Наследнички», «Кобры над золотом», «Судьба прокурора», «Бурные аплодисменты», «Брежнев и крушение оттепели», «Притерпелость», «Возвращение к правде», «Мафия — неизбежность или парадокс?», «Противостояние» и многие другие широко открыли нам глаза...

Глава 18   СТРАЖИ ПОРЯДКА ВРЕМЕН БЕЗЗАКОНИЯ (БЕГЕЛЬМАН)

После приговора Ниагарой обрушились новые публикации. В некоторых из них давалась недоброжелательная оценка следствию. При этом большинство журналистов было, тем не менее, единодушно в своей неприязни к подсудимым.

Так же, как сами подсудимые единодушно настроены против следствия. Однако единодушные, как известно, не означает слияния душ. Вместе с Чурбановым на скамье подсудимых находились разные люди.

Среди них две, на наш взгляд, интересные фигуры. Экс-министр внутренних дел республики Х. Х. Яхъяев, сидевший в противоположном от Юрия Михайловича конце массивной, как и сами эти люди, лавки. И его сосед справа, бывший замминистра

МВД республики по строительству И. Б. Бегельман (аналогичных должностей не было в МВД других союзных республик).

Про Яхъяева разговор особый. Слишком сложный и противоречивый характер у этого человека, когда-то работавшего тюремным надзирателем и всю жизнь с пафосом писавшего стихи. В день приговора, когда решением суда ему была изменена мера пресечения и молодцеватые конвоиры отворили тяжелую деревянную калитку «ложи подсудимых», он дал короткое интервью. Оказывается, бывший страж порядка продолжал и в заключении сочинять пространные поэмы. О чем? Никогда не догадаетесь — о перестройке!..

А вот с именем Бегельмана связан самый внушительный (по сумме) эпизод, выявленный следствием. Во время процесса вокруг этого случая развернулась самая настоящая баталия.

В конце концов А. В. Сбоев снял, что называется, спорный эпизод. Судебная коллегия согласилась исключить из обвинения солидную сумму в полмиллиона рублей.

Дело вот в чем. Следствие доказало, что получал полагающуюся ему мзду удачливый зять Брежнева как от Яхъяева, так и от его преемника Эргашева.

Про нового министра по всей республике говорили, что он де чурбановский ставленник. И следователи уверены по-прежнему, что самую крупную взятку от нового министра Чурбанов получил осенью 1982 года.

Бегельман еще в первые дни после ареста рассказал об обстоятельствах передачи им взятки от Эргашева в октябре 1982 года. Когда Чурбанов находился в Ташкенте, в один из дней ему была приготовлена баня и ужин в поселке Черняевка. Бегельман занимался там хозяйственными вопросами. После ужина в гостинице его вызвал Эргашев и передал дипломат черного цвета, сказав, чтобы он спрятал его и хранил у себя дома.

Дней через пять Эргашев вновь вызвал его и предложил срочно вылететь в Москву для доставки дипломата Чурбанову. Одновременно с билетами вручил ему ключи от дипломата. При этом рассказал, где он должен встретиться с Чурбановым, предупредил, чтобы поездка осталась в тайне.

«Как мне и было предписано, я вышел из здания аэропорта и пошел налево к стоянке автомашин. Минут через 10—15 мимо меня прошла и остановилась машина черного цвета... Ко мне подошел мужчина лет 35, упитанный, блондин, он был одет в темный костюм и галстук. Мужчина спросил меня, откуда я и как моя фамилия. Я ответил... Он предложил сесть в машину. Я открыл дверцу справа сзади и увидел там Чурбанова... Он сказал: «Садитесь». Я сел в машину на заднее сиденье рядом с ним. В пути я положил дипломат на сиденье, а на него ключи от зам-

ков. Затем вытащил сверток с 20 000 руб. и положил его сверху дипломата, при этом сказал Чурбанову: «А это вам от меня». Он ответил: «Хорошо», после чего я попрощался и вышел из машины....».

О мотивах дачи им лично взятки Чурбанову Бегельман показал:

«Такое решение я принял еще в Ташкенте перед вылетом в Москву. Предполагая, что мне предстоит встретиться с Чурбановым в качестве курьера Эргашева, я решил также использовать этот благоприятный момент для дачи взятки... В Ташкенте Эргашеву я не сказал, что дал Чурбанову еще лично от себя 20 000 руб. Я рассчитывал на то, что в будущем будет возможность еще раз оказать какую-нибудь услугу Чурбанову, а это упрочит мое служебное положение. Действительно, через два-три месяца как-то в разговоре Эргашев сказал мне, что Чурбанов хорошо обо мне отзывается».

Чурбанов о получении от Эргашева через Бегельмана взятки в размере 200 000 руб. сообщил в своем заявлении Генеральному прокурору СССР 15 января 1987 г., т. е. на следующий день после своего ареста.

На допросе 4 февраля 1987 г. он вновь подтвердил получение от Эргашева через Бегельмана взятки, однако стал утверждать, что дипломат предназначался не ему, а министру внутренних дел Щелокову, по просьбе которого он встретил в аэропорту Бегельмана, а на следующий день передал дипломат с деньгами Щелокову в его кабинете.

— Накануне вечером у себя на даче, — пояснил Чурбанов, — я осмотрел содержимое дипломата и обнаружил, что в нем сверху наложены пачки денег в банковской упаковке... Из опыта (!!! — Т. Г., Е. Д.) я знал, что в дипломате может поместиться тысяч 200—300, хоть их и не пересчитывал...

18 сентября 1987 г. на очной ставке с Бегельманом по поводу передачи ему дипломата и свертка Чурбанов заявил:

— Я очень внимательно слушал Бегельмана и, честное слово, приходится только удивляться той бессовестности, с которой говорит Петр Борухович. Я в Москве его не встречал и не знаю об этом приезде... Естественно, не может быть и речи о деньгах. Много вот сейчас, когда это обдумаешь, много в голове возникает вопросов... К показаниям Бегельмана я отношусь самым отрицательным образом.

Отречение от своих прежних показаний Чурбанов мотивировал тем, что якобы ранее «проявил малодушие». Несмотря на то, что в зале суда Бегельман продолжал настаивать на передаче денег Чурбанову, тот категорически отрицал даже сам факт поездки тем промозглым вечером из аэропорта «Домодедово»

до гостиницы «Спорт», где, по словам своего бывшего подшефного, они и расстались.

Главным козырем адвоката Чурбанова стала скромная справка: у «Спорта» нет стоянки такси. А Бегельман, такой нехороший, утверждает, что вылез из машины «на стоянке». Те, кто живет напротив гостиницы «Спорт», могут засвидетельствовать: вечерами около нее дежурят «зеленые огоньки», ничуть не смущаясь отсутствием официального знака стоянки. И ничего нет в этом удивительного. Ни для кого. Кроме адвоката, пожалуй.

Короче, в суде этот эпизод, что называется, «не прошел». Чья это ошибка?

Аэрофлотские документы, как оказалось, так долго не хранятся. А следственный эксперимент по так называемому хронометражу не проведен. Доверяя Бегельману и показаниям самого «зятка», следствие упустило возможность проведения эксперимента, что в конечном итоге сыграло на руку Чурбанову. Ну что ж, все сомнения в пользу обвиняемых. Но и суд почему-то не провел требуемый следственный эксперимент...

Пожалуй, это самый «детективный» фрагмент «чурбановского дела».

Недоказанность вины означает, как известно, доказанность невиновности.

И все-таки, неужели описанная встреча — плод странных фантазий Петра Боруховича Бегельмана?

Настойчивость, с которой он стоял на своем, многих удивила.

Веры ему куда больше, чем «сиятельному зятю любезного генсека».

Бегельман слыл настоящим профессионалом. Да и в быту, выяснилось, был не по чину скромнен. Брать-то брал, но под пресом беспощадной системы. Не он ее сотворил. А за то, что не смог ей противостоять, — получил ему причитающееся. Причем в полтора раза больше, чем требовал обвинитель. Поучительно? Может быть. Но справедливой такую «развязку» назвать не поворачивается язык.

Глава 19

САМОУБИЙСТВА

Несправедливо и то, что до сих пор остаются в тени те, кто препятствовал скорому расследованию этого дела. Арест Чурбанова оттягивался более года.

За это время он успел спрятать концы в воду.

И в огонь.

Среди немногочисленных «вещдоков» — роскошный нацио-

нальный халат (чапан), который у него выпросил сосед, увидев, как «Юр-Михалыч» сжигает во дворе своей подмосковной дачи улики, имеющие отношение к данному делу (Чурбанов прекрасно был осведомлен, что именно инкриминирует ему следствие).

Сейчас экс-генерал жалеет, наверное, что, поддавшись на просьбу верного, как ему казалось, знакомого, не предал огню золотошвейное свидетельство одного из своих дальних визитов.

А кто-то наверняка жалеет, что сам Чурбанов не поддался жесткому прессингу и не покончил с собой.

Ведь очень многих устроило бы, если б вице-министр последовал вослед своему непосредственному шефу Щелокову. Который перед тем, как выстрелить себе в голову из охотничьего карабина, написал демагогическую записку на имя К. У. Черненко, где жаловался на «травлю» и оставлял за собой право на звание «верного ленинца».

Мы уже рассказывали о самоубийствах высших чинов МВД.

А теперь снова о том же, потому что с «делом о коррупции» сопряжено много таких драматических кончин...

— Люди называют его — наш Ленин, — говорила жена бывшего первого секретаря Кашкадарьинского обкома партии Р. Гаипова, показывая гостям праздничный пиджак мужа, побрежневски щедро увешанный блестящими наградами.

Говорила, как и пристало сиятельной супруге сановника-миллионера, степенно и вальяжно, хотя и не без тревоги — ее предательски выдавал голос — гости уж больно неожиданные.

Гости были из следственной группы Прокуратуры Союза.

...С трудом получив из Москвы сдержанное согласие на арест вельможного преступника, руководитель группы с несколькими проверенными коллегами, которым он доверял полностью, приехал в одну из самых северных областей Узбекистана. Там, в Ургенче, проживал бывший «хозяин» области южной.

Сразу после приезда следователи занялись праздными делами. Для отвода глаз. Почему? Местные правоохранительные органы пришлось дезинформировать относительно истинной цели визита. Иначе трудно было рассчитывать не только на успех операции, но и на личную безопасность (одно из покушений на руководство группы лично санкционировал бывший министр внутренних дел Узбекистана К. Эргашев!).

Пару дней следователи мотались по окрестным достопримечательностям, а вечером демонстративно отдыхали: не таясь посторонних, вели разговоры о хлопке, урюке, своих делах. Короче, делали все от них зависящее, чтобы местные мафиози не разнюхали о действительной цели их командировки.

Москва категорически запретила арестовывать вельможного вора и взяточника в стенах его собственного особняка; ор-

дер на арест разрешили предъявить лишь в здании облпрокуратуры.

Предстояла весьма щекотливая операция — тактично и аккуратно пригласить Гаипова в это строгое учреждение. Кстати, подобная практика навязывалась следствию постоянно. Как будто предъявление ордера на арест не означает пресечения прежних привилегий. Однако «высокий чин» пожелал, чтобы арест выглядел чинно и благородно. Надо уточнить, что это «пожелание» выглядело как требование. Скажем прямо: такое требование, учитывая весь драматизм ситуации, выполнить не легко. Но...

Вот уже битый час сидели необычные гости из следственной группы Прокуратуры СССР (представились они, заметим, работниками республиканской прокуратуры, благо южное солнце их уже надежно высмуглило, да и языком овладели за годы работы вполне сносно) в «ханском дворце», пили отборный зеленый чай и вели неторопливую беседу с Гаиповым. Затем хозяин дома тихо вышел из гостиной, оставив супругу с гостями. Напоследок он улыбнулся. Странно смотрелась эта улыбка на побледневшем лице. Он, наверное, все понял.

Тревожно переглянувшись, следователи устремили взгляды за входящим в спальную комнату Гаиповым.

— Люди говорят, мой муж справедлив и мудр, — продолжала Гаипова. — Люди любят его.

...Услышав крик из спальни, следователи и домочадцы Гаипова бросились туда. Они опоздали. До того, как удалось вырвать кривой восточный кинжал из окровавленной руки Гаипова, он успел изрезать свое привывшее к холу тело.

— Уходите, — хрипел умирающий.

— Вы виноваты! — кричала жена.

— Вы, вы... — истерично вторила ей дочь.

Тринадцать ножевых ранений. Оборвалась жизнь, которая могла бы не оборваться, если бы... — Нет сомнений, в Москве кто-то облегченно вздохнул, узнав об этой драме.

К тому, какие тайны унес с собой самоубийца, мы еще вернемся.

Самое горькое, что история с жестоким хакакири не единична. Один из подследственных, брат Г. Мирзабаева, сообщив местонахождение трех тайников с преступно найденными сокровищами, на следующий день выбросился из окна. В оставленной записке он отказывался от своих показаний, уверял, что ввел следствие в заблуждение. Тем не менее по всем трем адресам были обнаружены подпольные хранилища с ценностями на сотни тысяч рублей.

Что заставило взрослого, серьезного мужчину, исполосо-

вав разбиваемым стеклом вытянутые вперед руки, безрассудно шагнуть в оконный проем навстречу асфальтовой бездне? Стыд перед братом, с которым он был «завязан» через эти тайники? Желание избежать публичного позора? Или боязнь чьей-то мести (в соседней области женщину, помогшую следствию, косыми взглядами, угрозами и откровенной бранью довели до самоубийства)?

По поводу самоубийств (или убийств?) можно сказать лишь одно: их слишком много и они слишком часты.

Но — кто?! Кто предупредил того же К. Эргашева о готовящемся аресте? И подсказал ему скорый и удобный (для вышеставленных пособников) выход — пулю в лоб (он застрелился 15 августа 1984 г., когда оперативные машины уже были готовы рвануться к его дому). Не те ли, кто до этого затруднял привлечение министра-преступника к уголовной ответственности ссылками на его «неприкосновенность» — депутатство в Верховном Совете республики и членство в республиканском ЦК? Не те ли, кто награждал уже выявленного взяточника почетными правительственными наградами? Подобная практика сохранилась и по сей день. Руководство группы находилось в Ургенче в мае 1988 года, когда пришло сообщение: «Москва не разрешает взять Усманходжаева». Вскоре следователи узнали, что некоторые из их подопечных стали делегатами XIX партконференции. Это вынудило их написать в журнал «Огонек». Впрочем, неопровержимость улики может подтвердить лишь суд. Но когда до суда-то дойдет? Самое трудное — передать собранное в суд (Ах, сколько их, «волосатых», но таких холеных рук!).

Кто? Кто подкинул пистолет бывшему первому заместителю министра внутренних дел Узбекистана? Ведь и руководителем МВД не положено лежать в госпитале вооруженными. А мы уже писали — Г. Давидова нашли на госпитальной койке с тремя пулевыми ранениями в голову! Первая порция свинца выбила челюсть. Вторая застряла в затылке. Третья пуля прошла через висок. Самоубийство? Может быть, может быть... Медики говорят — всякое случается.

И все-таки: кто заставляет сановных казнокрадов нажимать на курки именных пистолетов?

Хочется игнорировать скандальную версию профессионально срежиссированных «убираний со сцены». Убийство — даже смертельно опасного свидетеля, но такого ранга! — вещь настолько постыдная, что хочется верить: подобные «спектакли» остались лишь в нашем позорном культовом прошлом, когда вообще творились садистские чудеса.

Быть может, прав публицист, писавший, что такие трагиче-

ские решения вчерашние руководители «приняли не от ужаса за содеянное, а от жгучей обиды»?

Вероятно, трагические концы ушедших из жизни чиновников предопределены были тогда, когда они не смогли свести слово с делом, поддались сладкой фальши общего ликования, не сладили с Ее Величеством Системой.

Это только у орденов не бывает оборотной стороны, а у постов и должностей, оказывается, бывают. «Власть в виде пирамиды устойчива, но имеет маленькую голову». И еще один афоризм: «Ценность коррупции в том, что она разъедает старое общество и создает новое». Сотни тысяч рублей получали высокопоставленные мафиози. Как настаивают в судах их адвокаты — в виде невинных «подарков». Напрашивается вопрос: почему не «дали» простым труженикам? Впрочем, не будем повторяться. В конце концов каждый может припомнить: дарили ему когда-либо презент за сто тысяч рублей?

В чем подоплека самоубийства? Светлана Владимировна Щелокова, например, не выдержала «унижений»: ее перестали приглашать на приемы, предъявлялись счета за стирку белья, не замечалось прежнего подобоострастия шоферов. Ну, а ее муж Николай Анисимович не мог не догадываться о мрачных перспективах.

Пожалуй, если бы дело дошло до суда над бывшим министром, он так же, как и Чурбанов, великодушно бы согласился: мол, брал у такого-то. Сколько? А сколько он говорит, что дал, столько я и взял, дескать, имярек — честный порядочный человек. «У меня нет оснований не доверять его показаниям».

Честный. Просто другие законы, другие понятия о честности, «комильфо».

Трудно, рассказывая о необычной кончине пожилых уже людей, не сбиться на пустопорожнее морализаторство. Ведь, в конце концов, они сами методично, от конверта к конверту, увеличивая личное «благосостояние», поднимаясь по служебной лестнице, неизбежно опускались нравственно.

Одни погибали, другие получали свой срок. Неизбежный финал? Нет! Не дай в свое время Ю. В. Андропов импульс всем этим делам, все могло и «обойтись».

И остались, остались у них наследники, любители сладко покуражиться над Законом. Хватит нам питаться «волнительными» слухами, пора открывать еще одну «закрытую тему». Ту, что по-прежнему отгорожена запретительными плагбаумами.

Потому что эта «закрытость» — одна из побудительных мотивов самоубийств прошедших и, не дай Бог, грядущих.

Отступление (последнее)

Мы так много страниц уделили «стражам порядка времен беззакония», поскольку распространение коррупции было бы невозможно (с таким размахом, во всяком случае) без поддержки нечистоплотных работников правоохранительной системы.

Некоторые из упомянутых нами чинов (Щелоков, например) не проходили по «бухарскому делу», однако их вклад в «дело общее» столь весом, что умолчать о них значило сузить ретроспективу, дать неполную картину царившего в стране произвола.

...Руководители столь высокого ранга, став организаторами взяточничества, вовлекали в преступную деятельность своих подчиненных, а те в свою очередь — своих, и таким образом каждое нижестоящее звено становилось жертвой и соучастником своего руководства. Зависимые по службе лица, выступающие в роли взяточдателей, заведомо ставились в такие условия, когда многие жизненно важные вопросы для них решались посредством дачи взяток...

Развитию негативных явлений в республике особенно способствовало то обстоятельство, что преступная клика во главе с Рашидовым находила поддержку и покровительство у части высокопоставленных лиц в Москве. Подобная поддержка была обусловлена не только лестью и угодничеством, присущим Рашидову, но и соображениями меркантильного характера. Иначе говоря, эти связи были проникнуты духом коррупции, когда немалая часть взяток передавалась руководящим работникам в Центре. По существу подобные отношения в конечном итоге привели к тому, что Узбекская ССР была выведена из зоны критики. Рашидов, воспользовавшись этим обстоятельством, отойдя от основного партийного принципа коллективности руководства и сосредоточив в своих руках неограниченную и бесконтрольную власть, стал усиленно насаждать командно-административный стиль руководства. Именно в этот период в республике утвердились культ личности первого лица — «пророка», обстановка парадности и благополучия, замалчивание недостатков, нарушения принципа подбора и расстановки кадров. Продолжая свою антипартийную линию и используя нечистоплотные методы политической борьбы, Рашидов сумел устранить из руководства республики и областей неугодных ему, находящихся в оппозиции лиц. Для окончательного утверждения в 70-е годы режима личной власти он окружил себя такими деятелями, «для которых единственным принципом стали беспринципность, собственное благополучие и карьеристские соображения»...

Рассказывая об этих явлениях и основных причинах, породивших взяточничество, бывший секретарь ЦК Компартии Узбекистана Абдуллаева Р. Х. отметила:

— С 1955 года я занимала различные руководящие должности. Была достаточно информирована и могла наблюдать развитие тех негативных процессов, которые теперь стали предметом исследования... Я считаю, что невозможно рассматривать разложение части кадров в системе МВД СССР в отрыве от происходящих в стране процессов... Негативные явления в период 70-х — начала 80-х годов названы годами застоя в экономике, социальной и идеологической сферах. В этих условиях оказались выведенными из зоны критики и контроля целые регионы и республики, в частности, Узбекистан, Казахстан и другие, руководители которых пользовались поддержкой и покровительством высшего эшелона власти. Бесконтрольность и безнаказанность в условиях Узбекистана привели к созданию в республике политической мафии во главе с первым секретарем ЦК КП Узбекистана Рашидовым. Мафия ничем не брезговала, вплоть до молчаливого согласия на активизацию ислама, проповедующего, как известно, покорность и непротivление старшему по чину и возрасту... Отсутствие контроля и партийного спроса со стороны Центра, более того, закрытие прорех в экономике республики частым субсидированием из союзного бюджета приводили к тому, что трещины в экономике Узбекистана расширялись, причины, порождающие их, глубоко не анализировались как в республиканских, так и в союзных органах, все это «замазывалось» массовыми приписками... Это фактически можно сравнить с крупной экономической диверсией, последствия которой еще будут сказываться многие годы... В руках мафии органы внутренних дел, сами пораженные взяточничеством, выступали и в качестве важнейшего орудия прикрытия коррупции в других областях народного хозяйства. Учитывая значимость этих органов, соответственно подбирался и его начальствующий состав из лиц, лично преданных мафии... Органы внутренних дел были поставлены в такие условия, при которых они не были заинтересованы в том, чтобы раскрывать и показывать истинное трагическое положение дел, вести подлинную борьбу с коррупцией. Более того, эта ситуация позволяла недобросовестным и нечестным работникам «ловить рыбку в мутной воде», злоупотреблять своим служебным положением...

О масштабах разложения кадрового корпуса в различных ведомствах республики свидетельствуют не только количество вовлеченных в корыстные преступления должностных лиц, но и размеры изъятых у них многомиллионных ценностей.

У Каримова изъято ценностей на сумму 6 млн. руб., у Му-

заффарова — свыше полутора млн. руб., у директора Бухарского горпромторга Кудратова — 4,5 млн. руб., у первого секретаря одного из обкомов партии — свыше 6 млн. руб., у первого секретаря одного из РК КП Узбекистана более 2 млн. руб. Также изъяты ценности — от нескольких сотен тысяч до миллиона рублей и более — у других секретарей ЦК, обкомов, горкома, райкомов партии и других обвиняемых.

Свои люди

Шоды Кудратов представлял в «бухарской троице» торговое звено (Музаффаров — милицейское, Каримов — партийное). И его методика «работы с кадрами» была значительно круче, чем в других сферах местной мафии. Бесцеремонность его приемов куда четче, скажем, напористости Музаффарова, хотя и тот «умел» обращаться со своими подопечными.

Однажды Музаффаров столь свирепо рычал на даму, выполнявшую его деликатные поручения по стряпанью анонимок Каримову, которые сам же Ахат потом и «разбирал», что с молодой уже женщиной приключился младенческий конфуз. Это, однако, ничуть не смутило офицера.

— Пойди немедленно, принеси тряпку и ведро, убери за собой.

Это при том, что Музаффаров слыл дамским угодником и весьма придирчиво оформлял «заказы» на платных девиц.

Словом, Музаффаров в общении с людьми зависимыми являл собой образец «как нельзя». Но Кудратов здесь запросто мог дать ему фору.

Из обвинительного заключения

«Кудратов Шоды, работая директором Бухарского горпромторга с 29 сентября 1976 г. по 3 мая 1983 г., занимая ответственное должностное положение, путем передачи взяток вошел в доверие руководства УВД Бухарского облисполкома, бывшего первого секретаря Бухарского обкома КП Узбекистана Каримова, пользуясь их покровительством, невмешательством вышестоящих органов, бесконтрольностью за его деятельностью со стороны государственных и общественных организаций, в целях личного обогащения, создал в Бухарском горпромторге систему получения взяток от подчиненных работников. Использовал для этого допускаемые ими нарушения, зависимость при решении различных вопросов,

оскорбления, систематические избиения, обман, угрозы побоями, привлечением к уголовной ответственности. Своими действиями вынуждал их добывать средства для дачи ему взятки путем систематических хищений, обмана и обсчета покупателей... С декабря 1980 года по январь 1983 года, путем вымогательства взятки от заведующего магазином № 65 Ахадова И. за поддержку по работе, за благосклонное отношение, деньгами получил 7500 рублей и два бытовых кондиционера стоимостью 780 руб. 40 коп., похищенных из магазина... С января 1979 года по март 1983 года, путем вымогательства, от заведующего складом № 2 Касимова Х. — взятки, добытых путем обмана, обсчета покупателей деньгами 133325 руб., промышленными товарами на 15380 руб., добытых путем хищения, и 2000 руб. из личных средств за выделение автомашины, а всего взятки на 150705 руб. Кроме того, Кудратов Ш. под предлогом сдачи денег в кассу забрал у Касимова Х. выручку в сумме 50068 руб. и присвоил... В феврале 1983 года от заведующей магазином № 16 Раджабовой З. получил 1000 руб., обещал вернуть деньги, но взятую сумму не возвратил, а присвоил, сознавая, что они были изъяты для него из кассы, то есть похищены... В апреле 1983 года у заведующего магазином № 18 Галимова Р. под предлогом сдачи в кассу забрал выручку в сумме 4870 рублей, но деньги не сдал, и, несмотря на неоднократные требования Галимова Р., ему не возвратил, а присвоил».

Кудратов просто забирал и присваивал выручку из торговых точек, а когда ему возражали, действовал силой. Он брал взятки не только деньгами. В качестве своеобразных «борзых щенков» ему давали кондиционеры, холодильники, телевизоры, одежду, обувь, ткани, краски, предметы туалета. Всего в ассортименте подношений числилось больше сотни наименований товаров. Культ денег и грубой силы, запугивания, злоупотреблений, обмана и провокаций стал нормой повседневного поведения этого мародера. Алчность и безнаказанность толкали Кудратова на поиск любых, самых аморальных способов обогащения. Культ денег окончательно вскружил ему голову, и на какое-то время он возомнил себя личностью, которой все дозволено. В помещении склада № 5 Бухарского горпромторга за опоздание на работу и отсутствие на рабочем месте избил заведующего складом. Его же избил в магазине № 12 за неявку на рыночную торговлю, в январе 1982 года — за опоздание на работу, в сентябре того же года — за то, что в магазине находились работники других торговых организаций, в октябре того же года ударил на рынке, когда тот стоял и с кем-то разговаривал. Наносил побои и в мае 1982 года.

В мае и августе 1982 года за грязь подверг избиениям в

помещении магазина и у себя в служебном кабинете заведующего магазином № 17. В январе 1981 года за опоздание на работу, возле магазина № 12, избил продавца этого магазина. В июле 1982 года за отказ продавать ткань по завышенным ценам на рынке подверг избиению продавца. В сентябре 1982 года избил продавца магазина № 34 за то, что тот лечил ноги на рабочем месте в помещении магазина. Осенью 1982 года за отпуск в магазинны товаров без его разрешения в своем служебном кабинете ударил заведующего складом. В январе 1983 года за невыполнение плана товарооборота в помещении магазина № 22 ударил по лицу заведующего...

Продолжать? Приговор по делу лютого директора занимает не один десяток страниц.

Музаффаров «сдал» главу торговой мафии города одним из первых. И недели не прошло после ареста Ахата, как задержали самого богатого из благодателей «эмира».

3 мая 1983 г. безжалостный Шоды вершил послепраздничный обход своих владений — торговых точек, облепивших узкие улочки Старого города. В этот прохладный, по здешним представлениям, день он был настроен сравнительно благодушно. Точнее — не так зол, как обычно. Он, конечно, знал о задержании Музаффарова, но ничуть не сомневался — все обойдется.

Работники КГБ, задержавшие Шоды, вспоминают, что он вышел на залитую белым майским солнцем улицу с весьма праздничным выражением лица. Очень растерялся, когда его, подхватив под локти, стали «загружать» в стремительно подкатившую «Волгу». Начал вырываться, что-то испуганно голосить. Пришлось не очень вежливо закутать директора в подол его же собственного плаща и, накрыв с головой, втолкнуть на заднее сиденье.

В тот же день произвели обыск в доме № 5 по улице Индивидуальной (!). Жилище повелителя бухарских лавок и универмагов украшали картины, среди коих почетное место занимал гобелен, выполненный из каракуля черного и белого тонов: величественный Шоды вместе со своей супругой.

«Мой дом — моя крепость». Этот британский тезис директор Бухарского горпромторга усвоил буквально: капитально сработанное строение окружал дувал трехметровой высоты. Впрочем, ему было что таить. После археологических изысканий на огороженной территории обнаружены были гигантские — десятилитровые! — фляги с золотом.

Одну флягу, кстати, тем майским днем не нашли. Ее потом герепрятали в ближайшие кишлаки, но в конце концов и этот клад и последнюю флягу, облитую битумом, обнаружили. Правда, спустя два года.

Пришлось для этого задержать на трое суток жену Шоды. Она клялась: ничего не осталось. Но после того, как выписали постановление об аресте, сдалась. Тут же сели в машину. Селение — всего-то в 30 километрах от Бухары. Приехали уже ночью.

Постучались. Открыла хозяйка. Поняв, что за гости пожаловали, ватно опустила на корточки, заплакала. Кудратова ее успокоила, стала целовать, гладить по голове.

— Не волнуйся, все будет в порядке, выкопаем золото и уедем.

Руководитель следгруппы, чтобы как-то снять стресс, буднично попросил:

— В каждом узбекском доме с чая начинают. Угостите, пожалуйста.

...Погода пакостная, земля промерзла на глубине, а сверху — слякоть. Копали долго. Батарейки в фонариках подсели, светили свечами. Глубина — метр, два, три. Без результата. Хозяйка пожимает плечами: «Муж закапывал. Подождем, когда вернется с работы». Оказалось, что это было так называемое «мусульманское захоронение»: вертикально вниз, затем перпендикулярно вбок... Когда вынули бидон с золотом, хозяйка упала в обморок.

Хотя не исключено, что у Кудратовых еще кое-что осталось. Во всяком случае, когда следствие по делу шло к финишу, на одном из допросов Шоды, навалившись массивной грудью на стол и заглядывая следователю в глаза, спросил:

— Я — надежный мужчина, верно? Ведь ни в чем не признался.

Следователь согласился. Ну и что из этого, поинтересовался, следует?

— А то, что получишь миллион. Мало? Сколько надо? Сам скажи. Только сделай так, чтобы жизнь сохранить. Мы все так обставим, что комар носа не подточит. У меня верные люди есть. Никто не узнает.

Даже «эмир» на такую откровенность не отважился. А директор Кудратов так ничего и не понял.

Он был человеком недалеким и невежественным, признающим только власть денег, говорил открыто, что все продается и покупается. Кудратов был настолько убежден в этом, что и следователям, повторим, предлагал взятку в размере миллиона лишь за содействие в сохранении жизни, а уж из колонии, дескать, он со временем «выскользнет» сам.

Следствие не выявило ни одного, даже малозначительного обстоятельства, которое могло бы смягчить его ответственность перед правосудием.

Что же касается Каримова, то он, признавая свое неправомерное поведение на первоначальном этапе следствия, в конце заявил: «Я был первым, не было до меня случая, чтобы человека моего уровня посадили в тюрьму. Поэтому вначале не говорил правду и не выдавал ценности, надеялся, что все же выручат, избавят от ответственности. Теперь на моих ошибках учатся «товарищи», которых арестовывают...».

«В соответствии с протоколом обыска и приложенной к нему схемой в тайниках под номером 1 обнаружено 115 золотых монет, под номером 2 — 893 монеты, под номером 3 — 721 монета. Кроме того, жена подсудимого Кудратова М. указала известный ей тайник во дворе дома, где было обнаружено 1358 монет, а также добровольно выдала хранящиеся у родственников ценности, где наряду с ювелирными изделиями оказалось 1006 монет из золота. Всего же было обнаружено и изъято 4107 монет. Из них дореволюционной чеканки 4050, а иностранной — 57 штук. В соответствии с заключениями экспертиз изготовлены они из золота различной пробы, стоимость их определена 909022 руб. 59 коп. На судебном заседании установлено, что Кудратов Ш. не только хранил эти валютные ценности, а также скупал и перепродавал. Так, свидетель Каримов А. в судебном заседании показал, что Кудратов Ш. предложил ему скупать изделия из золота. Наряду с ювелирными изделиями, приносил монеты дореволюционной и иностранной чеканки. Подтвердил, что скупал их у Кудратова Ш. с 1979 года по различным ценам: 50—100—400 рублей в период. То, что Кудратов приносил изделия из золота в дом к Каримову, подтвердила в судебном заседании жена последнего — Каримова М. Она же на следствии утверждала, что Кудратов Ш. приобретал монеты у какого-то человека из города Самарканда, а Каримов для этого передавал крупные суммы денег... Оценивая показания Каримова в той части, что ценности у Кудратова не хранил, судебная коллегия считает, что они являются неискренними и опровергаются показаниями Кудратовой М., которая на предварительном следствии и в судебном заседании утверждала, что весной 1983 года ее муж Кудратов Ш., будучи в нетрезвом состоянии, указал на место, где хранилось золото Каримова. Впоследствии это место она показала работникам следствия, где было обнаружено 1358 монет... Судебная коллегия считает, что Каримов доверил Кудратову хранение 1358 монет и 200 000 руб. денег в период после ареста Музаффарова... Доводы Кудратова, что ювелирные изделия, деньги, монеты оставил тесть, не заслуживают внимания и опровергаются его собственными показаниями на предварительном следствии, где он вообще отрицал принадлежность имуще-

ства тестю, близким родственникам. Не подтверждали принадлежность ценностей и дети тестя Кудратова, умершего в 1979 году: Халилова М., Халилова О., Халилов К., Кудратова М. Все они заявляли, что никакого наследства их отец Халилов Г. не оставлял, отношения между ним и Кудратовым Ш. характеризовали натянутыми и исключали возможность, что их отец мог доверить ценности последнему. Доводы Кудратова опровергаются также тем, что ювелирные изделия, хранившиеся в тайниках, в основном были изготовлены после смерти Халилова — тестя Кудратова Ш., о чем свидетельствует заводская маркировка, и в тайники они укрывались после 1979 года».

Глава 21

ПИСЬМО

Из газеты его незамедлительно переслали Генеральному прокурору СССР. Письмо было такое:

«Редакция газеты «Правда».

Уважаемые товарищи!

В Бухарской области сегодня ведется настойчивая работа по искоренению последствий негативных явлений, широко проявившихся в недавнем прошлом во многих сферах ее жизни, охвативших многие кадры партийных, советских, хозяйственных и правоохранительных органов. Все это крайне отрицательно повлияло на нравственные устои людей, моральный климат в трудовых коллективах.

Достаточно сказать, что 5 бывших руководителей разного ранга судебными органами приговорены к исключительной мере наказания. 11 бывших первых секретарей райкомов исключены из рядов партии, большинство из них привлечено к уголовной ответственности.

Первоочередная задача, стоящая перед партийными комитетами области, — вернуть людям веру в социальную справедливость, в необратимость перестройки, излечить их сознание от метастаз коррупции, протекционизма, семейственности, других порочных извращений вчерашнего дня.

Эту задачу можно решить только при условии полного и принципиального очищения областной партийной организации от скомпрометировавших себя в прошлом лиц. Однако сегодня мы сталкиваемся с упорным, зачастую даже организованным сопротивлением сформировавшихся в застойный период коррумпированных групп из лиц, еще вчера занимавших ключевые позиции в области. Многие из них в настоящее время освобождены от уголовной ответственности как добровольно заявившие органам следствия о даче взяток.

Не оспаривая решения, принятые Прокуратурой СССР, мы считаем, что правоохранительные органы обязаны были принять меры по очищению системы торговли от лиц, совершивших преступления. Вместо этого отдельные работники следственной группы, исходя из сиюминутных, сугубо узковедомственных интересов, пытаются обвинять партийные комитеты области, что исключение из рядов КПСС лиц, дававших взятки, мешает и даже вредит следствию.

Более того, эта позиция выносится на страницы центральных газет, например, в двух статьях в газете «Правда».

Как известно, § 12 Устава КПСС предусмотрена двойная ответственность коммуниста перед государством и перед партией. Лица, совершившие проступки, наказуемые в уголовном порядке, исключаются из рядов КПСС. В известном постановлении ЦК КПСС от 2 апреля 1988 г., по данному вопросу даны четкие разъяснения.

На наш взгляд, безнравственно представлять чуть ли не благородными цели лиц, заявивших следователям о даче взяток, с помощью которых они еще вчера не только выторговывали себе блага у должностных лиц, покровительство и поддержку по работе, но и сами вели преступный образ жизни, именно поэтому Верховный Суд Узбекской ССР вынес определение о возбуждении в отношении взяткодателей уголовных дел.

Могут ли оставаться в рядах партии работники торговли, процветавшие за счет взяток должностным лицам, полученных путем хищений, обмана государства, трубящихся? Размеры этих взяток однозначно говорят о коррумпированной системе, долгие годы существовавшей в сфере обслуживания.

Мы считаем, что если говорить о честном имени коммуниста, о социальной справедливости, высоких целях перестройки, то нужно слова подтверждать конкретными фактами.

Принципиальная линия областного комитета партии — полное оздоровление обстановки, решительное очищение партийных организаций от лиц, ответственных за создание в области коррумпированной системы. Трудящиеся области активно поддерживают ее.

Для сведения прилагаем списки лиц, прошедших в качестве свидетелей по уголовным делам в отношении бывших должностных лиц области.

Секретарь Бухарского обкома
Компартии Узбекистана
20 августа 1988 г.»

И. ДЖАББАРОВ.

Дата, между прочим, тоже имеет значение.

Это сердитое письмо преемник Каримова на посту первого

лица славной Бухарской земли написал после XIX партконференции, на которой присутствовал в качестве делегата. Отчего же он столь раздраженно клеймит бедолаг-«стрелочников»? Тех, кто помогал следствию выводить на чистую воду матерых мафиози?

Почему послание в авторитетнейшую газету страны намекает, что этих самых «стрелочников» не худо бы бросить под состав? И каждый абзац — как свисток к отправлению нового поезда мелочных репрессий.

Разгадка проста, как способ приготовления урюка из свежих абрикосов. Во время выступления на трибуне партконференции главного редактора «Огонька» В. А. Коротича у делегата Джаббарова, очевидно, кружилась от волнения голова. Опять непонятно? Ну что ж, пожалуй, хватит интриговать. К делу.

19 октября 1988 г. в самый раз «чурбановского процесса» в Ташкент по важным государственным делам прибыл первый секретарь Бухарского обкома партии.

Не спеша заполнил бланк гостиницы «Октябрьская». Так же не спеша поднялся в свой номер 23. Аккуратно положил на низенький журнальный столик дипломат темно-коричневого цвета. Набрал коды матово-желтых замков: левый — 110, правый — 001. Достал новенькую зубную щетку в хрустящем целлофане и бритвенные принадлежности. Отнес все это в ванную комнату. Раскладывая немудреное дорожное хозяйство на стеклянной подзеркальной полочке, отметил, что кафель подобран мрачно-ватый, и оттого вся ванная смахивает на кладовку. Или камеру. И отправился, что называется, в город.

Где и был задержан в семнадцать часов следователем. Кандидата в члены ЦК КПСС сразу же допросили. Вечером, ближе к полуночи, съездили за его дипломатом в отель...

Опуская вопрос следователя, процитируем лишь запротоколированный ответ И. Джаббарова:

«Когда я принял решение рассказать следствию всю правду, к сожалению уже после ареста, то самостоятельно, чистосердечно изложил эти факты дачи и получения мной взяток в своем заявлении и последующих показаниях. Конечно, находясь еще на свободе и на посту первого секретаря Бухарского обкома партии, я знал, что арестованы крупные в прошлом руководители республики и, конечно же, помнил, что я давал им взятки. Естественно, все это время я сильно переживал, боялся разоблачения и ареста, психологически плохо себя чувствовал, тем более после выступлений ряда этих лиц на страницах печати, где они открыто рассказывали о системе взяточничества в республике. Я был делегатом XIX партийной конференции в Москве, приехал в составе делегации Узбекистана. И когда на конферен-

ции был поднят вопрос о том, что в представленном конференции «деле» находятся взяточники, это было для меня большой неожиданностью.

Кли Я был готов к тому, что этот вопрос мог возникнуть где-либо на другом уровне, но на партконференции я этого не ожидал. Было очевидно, что статья в журнале «Огонек» — «Противостояние», написанная руководителями следственной группы Гдяном и Ивановым, касалась проблем Узбекистана, и, естественно, если речь шла в ней о взяточниках, то мы сразу поняли, что о ком-то из делегации Узбекистана. Поэтому я был сильно подавлен и расстроен, т. к. не исключал, что речь шла в том числе и обо мне как о взяточнике. Естественно, все эти дни я был в сильно подавленном состоянии. Так как было принято решение поручить КПК при ЦК КПСС и Прокуратуре СССР разобраться с этим вопросом, то я, естественно, ожидал вызова в КПК и начала разбора этой информации, но его не последовало.

Я хорошо понимаю, что, давая и получая взятки, я совершал неоднократно тяжкие преступления, за которые наступает суровая уголовная ответственность, и, конечно, все это время, пока велось и ведется следствие, сильно переживал, волновался, понимал, что рано или поздно мне придется отвечать за эти действия. Именно поэтому, когда я был арестован, то только в первые дни пытался отрицать свою виновность во взяточничестве, а затем понял, что следствию многое известно, что запираться и скрывать правду просто бесполезно, и решил, что самое лучшее и порядочное — рассказать правду о своих преступлениях».

Сколько витков наберет в себя эта спираль? Когда все это кончится? И, главное, — чем? В протоколах нет ответа.

Глава 22

ПРОГНОЗЫ

Уместно было бы назвать весь этот рассказ эпилогом бухарского расследования, действительно беспрецедентного на тот момент нашей истории. В то же время оно стало прологом крупнейшего в отечественной практике дела о коррупции, неверно названного «узбекским».

Бухарская мини-эпопея (мини- с поправкой на дальнейший масштаб), еще не закончившись, стала динамичной моделью противоборства с мафией. Причем, по всем параметрам.

Первый — следственная технология. Кропотливая и напоминающая игру в жмурки (на каждом из начальных этапов нового, более высокого «этажа») тонкая работа, с почти невидимой, готовой в любую минуту оборваться нитью, вытянутой из массивного и плотно переплетенного кокона, который порой на-

поминал яростный клубок ядовитых змей. И тогда казалось — лучше «их» не трогать. Пирамидальная структура вскрытой системы всеохватного взяточничества и наглого протекционизма с легко укладываемой — и от этого еще более пугающей — экстраполяцией вверх. И вновь казалось: не стоит так высоко забираться. Ни одна следственная машина, если уж на то пошло, не приспособлена для дерзкой, на грани самозаклания, работы в «вертикальном режиме».

Второй обобщающий параметр — это выявленная следствием тенденция прямо пропорционального «подъему по лестнице» нарастания сопротивления при контакте со следующим (ясное дело — более высоким) уровнем. Или — со смежными сферами (допустим, переход от «торгового участка» на «линию коррумпированного ОБХСС» или наоборот). Взаимно детерминированные мафиозные цепочки. Столь же замысловатые, сколь и прочные на разрыв.

Короче, все, что было выявлено в ходе «бухарского» следствия, оказалось затем живым пособием по дальнейшему продвижению вперед и вверх. Естественно, с поправкой на масштаб. Масштаб сумм, ресурсов, должностей. И замыслов.

Да, коррупция, как выяснилось, консервативна лишь на первый взгляд. На самом же деле она обладает просто-таки паразитической способностью к яростному самовоспроизведению. Способностью, основанной на живучести меркантильных принципов, нажитых за «десятилетия гордости», и еще более тревожной способностью расширять свои преступные горизонты и безапелляционно заглатывать малодушных (или тех, кто прикинулся ничего не ведающим о коррупции).

Вот здесь-то самое место для альтернативного прогноза. Прогноз первый. Следствие будет обречено без конца возвращаться три-четыре года спустя в свои кабинеты за двойными дверями, в который раз освобождая высокое кресло для очередного новичка, который (слаб человек!) опять окажется не в состоянии аскетически устоять — ни перед сладкими и обворожительными соблазнами «медных труб», ни перед Ее Величества Системой. Если будет так, тогда следствие обречено более, чем подследственные. Потому что юристы — живые и, увы, смертные люди, которым ни железный оптимизм, ни психологическая устойчивость не помогут стать не поддающимися износу винтиками монотонного «вечного двигателя». Словом, рано или поздно придется либо погибнуть от пули наемника, либо отступить, преклонив голову перед «традициями», носителей которых опекают все те, кто «не может поступиться принципами».

Прогноз второй — оздоровление политической ситуации, свержение власти неучей-узурпаторов, извративших ленинские

принципы и подменивших их своими (теми самыми, которыми так не хочется поступаться). Свержение, подразумевающее развенчание зарвавшихся в своем комчанстве бюрократов, которые, прикрываясь лозунгами, грабят народ от его же имени и якобы на его же благо. Это не значит, конечно, что перестройка должна использовать методы Ивана Грозного, Петра Великого или более поздних самодержцев. Но и миндальничать тоже нет времени. Иначе мы по-прежнему будем озабочены банановыми неладами в Центральной Америке, очередным табачным или мыльным дефицитом, глобальным СПИДом, а власть преержащие, чурбановы да сусловы, уверенно будут, как заметил Михаил Жванецкий еще в «застольные времена», иметь то, что охраняют.

И уже во всяком случае зазорно держать наш многотерпеливый народ в неведении, сладкоречиво мотивируя это тем, что малоинформированные люди, дескать, скорее перестроятся, а узнавшие правду разуверятся в будущем. Знать правду надо всем. Еще Салтыков-Щедрин писал, что искания правды «столь же естественны, как естетвенен и самый закон прогрессивного нарастания правды». Иначе вельможные преступники по-прежнему будут руководствоваться своим салонным кодексом номенклатурных игр.

К сожалению, сбылось тревожное пророчество основателя нашего государства: выпестовалась многомиллионная армия — нерушимое «чиновничество, фактически несменяемое, привилегированное, стоящее над народом». Стратегия перестройки обязывает всех нас не взирать на посты, занимаемые мздоимцами и казнокрадами. В противном случае преобразования в нашем обществе затормозятся и тогда бухарская схема (первое лицо — оно же и фактический руководитель мафии) грозит стать всесоюзной. Фронт перестройки проходит и по демаркационным линиям классов и номенклатурных списков, это уже сейчас ни для кого не секрет.

И еще один прогноз: если решительно не покончить с коррупцией сегодня, позднее высокопоставленные преступники войдут в еще более тесный, нежели выше, альянс с уголовными элементами, и тогда противодействие борцам за законность будет оказываться не на уровне «телефонного права», а уже на качественно ином уровне (не исключено, что даже на уровне вооруженного сопротивления).

И тогда любое расследование может обернуться в самую настоящую, с пулеметной пальбой, линию фронта. Лишь бдительность пилотов, заметивших блеснувший жарким солнечным зайчиком стальной трос, натянутый на взлетной полосе, уберегла от кровавой катастрофы пассажиров и экипаж самолета, в

котором должны были лететь в Ташкент из Карши следовательно. Готовившие покушение немного «оплошали»:

Следователей в этом самолете не было. Но в случае уда-чи ядро следственной группы, занимающейся «узбекским» де-лом, и вельможный арестант, за молчание которого кое-кто очень дорого заплатил бы, могли быть уничтожены.

Весной 1988 года стало известно, что за жизнь кого-либо из основных следователей уже уплачен боевикам-террористам гонорар в 150000 руб.

А семьи? В свое время за похищение дочери бывшего зам-начальника Сочинского УВД Александра Удалова дельцы гото-вы были заплатить 52 тысячи, хотя тогда честный офицер ми-лиции потревожил своим пристальным вниманием всего лишь мафиози городского, так сказать, ранга — собрал обличитель-ные материалы на секретаря Сочинского ГК партии А. Мерзло-го и др. Полковнику милиции Анатолию Базилевичу намекали, что, мол, семья его живет на той же молдавской земле, по кото-рой ходят директора, которых он посадил, а затем, несмотря на его обращения к Щелокову, засадили-таки честного офицера за решетку.

Но ведь следственная группа Прокуратуры Союза занима-ется неблагоприятными деяниями секретарей ЦК республики, чле-нов ЦК КПСС, министров внутренних дел, в конце концов. А ведь у последних очень большие возможности не только для шельмования, но и для шантажа и физического уничтожения не-угодных. Неудобных им и их высоким покровителям. Благо, ме-тодика уже отработана...

Будем надеяться, что в ходе перестройки грянет и переос-мысление моральных приоритетов, возрастет престиж следст-венной работы. А пока незуитский тезис «цель оправдывает средства» тяжелым жерновом нависает над родными и близки-ми честных и неподкупных стражей закона и справедливости. Почти никто из членов группы не решается выписывать жен на место работы, несмотря на то, что командировки тянутся по пять-шесть лет, отпуска скоротечны и нервны, как ночной зво-нок. Меры предосторожности приходится принимать даже в Мо-скве. Впрочем, что значит «даже»? Относительно недавно, но зато на все сто, как говорится, установлено, что столица мафии, куда сходятся все хитрые ниточки мздоимства, вовсе не Таш-кент, а, увы, она — первопрестольная.

В силу необходимости в следственной группе сложился свой жаргон, нужный хотя бы для общения по телефону, наверняка прослушиваемому недоброжелателями (во всяком случае, такие возможности, как выяснилось, у этих самых недоброжелателей нет-нет, да случаются). Так вот, преданных делу в группе величают «красными» (подразумевается, конечно, что сама группа укомплектована именно таковыми). Сочувствующих, но от драки воздерживающихся, выжидающих (это относится и к журналистам, и к юристам), снисходительно окрестили «розовыми». Ну, а среди противников перестройки — «белых», как на беду, слишком много тех, кто привык прикрываться пылающим кумачом президиумов и бравурно «красными» речами.

Эта полушутливая игра с цветами (и ревностное отношение к званию «красных»), напоминает фантазмагорию С. Абрамова «Неформашки», где отцы города Краснокитежска раскрашивают карту державы, бурлящей от непримиримой борьбы нового с застойным.

К этому непросто привыкнуть. Очень не просто. И поэтому для того, чтобы остаться в группе — и номинально, и душой, — необходимо, по меньшей мере, удовлетворять двум, но зато плакатно-однозначным условиям. Первое — быть Профессионалом с очень большой буквы, то есть грамотным, опытным, важным и — это основное! — неподкупным. Второе звучит менее парадно: ежедневно надо доказывать (и вовсе не коллегам) свою способность играть ва-банк. Способность, сопряженную, прежде всего, с Верой и Неприятием. Это тоже сложно. Потому что неприятие устоявшегося и канонизированного может позволить себе только сильная личность. Юлий Цезарь, например, утверждал: «Если все против тебя, значит, ты — самый сильный». Поскольку у группы есть союзники, можно ли делать вывод, что она еще не набрала силу? Нет. Скорее, напротив, чем шире будет фронт противостояния мафии, тем больше будет у юристов сочувствующих, дело-то общее. Однако сложно еще потому, что по-хорошему фанатичную веру в окончательное торжество Закона юристы из особой группы обязаны денно и нощно сочетать — такова специфика этой работы — с отчаянным недоверием ко всем и ко всему. Уж где-где, а здесь, «на полигоне» (так на следственном жаргоне называют место дислокации основной массы следователей на данный момент), стены, наверняка, имеют чуткие уши. Поэтому работающим в группе фактически запрещено (есть такая элегантная формулировка — «не рекомендовано») обсуждать свою работу. Даже друг с другом, а с посторонними и подавно. Вернее, не всю работу, а ее детали и част-

ности. Бывают исключительные обстоятельства, когда руководитель не может подсказать пришедшему за советом следователю-подчиненному, в каком направлении надо развивать тот или иной участок расследования. Тайна двоих, это, простите, — что? Правильно, уже не тайна!

Между прочим, следователи группы допрашивают подозреваемых по двое. Дело не только в чувстве локтя, но и в страховке от провокаций. И все же подследственные, время от времени, слomia голову переходят от робких намеков к лобовым предложениям (об этом уже говорилось). Проверка на излом? Или подследственные в каждом предполагают готовность к купле-продаже?

Каждому из двухсот (а всего через группу прошло более трехсот) следователей поручен узкий, как амбразура дота, участок следствия. «В нашей семье каждый делает что-то, но никто не знает, что же делают рядом. Такое ощущение, словно мы собираем машину, которая всех нас раздавит». На следствие тоже давят, причем так, что нервы лопаются. Впрочем, дерзкий сарказм автора процитированных стихов приложим к деятельности этой следственной бригады с точностью, как говорят математики, «до наоборот». Все бессонные усилия перешедших Рубикон безусловного чинопочитания — не ради «собрания» неведомой махины, а во имя разрушения.

Полного и бесповоротного разрушения мафиозной системы, маховики которой способны раскручивать приводные ремни искушенной мести на всех уровнях могучей управленческой структуры, чему хватает печальных доказательств.

Счет этих доказательств, увы, не закончен. И не исключено, что не будет закончен даже после того, как печатается последняя точка последнего тома из многих обвинительных заключений...

Заложники многолетней изнурительной драки с «должностными патриотами», опирающимися на поддержку сверху, солдаты закона, свято ненавидящие новых «столбовых дворян», едва не пропивших Родину, эти следователи верят в только по-настоящему ленинские идеи, хотя им, как никому еще, чаще приходится сталкиваться со лже-ленинцами.

Да, чего-чего, а фактов, дискредитирующих звание партийца, работающие в группе юристы выявили и выявляют предостаточно. И делают это, не взирая на громкие должности и высокие звания. История знает поучительные, хрестоматийные прецеденты, когда, допустим, Владимир Ильич Ленин приходил к следователю в качестве свидетеля и помогал ему в расследовании дела бывшего чекиста — бандита Пантелеева. А ныне ни одного члена ЦК КПСС невозможно опросить даже в каче-

стве свидетеля без кучи формальностей, нигде, кстати, не оговоренных (ни в УПК, ни в Уставе компартии!).

Отчего следователь должен неметь, когда видит, что — как пед когда-то молодой бард — «вверх и в темноту уходят нити»? Неужели шестнадцатилетнего мальчишку, похитившего соседский велосипед, со спокойной совестью и без хлопот лишить свободы можно, а секретаря республиканского ЦК, укравшего у своего народа миллионы, — нельзя?

— С каких это пор письмо на члена ЦК партии передают на рассмотрение в прокуратуру? — надменно вопрошала Я. С. Насриддинова. У нее были для этого основания. Когда следствие начало сужаться (а было это во время брежневско-рашидовского беззакония), она прорвалась на прием к первому лицу страны и получила «отпущение грехов». И Брежнев, и Подгорный прикрывали ее, не давали ход следствию.

Сегодня очаги коррупции обнаружены практически повсюду. Но все равно, многим хочется локализовать вскрытое, обозвав дело «узбекским». Кое-кому выгодно напаять на наконец-то обнаженную систему тотального взяточничества стеганный халат и цветастую тюбетейку — местные, мол, реалии. Это расследование многим кажется неудобным. Ведь титулованным мздоимцам нежелательно, чтобы оно превратилось в «московское». Как когда-то стало «узбекским» из «бухарского»... А «бухарским» из «музаффаровского»...

Глава 24

КОНЕЦ ЭМИРА

На первом допросе Каримов, взяв уверенными пальцами белый лист бумаги, обиженно сказал следователю:

— Я чист, как вот это.

Затем, много позже, после очных ставок и долгих бесед, он повторил свой красноречивый жест. Но рука его на этот раз держала копирку.

Было ли это притворной, рассчитанной позой? Или экс-«эмир» действительно понял, что правил своим «эмиратом» недостойно? Что заглядывая в обрисованную пленумами даль, был преступно слеп? Что слыша мучительные протесты, остался неприступно глух? Что имея язык, обрек себя на рабскую немому? Можно ли верить в раскаяние так далеко зашедших «правителей»?

Не хотелось рисовать портрет Каримова и его «сподвижников» краской недоброй, черной, словно та самая копирка. Ведь многое можно, разложив по полочкам, объяснить. Многое, пусть и не все, — понять. И, поняв, что-то простить. Подчеркиваем,

этот человек, как и многие-многие другие, сам стал жертвой. Жертвой Системы.

Но светлых, по-человечески нежных тонов, видимо, все-таки не найдется.

Конечно, народ, переживший правление Рашидова, помнящий, наравне с другими народами, тяжесть бериевских сапог, годы хрущевского волюнтаризма, хмельной брежневский разгул — не растоптать, коль скоро он, пройдя через все эти лихолетья; не располонился на холодных карателей и репрессированных с разбитыми губами. Но значит ли это, что ему — истосковавшемуся по правде, битому, поротому, стреляному, обворованному народу — не страшны теперешние каримовы? Или ждущие своего часа, умудренные опытом вполне удачливых предшественников, сусловы, которые сумеют «объяснить», что музаффаровы — нетипичны, а потому — не опасны?

И все же, надеясь на лучшее, скажем: метаморфозы не обязательно укладываются лишь в рамки прокурорского словечка «перерождение». Может, может человек исправиться! Вернуться к себе. Вспомнить себя. Собранные коробочки хлопка проходят десятикратную очистку, прежде чем волокно становится «пригодным к употреблению».

Каримов, Музаффаров и Кудратов были приговорены к расстрелу. В порядке исключения эту меру наказания всем трем заменили двадцатилетними сроками заключения.

Время ждать. Думать.

Реванша не будет. Ни у них. Ни у Системы, их породившей. Не должно быть.

ЭПИЛОГ

О работе группы многие судят лишь по «выданным на гора» миллионам. Экспозиции изъятых ценностей действительно производят впечатление. Однако добывают их в жестких условиях. Отправляются на такие операции следователи и оперативники, как правило, на десятке различных машин. Прикрытие — арьергардный вездеход с автоматчиками. Маршрут известен обычно только двум-трем руководителям группы. По радию время от времени: «Говорит первый, сейчас — поворот на колхоз такой-то». Приданный группе боевой вертолет прибывает на место чуть позже...

Репортажных подробностей хватит, пожалуй. Детективных страстей, полагаем, уже нагнали. Следует объяснить, почему подобные «операции по выемке», начинаясь с рассветом, затягиваются до глубокой ночи, а иногда не укладываются ни в 24, ни в 48, ни в 72 часа.

Например, самоубийца Гаипов не только не выдаст теперь своих столичных покровителей, но и унес в могилу всю схему тайников.

Эти люди зачастую не доверяют полностью никому из близких. Миллионы рассредоточивают по доверенным людям. Но свою раскладку не сообщают никому, кроме жены.

Потом, когда начинается кропотливый поиск, вступает в силу утомительный «закон веера». Допустим, передал Гаипов одному из своих фаворитов заветные «дипломаты» с миллионами (кстати, по многолетней «взяточной» практике установлено: стандартный широкий «дипломат», набитый сторублевками — 1 миллион... Чтобы не пересчитывать. И еще «кстати» — котировались только пятидесяти — и сторублевки, за обмен пачки «трешников» или «пятерок» на крупные купюры платились

деньги, 35—36 «трешек» эквивалентны одной «сотенной»).

Доверенное лицо распределяет ценности по знакомым. Те, в свою очередь, — по своим точкам. В результате стоящий на определенном ступеньке хранитель иногда не ведает, где в данный момент находятся мигрирующие сокровища. Он может лишь добросовестно показать, кому их передал. Такая «цепочка» дает возможность саботировать розыск, кивать на соседей, к которым якобы с испугу подкинули мешок перед визитом опергруппы и т. д.

И следствие вынуждено добираться до самого низа этой многоярусной пирамиды. В результате изъятие, которое можно было провести еще скажем, год назад, одним ударом, дробится теперь на хлопотное рассеивание сил.

Порой у конечного (на данный момент) укрывателя хранится лишь дюжина золотых гиней, пара жемчужных бус, ассигнаций тысяч на 20—30 и прочая, по «ханским» понятиям, «мелочевка». Очень часто бывает, что приезд группы опережает на час-два «контроперация» по рассредоточению. Земля, как известно, слухами полнится. И людьми, которые полезные сведения охотно передают «кому нужно».

Так что описанные в газетах победные визиты с извлечением многопудовых чемоданов, набитых купюрами и слитками, — картина скорее гипотетическая. В жизни все сложнее, дольше, изнурительнее. Приходится очень точно, как в аптеке, вычислять момент операции. Чтобы не спугнуть раньше времени. И не упустить.

И еще об одном мифе. Доводилось сталкиваться с категоричным мнением, что «рекламировать» это дело не стоит. Народ, мол, не желает, чтобы его «славили на весь мир». Большинство декларирующих такие демагогические выверты просто завязаны, так или иначе, с мафией и мечтают замять расследование, расправиться со свидетелями и приуменьшить масштаб коррупции. Ну а тем, кто просто купился на риторику или искренне заблуждается относительно реакции народа, можно лишь одно посоветовать — пообщаться с этим самым народом.

Люди, простые люди, благодарят следователей. Спрашивают: «Когда же к нам приедете?». Каждый волен спросить.

Спросите у тружеников, которых средневековыми пытками понуждали к участию в грандиозном парадном обмане «рекордными урожаями» — жаждут ли они возвращения старых лозунгов и сохранения лицемерных порядков, когда все, включая печатное слово, имеет меркантильный эквивалент, а жулики одабривают друг друга монументальными вазами с собственным изображением?

Спросите у безропотных дехкан, которых фанфарная система заставляла возделывать опи́йный мак и профессионально производить наркотики, и все во имя того, чтобы зажавшиеся сынки «именитых руководителей» имели возможность развлекаться с заезжими эстрадными дивами.

Спросите у жен и матерей, у детей тысяч и тысяч посаженных «за хлопок» бригадиров, занимавшихся приписками, дабы их сановное руководство могло этими грязными деньгами оплатить услуги «модных» живописцев, запечатлевавших «новых ханов», как они рассчитывали, для народных музеев.

Спросите у золотодобытчиков Зарафшана — мечтают ли они гнуть спину, чтобы из сработанного ими металла опять лили бюсты современных «отцов народа»?

Спросите у Бахтияра Абдурахимова, одного из лучших следователей группы, — во вред или на благо своего поруганного народа разоблачает он тех, кто мнит себя его вождями?

Спросите. И услышите. И поймете.

**МАФИЯ
ВРЕМЕН БЕЗЗАКОНИЯ
Т. ГДЛЯН
Е. ДОДОЛЕВ**

Сдано в набор 04.02.91г. Подписано в печать 03.06.91г. Формат 60x84/16.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,3+0,93 цв. вкл. Тираж 200000. Заказ 1098
Цена 10р.
Типография издательства ЦК КП Армении.

